

Похождения Дениса в нарисованном мире

Почти фантастическая повесть

1.

Был на свете мальчик. То, что у него есть брат, мальчик понял вдруг и внезапно, как бывает, когда понимаешь, что первые три школьных класса, которые ты с успехом одолел, получив свои слюнявые тетрадки с первыми неловкими шагами в науке написания букв и распрощавшись с плачущей молоденькой учительницей, - далеко не вся школа. Что помимо неё есть и другие галактики, называемые "колледж" и "университет".

Но речь сейчас не о них. Ведь настоящий, живой братик - согласитесь - это кое-что гораздо интереснее, чем эфемерные учебные заведения, которые, может, и вовсе перестанут существовать к тому времени, как мальчик до них дорастёт. Схлопнутся, как и положено галактикам, в чёрную дыру.

Впрочем, то, что он "живой", папа с мамой сразу поставили под сомнение.

Выслушав мальчика, они отправились в дальнюю комнату на совещание. Пацан слушал, прильнув ухом к двери:

- Ты ему сказал! - говорила мама.

- Нет, ты! У меня и в мыслях не было... - восклицал отец.

Но ему никто ничего не говорил. Он просто понял, и всё. Это знание смотрело из темноты пристальными кошачьими глазами, а если есть глаза, значит, есть и кошка, верно? Это знание как-то само появляется у тебя в голове: не может быть глаз без кошки. Не может быть знания, что у тебя есть брат, без брата.

Спустя десять минут мама с папой вышли из комнаты. Мама опустила перед мальчиком на корточки, её небесно-голубое платье важно колыхалось вокруг тонких щиколоток.

- Малыш, - сказала она, - откуда ты знаешь?

- Где он, мам?

Мальчик уже не озирался так радостно и оголтело, как в первую минуту, когда узнал, что у него есть брат. Тогда за десять минут он обыскал весь дом, но почему-то никакого брата не нашёл. И теперь он лишь хотел узнать у родителей, куда они спрятали мальчишку.

Так он об этом и спросил.

- Сначала ты скажешь, кто тебе рассказал, - сказал отец громко. Обычно этот строгий голос пугал мальчика, но не сегодня. Сегодня он во что бы то ни стало хотел узнать правду. Он, как оруженосец, почувствовавший в себе достаточно храбрости, чтобы быть рыцарем, готов был напялить себе на голову латунное ведро, взять швабру, в иные разы служившую лошадью, а в иные - грозным боевым копьём, и ринуться отбивать правду у милых странных великанов, с которыми ему, ещё недавно малышу из страны Сопляндии, а теперь почти-взрослому-мальчишке, приходилось жить. В каких таких подземельях они его держат? И за что?

- Подожди, Слава, - рассудительно сказала мама. - Не нужно его ругать. В любом случае, виноват не он.

- А кто же тогда? - пробурчал в усы отец. Ему хотелось кого-нибудь поругать. Огромные, как космические корабли, руки сжимались и разжимались. Когда мальчик с отцом играли в "Звёздные войны", эти руки (каждая по очереди) были "Тысячелетним соколом".

Мама тем временем сказала:

- Ты, Денис, наверное, сам себе всё это нафантазировал. Скажи-ка: ты хоть раз его видел, этого твоего якобы брата?

- Ни разу, - прошептал малыш. Всё вокруг него потускнело. Откуда он мог знать, что рыцаря, прославленного воина, можно остановить одним лишь словом прекрасной дамы? Тем более если эта прекрасная дама твоя мама. Куда уж прекраснее?

- Ну вот, видишь? - сказала мама рассудительно. Она могла лучиться, как редкая монетка, которую только что протёрли полиролью, или латунная пуговица, а могла быть осторожной, как сапёр на работе. Такая мама всегда вызывала у Дениса подозрения, ему мерещились бесчисленные тайны под бесчисленными замками. Во сне он, бывало, бродил по тёмным казематам, прятался от стражей и пытался подобрать к этим тайнам ключи.

И тут прославленный сапёр совершил ошибку. Он решил, что если занять мину чем-нибудь полезным (к примеру, приспособить под горшок для японского дерева бонсай), у неё не будет времени на то, чтобы рвануть.

- Иди-ка, уберись на заднем дворе, - сказала она. - Помнишь, ты обещал летом выкопать вокруг моих роз сорняки? И загляни в будку Рупора, кажется, там снова лежит штук пять папиных тапочек.

Теперь мальчик точно знал, что мама лукавит. Все его подозрения укрепились, а ожидания выросли. Сначала (когда копал в овсяной каше за завтраком тоннель к подкашным гномам, которые ковыряют из стен замка изюм и кусочки яблок) Денис был уверен, что братик наверняка меньше него. Но он был уже достаточно взрослым, чтобы понимать, что дети не берутся из воздуха. Во всех подробностях, конечно, не знал, но подозревал, что это достаточно длительный процесс, и просто так, без его ведома, мама с папой дело обставить не смогли бы. Это всё рано, что купить перед его, Дениса, днём рождения огромный экскаватор и пытаться прятать его несколько дней в шкафу. Каким бы ни был большим тот шкаф, нет такого экскаватора, до которого пыливый мальчишка бы не добрался. И тут, как при грабеже банков ("Перед тем, как брать кассу" - говорят бандиты в кино), важен план. Так что оставался один-единственный вариант – братик старший, просто он однажды взял и исчез. Может, его отправили в интернат: мальчик слышал, что есть такие ужасные места, куда ссылают плохих детей. Может, братик себя не очень хорошо вёл, хотя в это и трудно поверить: если он старше, то вряд ли стал бы выбрасывать из супа на пол картошку, в надежде, что пёс уничтожит улики без следа. Мама говорила, что нет ничего хуже. А если нет ничего хуже картошки на полу, что же надо сделать такого, чтобы угодить в интернат?

- В каком же он классе? – спросил Денис, схватив маму за коленку. Ему нравилось прикасаться к шелковистой ткани этого платья, воздушного, как зефир.

- Он не ходит в школу, - сказала мама, досадуя, что её план отвлечь сына провалился. - Когда-то он ходил в детский сад.

- Я помню, помню! - радостно заявил мальчик. - Он был вот таким высоким, в красно-синей кофте и со шляпой. Ещё у него были белые кудрявые волосы. Он любил сидеть возле моей кровати - той самой, с бортиками, - когда я засыпал...

- Нет, малыш. Ну какие белые волосы, да ещё тем более кудри? Посмотри на нас. У меня волосы коричневые. У твоего папы - чёрные, и чёрная борода... хотя кудрявая, этого не отнять. То, что ты помнишь - хотя я удивлена, что ты действительно это помнишь - клоун, которого мы привезли из Амстердама. Он был из ваты и платяной ткани, а шляпа - из крашеного картона. Его порвал Рупор, и мы его выбросили. (Рупором звали пса за громкий голос, из-за которого частенько ругались соседи). Мальчик притих и ждал продолжения.

- Что касается братика... - мама ступала на тонкий лёд. Отец, схватив было газету и вознамерившись спрятаться за ней, аккуратно, как змею, сложил её на коленях, наблюдая за женой и сыном. - Это было ещё до тебя. Ты тогда существовал только у нас с папой в головах, поэтому ты уж точно не мог быть с ним знаком. Просто... он так и остался малышом, а ты родился и вырос.

Это поставило мальчика в ступор. Брови отца нависли над глазами, словно тучи. Возможно, ему хотелось надрать кому-то уши.

- Он что, сейчас маленький? Ходит в сад и играет с пластиковым паровозом? - спросил Денис.

И тут мама не выдержала. Слёзы хлынули из её глаз ручьями. Папа поднял её за плечи и, сурово взглянув на сына, увёл в комнату. А тот сидел, пытаясь уразуметь, как вопрос может так легко

расстроить взрослого. Он уже знал, что есть опасные вопросы, острые, особенно такие, которые касались маленьких секретов мамы от папы, или крошечных папиных тайн, вроде сигарет, которые он хранил на балках под козырьком крыльца. Однако этот вопрос... он другой. К горлу подкатил комок. Мальчик несколько раз неуверенно хныкнул, но по-настоящему плакать не стал, он уже вышел из возраста, когда можно вволю порыдаться из-за любой мелочи. Кроме того, зачем расстраиваться, когда ты только что узнал такую прекрасную новость! Мальчик подумал с минуту и решил, что этот день станет *эпохальным*. Даже эпохальнее дня, когда ему наконец-то купили новый велосипед, двухколёсный, со скоростями и ручными тормозами, как у взрослых.

Да, определённо это так.

Рыдания в соседней комнате утихли ещё не скоро. Сначала они стали глухими, и Денис понял, что мама теперь плачет, уткнувшись отцу в подбородок или в плечо. Что всё-таки её так расстроило? Денис пошёл гулять.

Первым делом он решил посетить детский сад, в который когда-то ходил и сам. Это была отличная идея. Где же ещё искать, как не вокруг пластикового паровоза? Денис прекрасно его помнил: яркий, красный, с большими жёлтыми колёсами и четырьмя прицепными вагонами. На него можно было усесться верхом и ехать, держась за трубу, напрямик в Торонто, город в Австралии, намалёванный на стене.

Сейчас разгар летних каникул, асфальт приятно-тёплый и, словно спина зебры, в полосах от следов шин. Школа, этакая прямоугольная разновидность медведя, впала на лето в спячку. Главный недостаток детского сада, насколько помнил Денис, в том и заключался, что в такое прекрасное время – время беготни по гаражам, игр в войнушку и в конкистадоров в ближайшем лесу (Денис с раннего детства обожал наблюдать за старшими мальчишками), ты вынужден собираться с утра и тащиться с кем-то из родителей в душную коробку сада с его пусть и многочисленными, но давно надоевшими игрушками и занятиями.

А вот теперь свобода! Бинго! Кавабунга! Крутяк крутятский! Денис готов был снова и снова повторять любимые словечки – только они могли передать его восторг. Однако в жизни каждого человека наступает время, когда нужно посмотреть назад. Вернуться к корням после долгих странствий. Снова вспомнить, как оно было, пересмотреть ошибки детсадовских лет с высоты своего возраста и жизненного опыта. Денис считал, что такое время для него наступило. Тем более нашёлся к тому великолепный повод.

Запихав руки в карманы, он отправился по знакомой с детства тропинке между пунктом приёма стеклотары и веломастерской, мимо пары двухэтажных коттеджей вроде того, в котором обитало их семейство. В одном из них жила Полина, она только-только пошла в первый класс, совсем ещё слюнтяйка; в другом - две одинокие старухи, приходящиеся друг другу сёстрами. Одна из них любила смотреть на детишек со второго этажа и мило улыбаться, ещё она горстями швыряла из окна конфеты. Другая вечно возилась на пяточке земли возле дома; руки у неё были по локоть в земле, а ногти, страшные длинные ногти, напоминали зубья от старой ржавой грабли. Она была угрюмой, вечно недовольной, и дети привыкли обходить старых сестёр за версту (издалека никогда нельзя было сказать наверняка, кто из них идёт тебе навстречу).

Не вынимая рук из карманов и сохраняя важный вид, Денис проследовал мимо вахтёрши. Она даже не подняла взгляда от кроссворда. Наверное, приняла его за пришедшего навестить старых воспитателей выпускника, кем он, по сути, и являлся. А может, просто не заметила из-за монументального своего стола, хотя Денис изо всех сил пытался казаться повыше.

Он прошёл мимо малышни, которая как раз с весёлыми криками тянулась на обед (по мнению Дениса, ничего интересного их там не ждало; «сникерсы» обыкновенно дают по пятницам, бананы по вторникам – а сегодня среда; ни туда, ни сюда), внимательно вглядываясь в каждое лицо и надеясь, что знание, которое взяло и без спросу вторглось к нему в голову, поможет опознать собственного брата. То есть теоретически он должен быть похож на Дениса, но сам Денис не питал на этот счёт иллюзий. Бывало (особенно в раннем детстве), он не мог узнать себя в зеркале и ревел так, что сбегался весь дом, и Рупор заводил свою вечную шарманку: «Вуф...вуф...вуф...». «Просто

удивительно, как это ты до сих пор не увязался за какой-нибудь цыганкой, перепутав её со мной», - смеясь, говорила мама.

- Ба, какие люди! – от изучения светящихся ребяческих рожц Дениса отвлѣк дружелюбный возглас воспитательницы. Несмотря на то, что ей было всего двадцать четыре года, Денис про себя считал её старой. Когда тебя называют дядей или тѣтей, считал он, тебе ничего не остаѣтся, кроме как присматривать себе подходящую краску для волос, которые, без сомнения, вот-вот начнут сесть. Или покупать очки, чтобы хоть чуть-чуть отсрочить старческую дальнозоркость. – Сам Денис Станиславич! Ути-пути-какой-ты-вырос!

- Я ищу своего брата, - сказал Денис. Он терпеть не мог сюсюканья. - Мне сказали, он ходил в сад. Воспитательница, тѣтя Тамара, прикрыла ладошкой рот. Она была стройная, но с круглым лицом и удивительно краснощѣкая.

- Сладкий мой! Да кто же тебе сказал-то?

Опять этот вопрос. Денис скрестил на груди руки.

- А вот никто. Сам догадался.

Поняв, что на воспитательницу надежды мало, он предпринял самостоятельные изыскания. Нашѣл паровоз, великолепно-красную, похожую на столб пламени, трубу которого за прошедшие годы пересекла не одна трещина, а из четырёх вагонов осталось только два. Но и около него ни одного малыша, хотя бы предположительно напоминающего его брата, не наблюдалось. Тѣтя Тамара тем временем куда-то звонила. Глаза её были красны. Когда она закончила разговаривать, Денис спросил:

- Мне интересна одна вещь, тѣтя Тамара, одна простая вещь. Почему же все, кроме меня, знали о существовании моего – моего! - брата? Так, знаете ли, не честно. Скажите хотя бы, как его звали.

Стараясь подражать голосу отца, он разбавил свой мальчишеский голос недовольным, даже сердитым тоном. Тѣтя Тамара окончательно расстроилась: она достала белый в синюю крапинку платок и выуживала из уголков глаз хрустальные слезинки.

- Масимба, - сказала она. Нос её был заложен.

Странное имя. Больше подходит какому-нибудь герою мультяшек, из тех, что надувают кулаки и лупят друг друга по голове под заводную музыку. Наверное, родители что-то подобное как раз смотрели, когда думали, как назвать первого сына. Теперь хотя бы отчасти стало понятно, почему мальчишка до сих пор здесь сидит: только в садике тебя будут уважать с таким именем. Школа... школа показалась бы Масимбе адом.

- И где он? – Денис не мог сдержать нетерпения. - Только не говорите, что ему нравится гречневая каша со шкварками, которая сегодня в столовой (Денис опознал запах). Я лично терпеть её не мог. Хотя мама говорит, что это вкуснятина. Теперь я догадываюсь, в кого пошѣл мой брат.

- Его здесь нет, - сказала тѣтя Тамара в перерывах между рыданиями. - Уже давно. Спроси лучше у папы. Я как раз ему позвонила.

Так Денис, узнав некоторые подробности, снова, по сути, остался ни с чем. Он уже повернулся, чтобы уйти, когда воспитательница его остановила. Она бросила безуспешные попытки запрудить озѣра слѣз, и те лились теперь из глаз рекой.

- Что бы тебе ни рассказали родители, знай... твой брат где-то есть. Он наблюдает за тобой оттуда.

Мальчик вышел на улицу, под аккомпанемент стрижиных криков побрѣл в сторону дома.

Было странно думать, что братик от него прячется. С чего бы это? Может, просто стесняется того, что до сих пор ходит в сад, в то время как младший брат уже окончил третий класс?

Он запрокинул голову и закричал насколько хватало лёгких:

- Эй, Масимба! Покажись! Я не буду над тобой смеяться, совсем-совсем.

Небо сияло. Оно было такое пронзительно-синее и в то же время такое прозрачное, как будто выложено драгоценными камнями. На втором этаже коттеджа сестѣр-старух растворились створки, и против ожидания оттуда выглянула сестра-грязнуля. Положив перед собой чѣрные от земли ладони, она неодобрительно посмотрела на мальчика. Денис решил, что, наверное, она занимается геранью, что стоит на южном окне. Иначе зачем ей в доме такие грязные руки? Должно быть под ногтями у неё уже завелись жуки.

Для верности (а ещё чтобы не видеть сестру-грязнулю), Денис зажмурился и досчитал до десяти. Но ничего не изменилось. С оглушительным чириканьем летали воробьи и рассаживались по пыльным кустам сирени. Девочки, что выходили из ворот спортивной площадки, дружно жуя пирожные с творожным кремом, замерли, глаза на мальчишку, а потом взорвалась сюсюканьем и смешками. Может, его брат – девочка? Нет, это уже совсем никуда не годится.

На глаза Денису вдруг попала часовая башня. Он никогда не обращал на неё особенного внимания – башня и башня, что в ней может быть занимательного? Но сейчас он задумался: если, как говорит тётя Тамара, братец и вправду за ним наблюдает, он может делать это только оттуда. И наблюдал всё то время, пока Денис вырослел, карабкался на своё первое дерево, бегал со своими первыми приятелями и собирал по дворам бутылки и ненужные газеты, чтобы заработать первые пятьдесят рублей, и потом с треском просадить их на лимонад и жвачку. Это единственная точка в Выборге, которую видно если не отовсюду, то почти отовсюду. Папа говорил, что там висит огромный, почерневший от времени колокол, подаренный когда-то городу самой Екатериной второй.

Приложив руку козырьком ко лбу, Денис смотрел на башню. На самой её вершине что-то бликовало, это мог быть тот самый колокол, а мог бинокль или подзорная труба, через которую Масимба наблюдает за братом.

Неуверенно Денис махнул рукой этим бликам, вызвав новый шквал сюсюканий и смешков среди девчонок. И побрёл домой. "Я тебя обязательно найду – думал он. – Непременно. Ведь я всегда хотел иметь брата".

2.

- Садись, сын, – сказал папа. – У нас с тобой сейчас будет очень серьёзный разговор.

Денис сразу присмирел. У них с отцом вообще никогда не было "серьёзных разговоров". Когда кто-то из друзей-приятелей говорил: "Мне вчера от папаши такая взбучка прилетела", Денис хвастался:

- А мне вот ни разу даже ушей не надрали.

- Да ну, брешешь, – не верили друзья. Но то была абсолютная правда, и Денис, наблюдая покрасневшие шеи или ёрзанье задниц, которые явно перед этим надрали, почему-то совсем не чувствовал себя хорошо. Появлялось ощущение, что мимо него проходит порядочный кусок залихватской мальчишеской жизни. Они были самыми обычными мальчишками, а он, сам того не желая, выделялся. Был белой вороной. Будто пазл, в котором не хватало куска, не такого уж важного, но как ты можешь не думать об этом проклятом кусочке, когда картинка у тебя перед глазами ежедневно, от утреннего поцелуя мамы и до отхода ко сну?

Стоит сказать пару слов о Денискином отце. Позже вы непременно захотите узнать о нём больше. Он строгий, молчаливый, похожий со своей бородицей и всегда нерасчёсанной шевелюрой на медведя. Кое-кто во втором классе, думая, что Денис не слышит, назвал его Карабасом-Барабасом, а Витька-Индеец поправил: "Не Карабас-Барабас, ты в каком веке, в конце концов, живёшь? Никто уж не помнит этого твоего Барабаса. Это натуральный Хагрид". Денис не стал лезть в драку. Самое время было возгордиться, что он и сделал. Когда кто-то спрашивал: "Наверняка он держит тебя в чёрном теле?", Денис важно кивал и показывал на локтях отметены, заработанные падением с велосипеда или где-нибудь ещё.

Конечно, это была неправда: на взбучки Денискин папа жадился. Мог разве что посмотреть тяжёлым взглядом и сказать: "Чтоб больше такого не было". Мог стоять над тобой и хмуро, сердито сопеть (у него вечно был заложен нос, папа даже таскал с собой в кармане, домашних ли штанов, рабочих ли брюк, специальные капли). Нет, вы явно недооцениваете тяжесть этого взгляда! Давайте я скажу вам ещё вот какую штуку: взгляд этот был такой тяжести, что всё внутри у тебя буквально *переворачивалось*.

- Наверное, у него тёмное прошлое, – так говорил Митяй, Денискин лучший друг.

- Что за прошлое? – робко спрашивал Денис.

- А мне почём знать? - недоумевал Митяй. - Твой же батя, не мой. Но так говорят. *Тёмное прошлое*. Когда есть что скрывать, человек становится мрачным, как грозовая туча, и надутым, как воздушный шар. Никого не напоминает, а? (он подмигнул). Может, твой папаша когда-то был киллером, как в Леоне.

У Митяя, несмотря на дурацкую внешность, на все ужимки и кривляния, которым мог позавидовать даже Мик Джаггер, в голове были ужасно дельные вещи. С тех пор Денис иногда фантазировал: что, если бы папа оказался злобным волшебником, который поселился среди магглов и их собачек, обзавёлся семьёй, чтобы меньше выделяться. Или киборгом, который скрывает от жены и сына резиновую кожу на подбородке наклеенной курчавой бородой. Насчёт мамы у Дениса иллюзий не было: она не могла быть никем, кроме как обычной женщиной, немного суетливой, чрезмерно беспокойной, которая закалывала по вечерам перед круглым зеркалом волосы в высокий хвост, а по субботам готовила вкуснейший борщ, который называешь "волшебным", никакой подоплёки за этим словом не тая.

И вот сейчас Денис не знал, куда себя деть от волнения. Возможно, после этого разговора - первого по-настоящему серьёзного разговора в их жизни - что-то поменяется так сильно, что ему придётся бросить школу и уйти отшельником в пустыню, переосмысливать всю свою жизнь.

- Не знаю, зачем ты так упорно расстраиваешь нас с мамой этими разговорами, - сказал отец. - Кто бы тебе не рассказал, что у тебя якобы был брат, он поступил очень плохо. Твою маму я отправил прогуляться по магазинам - она была сама не своя - а сам постараюсь с тобой объясниться.

Денис остался стоять, глядя, как отец ходит по комнате, рассеянно переставляя предметы. Доски пола скрипели под его ногами.

- Он и вправду есть?

Прибежал Рупор, цокая когтями, и мальчик рассеянно потрепал его по холке.

- Он, наверное, карлик. Поэтому я его не замечаю. Поэтому он до сих пор ходит в детский сад.

- Ты слишком много смотришь телевизор, - сказал отец так, будто сам был не слишком уверен, хорошо это или не очень.

Денис удивился.

- Как же его не смотреть? Там же показывают фильмы.

Фильмы в последнее время были страстью Дениса. Мультки, как любой нормальный ребёнок, он, конечно, тоже смотрел, но целые жизни, сложные, порой совершенно непонятные, уложенные в полтора часа экранного времени, в последнее время всё чаще увлакивали его за собой, как волк из сказок уносит младенца.

Отец вздохнул. Звучало это, как будто в толще дерева застряла пила.

- Про твоего брата не снимут фильм. В том, что ты его не видишь, нет ничего удивительного. Совсем ничего. Он пропал. Исчез навсегда. И тут уж ничего не поделаешь, ищи - не ищи. Поверь мне, я знаю. Время для него остановилось.

Дениска притих, сжимая между коленей голову Рупора. Отец редко когда позволял себе произнести столько слов разом.

"Ага, - подумал он. - Дело здесь нечисто. Куда пропал мой брат? Почему все, кроме меня, об этом знают и не хотят делиться со мной подробностями? И что, в конце концов, это за штука, которая может останавливать время?"

Хотя нет, не все. Денис был уверен, что Митяй тоже ничего не подозревает, как и прочие школьные приятели. Что же, получается *ничто* может прийти в любой момент и остановить в тебе взросление, стремление стать большим, больше всех, сильнее всех, умнее всех, отобрать возможность стать героем или гениальным исследователем... утащить тебя, ничего не подозревающего, в никуда?

Денис снова подумал о башне с часами. Если есть в этом городке место, в котором за свою короткую жизнь он не побывал, то это она. Ещё, правда, есть парк Монрепо, далеко за выборгским замком, а в парке множество туманных потаённых уголков, но Денис справедливо рассудил, что на велосипеде быстро туда не добраться. Кроме того, под странное словосочетание "остановившееся время" часы

на башне подходят идеально. Ведь ржавые стрелки не сдвигались с места вот уже четверть века, а большая, та, что замерла на сорока пяти минутах, сделалась постоянным насестом для голубей.

Да. Часовая башня в исторической части города подходит идеально.

- Что у тебя на уме, сын?

Отец теребил бороду.

"Раскрыть эту тайну!" - собирался заявить Денис, но в последний момент ничего не сказал. Несмотря на то, что ему ни разу даже не грозили ремнём, тяжёлый, непроницаемый взгляд как будто говорил: "Заведи-ка у себя в голове сейф, малой, и прячь туда свои мысли". Глаза у папы были ровно тёмные очки.

- Ничего особенного, - сказал Денис, отводя глаза.

И всё же, что значит этот разговор? Для Дениса он значил очень много - просто самим фактом своего возникновения. Но он терялся в догадках, что мог он значить для папы.

Отец никогда не выглядел как человек, которому интересен собственный сын. Скорее, он выглядел как человек, которого тяготит какая-то тайна. Денис полагал, что с ранних ногтей открыл у себя нюх на тайны. Когда Рупор утащил папин носок и зарыл его на заднем дворе, под кустом облепихи, она была тут как тут. Она - тайна, которая, прицепившись к хвосту пса, пригнала его к земле. А теперь из фильмов Денис наконец узнал, как может выглядеть человек, которого что-то тяготит. Папа однозначно тянул на героя какого-нибудь странного, жестокого и большей частью непонятного кино, вроде "Крёстного отца".

- Абсолютно ничего, - повторил он и, дождавшись когда папа наконец устанет от созерцания краснеющих мальчишеских щёк, выбежал прочь.

До вечера оставалось достаточно времени. Достаточно, чтобы кое-что проверить.

Крутя педали велосипеда, Денис надеялся не столкнуться с матерью, возвращающейся из магазинов. "Куда катишь, Дениска?" - последовал бы вопрос, если, конечно, доброе расположение духа уже к ней вернулось. И ему пришлось бы выкручиваться, юлить, может, даже соврать... не то, чтобы Денис был примерным сыном, но врать он не любил.

Часовая башня с некоторых пор была закрыта для посетителей. Она ведь очень старая, эта башня. Возможно, по ней сверяли время какие-нибудь маркизы и графы... или кто здесь жил до того, как город перекочевал под крыло советской власти? Мама рассказывала, что в юности, когда они с папой только-только сюда переехали, башню как раз начали заворачивать в кокон строительных лесов. Доступ на смотровую площадку тогда уже закрыли. Когда дул ветер, вся конструкция стонала, как древняя старуха, а в досках пола с пугающей регулярностью образовывались дыры. Остатки тех лесов теперь чернели у самого её основания, вместе с красными, будто отвалившимися от древней, потухшей в незапамятные времена звезды, кирпичами. "Добрые намерения не всегда значат, что дело будет доведено до конца", - говорила по этому поводу мама. И после добавляла небольшое нравоучение: "Помни об этом, сынок, и когда понимаешь, что у тебя не хватает сил и терпения что-то доделать, подумай, ради чего ты вообще это начинал".

Именно так Денис и собирался поступить. Разговор с отцом только укрепил его решимость.

3.

Денис решил, что неплохо было бы заиметь в напарники Митяя. Этот малый поддерживал его во всех начинаниях. Но Митяй, как оказалось, укатил на сутки к бабушке, оказывать посильную помощь в переселении кроликов из одного вольера в другой. Несмотря на то, что друг должен был быть дома уже с вечерним автобусом, Денис не собирался ждать. Будоражащая идея поселилась в его голове. Он должен увидеть брата уже сегодня!

- Эй, Дениска-космонавт, ты выглядишь сам не свой, - с подозрением глядя на него, сказала тётя Лена, Митяева мама. - Уж не задумал ли ты высадку втайне от экипажа на какую-нибудь необитаемую планету?

- Ничего подобного, - сказал Денис, чувствуя, что конспирация его вновь под угрозой. Да, положительно, с взрослыми нужно быть осторожными в этот день. Иногда они слепы, как котята, видят только свои огромные дома и небольшие зарплаты, и содержимое витрин, и всякие металлические штуки, но какие-то хитрые приборчики порой дают им возможность читать мысли детей.

Уложив красные ладони на руль велика, Денис рванул к башне с часами, по дороге увернувшись от тучи, которая осыпала дождём угол Выборгской и Ленинградского проспекта. До исторического центра не так уж далеко. Миновать две хрущёвки, где за дырявой сеткой пинали мяч старшие мальчишки. Срезать через сквер. Вот уже все строения вокруг дряхлеет, как будто мчишься на машине времени, и с каждым оборотом педалей за спиной остаётся добрый десяток лет. Каждый камень брусчатки чувствуется в костяшках пальцев. Все головы поворачиваются к нему, улыбки на лицах или возмущение – наплевать! Денис весело хохочет, проносясь мимо на железном скакуне, и вопит во всю глотку: "У меня есть братик!"

Остановился он только на минуту: посмотреть на магнитики и значки, выставленные возле сувенирной лавки для туристов.

Эта часть города в самом деле будто другой мир. Здесь много упитанных кошек, которые лежат на подоконниках и нагретых солнцем откосах. Много бездомных бродяг и пьяных забулдыг. Вообще-то мама не разрешала Денису ездить сюда одному, но запрет этот был из категории "за закрытыми глазами": то есть глаза на него закрывали и мальчик, и она сама. Что может случиться с ребятишками в людном месте, где к тому же машины не ездят, а крадутся?

Однако Денис видел множество странных и местами пугающих, будоражащих детский организм вещей, и каждая поездка сюда, в одиночку ли, или (что чаще) с Митяем была для него волнительным событием.

Он поднялся по Крепостной улице, звеня в звонок и объезжая прохожих, повернул в арку, в скромный внутренний двор башни, где делалась добрая треть фотографий, увозимых туристами домой (большую их часть снимали с другой стороны, откуда были видны часы). Железный конь нашёл себе убежище в узком пространстве между подсобными постройками.

- Здесь я тебя и оставляю, - прошептал Денис, приложив палец к губам. - Смотри не выдай меня!

Немногочисленные туристы рассеянно бродили по двору, некоторые тянули за ручку кованой двери, которая, конечно же, была заперта. Иногда сверху появлялась краснощёкая физиономия смотрителя башни в кепке, которую можно было увидеть в старых советских фильмах. Снизу он походил на ожившего садового гнома - одного из тех, наткнувшись на которого в темноте можно напрочь лишиться речи. Денис почувствовал, как начинают стучать друг о друга голые колени. Ему, быть может, придётся встретиться с этим существом там, внутри.

Но потом он подумал о Масимбе, который заперт наверху, за "замершим временем" циферблата, и стиснул кулаки. "Я тебя вызволю! Вызволю, во что бы то ни стало..."

У них с Митяем давно уже был готов план. Как и любое недоступное для ребятни место, башня с часами была, помимо легенд и преданий, шёпотом пересказываемых друг другу, десяток раз выдвинута на должность вершины, которую необходимо покорить, и десяток раз восхождение откладывалось. Потому что, одно дело – представлять, как ты обозреваешь сверху город, посмеиваясь над малышнёй и даже взрослыми, что ползают внизу как муравьи, и совсем другое – получать от сторожа, а потом и родителей всамделишные подзатыльники.

Все обходные пути, какими можно воспользоваться, чтобы проникнуть внутрь, были сейчас перед Денисом как на ладони. С этой стороны к башне примыкали одноэтажные строения, хозяйственные и местами жилые, которые в свою очередь сообщались с соседними двухэтажными домами. Попасть труда внутрь проблем не составляло, деревянные резные двери, ведущие в покосившиеся парадные, просто невозможно было запереть. Слушая за стенкой голоса жильцов, лай собак и капризы детей, а также звуки, которые издавало радио, где как раз начиналась передача "Детективы для домоседов", и глухой стук, похожий на стук зубов, который мог издавать старый, исполненный маразма и банок с консервами, холодильник, вжимая голову в плечи, Денис взлетел на второй этаж. Уронил

прислоненную к стенке метлу, поднял её тихо-тихо, слушая, какие изменения в повседневных делах жильцов он произвёл, потом снял с подоконника кактус. Подъездное окно выходило ровнёхонько на крышу пристроя; башня возвышалась прямо перед ним, вонзаясь медным шпилем в небо.

Кашляя от поднятой пыли, мальчик распахнул окно и свесил ноги наружу. Ступни даже сквозь подошву сандалий жгло от нагретого солнцем ската крыши. Денис спрыгнул вниз, опустился на корточки, чтобы не попасться на глаза туристам, и к тому времени как добрался до окна башни (не того, из которого выглядывал гном, но находящегося на том же уровне), почувствовал, что пятки превратились в печёную картошку.

Вот он и внутри! Митяй ни за что не поверит... Денис сглотнул вязкую слюну. Казалось, циркуляцию крови по венам, шумную, как горная речка, вот-вот услышит смотритель башни, прибежит, сверкая своими маленькими пропитыми глазами, решив, что где-то прорвало водопровод и его драгоценную башню заливают. Кто знает, что тогда будет? Никогда ещё Денис не совершал в одиночку столь диковинных поступков. Всегда с ним был Митяй, вернее, это он был с Митяем, и мама не раз говорила, что "ещё одна выходка, и я запрещаю тебе общаться с этим мальчишкой".

В сущности, мама имела все основания так утверждать. Не будь Митяя, в жизни Дениса не было бы и трети захватывающих приключений. Впрочем, жизнь Митяя также была бы бледнее. Денис был мозговым центром любого предприятия. Для донкихотовской храбрости приятеля он находил хорошие цели, и сам, как верный оруженосец и летописец, неизменно следовал за ним.

Отец был более благосклонен и не требовал от Дениса выбирать друзей. "Пускай малыш поучится жизни, - говорил он жене. - Городок у нас маленький и довольно безопасный. Не хочешь же ты, чтобы он узнавал жизнь из книг? Тем более то, что он читает, написано минимум четверть века тому назад".

Подумав, он прибавлял:

"Я тебе вот как скажу. Современные книги потому и не такие интересные, что писали их маменькины сынки, близорукие ребята, одним из которых ты хочешь сделать нашего ребёнка".

Скрючившись под окном, Денис вспоминал отцовские слова, пытаясь найти в себе достаточно храбрости, чтобы двинуться дальше. Эту миссию он не мог отложить на потом, когда Митяй наконец насмотрится на своих кроликов и изволит вновь, как обычно с поднятым забралом, отправиться навстречу приключениям.

Здесь прохладно и темно, как в пещере. Вместо факелов на недосыгаемой высоте под потолком желтели забранные в металлическую сетку лампы. Можно было по лестнице подняться наверх или спуститься вниз. Везде следы подготовки к капитальному ремонту, который грозил так никогда и не начаться: возле стен стояли пыльные банки с краской и мешки с цементом, слежавшимся в сплошную массу. Обвалившиеся ступеньки заботливо заложили кирпичами. Мухи и летучие жуки, почувствовав наконец отдохновение после душащей жары июньского полдня, кружили под потолком и радостно, оглушительно жужжали.

Денис отдал бы свой новый велосипедный звонок, чтобы знать, где сейчас гном-тюремщик. Хорошо бы они друг с другом разминулись... и хорошо бы не пришлось искать его, чтобы, например, украсть с пояса ключи от кандалов, в которые закован братик...

Нет! - сказал себе Денис - Не стоит позволять фантазии верховодить, особенно в этой ситуации. Быть может, всё ещё обойдётся.

Перебегая из тени в тень и шараясь от падающих из окон лучей света, он шёл по лестнице наверх до тех пор, пока не обнаружил себя среди агрегатов, похожих на старые карусели из парка аттракционов. Краска отваливалась с них хлопьями, словно лепестки с поздних роз. Механизмы молчали. Когда-то они двигали старое Время, а к новому никак не подходили. Колокола нигде не было видно. Дальше дороги не было - только чулан с шестернями, покрытыми похуже на снег пылью, да круглое окошко, на котором, судя по многочисленным отметинам, любили восседать голуби. Если высунуться из этого окошка - знал Денис - увидишь огромный белый циферблат с металлическими стрелками и тускло мерцающими мудрёными цифрами.

Денис не стал выглядывать. Он принялся рыскать вокруг в поисках хоть какого-нибудь следа, упоминания о себе, которое мог оставить пленник. Поиски увенчались успехом, в конце концов в

кармане у мальчишки оказались: хлебная корка, оставшаяся от чьего-то скудного обеда, дохлый мотылёк, которого раздавили, наступив на него (непреренно голой ступнёй!), и игрушечный паровозик из киндер-сюрприза. Денис тихо и радостно восклицал при каждой находке и в голове его роились разные невероятные идеи. Сюда! Сюда привели его, и... это пятно света из окна, не зря здесь меньше всего пыли. Должно быть, маленький Масимба встал в центр золотистого круга, надеясь, что кто-то увидит его, пролетая в небе на самолёте или воздушном шаре. О! Что это? Семена клёна... что бы они могли здесь делать?

Одна вещь надолго завладела вниманием мальчишки. В чулане стояла старая детская коляска, похожая на спрятавшегося там детёныша бегемота. Такие коляски умудряются поскрипывать сразу всеми своими колёсами, так, что получается незатейливая мелодия, похожая на ту, что напевает ночная пичуга. В первый момент эта коляска напугала Дениса до коллик. Она была как притаившийся за углом грузовик из фильмов ужасов, который поджидает, когда с игровой площадки на дорогу выкатится мячик, чтобы с рёвом промчаться перед самым носом у перепуганной малышни.

Заперев в груди дыхание, мальчик смотрел на неё, а она (казалось) гладела на него добрым десятком рыбьих глаз, спрятанных в чешуе тента. Ни под каким предлогом Денис не хотел бы увидеть ребёнка, который там спал, и даже его старые пелёнки, если ребёнка там нет.

На самом деле, не было не только ребёнка, но и коляски. Она превратилась в стоящие друг на друге деревянные ящики, когда пятно света вдруг сдвинулось с места и осветило то, что мальчику казалось колесом. Денис оглядел свои потные ладони, а потом взглянул на синие пластиковые часы на запястье. Оказалось, он стоял без движения добрых пятнадцать минут.

Его страху можно найти оправдание. Когда-то, когда Денису было три или четыре года, он восседал на подоконнике и ждал с работы маму, как вдруг увидел как по волнам вечернего сумрака, пересекая их подъездную дорожку и чуть не залезая колесом в клумбу с розами, проплывает чёрная ладья, влекомая двумя изящными руками стройной женщины, одетой в чёрное платье. Эта коляска и пригрезилась ему сейчас; выглядела она, как что-то, в чём можно возить мрачные мысли и тяжёлые воспоминания. Казалось, угодишь в люльку и больше не выберешься, захлебнёшься там, как в пруду со стоячей ледяной водой. Денис хорошо запомнил свои чувства тогда: он перепугался до крика, свалился с подоконника, ударился локтем, и только огромный плюшевый медведь, дежуривший на полу под окном, предотвратил большее несчастье.

У него тоже была коляска, но совсем другая. Когда она стояла на лужайке, то напоминала куст, усыпанный ягодами. И в ней хорошо пахло. Поэтому мальчик, пытаясь рассказать потом маме о том, что его так напугало в тот вечер, не называл этот предмет "коляской", он использовал слова и звуки (всё время разные), которые на языке маленького ребёнка обозначают тревогу.

А потом, почти год спустя, мальчик видел этот скорбный корабль стоящим в прихожей, между маминими сапогами и папиными ботинками. И ещё раз – на чьём-то балконе рядом с детской площадкой. Оба раза он ревел, будто последний раз в жизни, и родители никак не могли понять, в чём дело.

Наконец, ошалев от происходящего, Денис сел прямо на пол и уставился в окно. Там душное синее небо пересекали чайки, спешащие к заливу. Возможно, его братец с нелепым именем "Масимба" тоже смотрел в это окошко и думал о чайках. Давал каждой имена, одевал их в своей голове в разные одежды, чтобы как-то различать. Одну птицу - во фрак и котелок, как фокусника на недавней книжной ярмарке, другую – в кепку и потрёпанное пальто, как грузчика магазина за углом.

Пора было признать: Денис один-одинёшенек в тесном помещении за часами. Никто не прятался по углам. Никто не звал его из-за штанг, вращающих стрелку. Не дрожал канат, ведущий к некогда отбивавшим время молоточкам. Денис опустился на корточки, рассеянно катая по полу игрушечный паровозик. Если зажмуриться, крепко, до треска в ушах, услышишь, как кто-то, крадучись, ходит рядом или, затаившись, смотрит на тебя со стороны лестничного проёма.

- Знаешь, я всегда просил родителей, чтобы у нас в семье появился ещё кто-нибудь, братик или сестрёнка, – сказал Денис воображаемому брату. - Рупор, конечно, весёлый, особенно когда был щенком, но он всё-таки не человек. У меня был рыжий кот по имени Базука или просто Баз, с

которым я не расставался. Мы были лучшими друзьями, даже купались вместе. Он часто вырывался у меня из рук, и поэтому ему стригли когти и запрещали кусаться. Однажды он убежал из дома и не вернулся. Теперь я думаю, что Баз не был мне братом – я имею в виду, по-настоящему братом. Он, как все кошки, хотел гулять сам по себе, а не возиться с малышом. Но ты... ты другое дело. Ты мой настоящий брат, а значит, никуда не уйдёшь, когда я тебя найду. Только скажи, почему ты прячешься?

Мальчика так заворожил звук собственного голоса, что шаги на лестнице ускользнули от его внимания.

- Масим... - воскликнул Денис, открыв глаза.

И осёкся. Бежать и прятаться уже поздно, разве что попробовать укрыться в огромной тени, которая выросла на площадке возле механизмов, будто сам его создатель воплотился из глубины веков, чтобы завести часы.

Всё мистическое пропало, когда луч усталого, пыльного полдня из окна высветил красное, заплывшее жиром лицо смотрящего. Кажется, он и сам здорово перетрусил: глаза в глубоко заплывших дурной кожей веках испуганно бегали.

- Мальчик, - спросил он опасливо. - Ты это... чего здесь забыл?

Денис, несмотря на юный возраст, встречал таких людей. Они как будто всё время чего-то опасаются и ни в чём не уверены. Их мир шаткий, как палуба корабля в бурном море. Видно, смотрящий ожидал, что ватага мальчишек сейчас налетит на него, стянет лоснящиеся ваксой сапоги и будет тянуть за остатки волос, делая полное лицо с каждым выданным клоком ещё уродливее. Он никак не мог поверить, что мальчишка здесь всего один.

Денис в панике принялся сочинять:

- У вас часы встали, - сказал он громко, чтобы, если вдруг братик на самом деле тут и где-то прячется, он услышал и, может... может... пришёл на выручку к Денису, подобно тому, как тот, ни минуты не сомневаясь, полёз в часовую башню.

- Какие часы?

- Эти.

- Эти... мальчик, ты не отсюда?

- Не отсюда, - сказал Денис, - я только что поднялся по лестнице.

При ближайшем рассмотрении смотрящий оказался вовсе не садовым гномом. Он выглядел как пожиратель гномов: в животе, вываливающимся из-под тельняшки, мог поместиться их с добрый десяток. У него была крошечная голова с сияющими в полумраке залысинами, усы, похожие на вялые водоросли в так любимом мамой салате из морской капусты, длинные тощие руки, которыми мужчина мог достать Дениса, не сходя с места. Чтобы проскочить мимо и скатиться по лестнице к спасительному окошку, нельзя было даже думать. А что делал Митяй в ситуациях, когда ноги были бессильны? Пытался включать голову и выкручивать наглость на максимум! Митяй искренне верил, что таким образом получает значительно меньше тумачков, чем ему предназначалось.

- Так вы, дядя, может, подскажите мне время, да я пойду? - сказал Денис, стараясь вести себя как можно более непринуждённо. - И заведите уже эти свои часы.

Здоровяк хлопнул глазами. Шея его приобрела малиновый оттенок – не то от смущения, не то от гнева.

- Да четырёх ещё нет, - сказал он, уставившись на шестерни и канаты, как будто раздумывая, куда бы пнуть, чтобы заставить их работать. Денис не мог поверить, что трюк сработал. Возможно, всё дело в голосе, который удивительным образом не подвёл. Если бы он начал дрожать... о, если бы он начал дрожать!..

Денис, обойдя здоровяка и поблагодарив его (вежливость – учила его мама – никогда и ни при каких обстоятельствах не бывает лишней), стал спускаться по лестнице. Но, наверное, это торопливое "спасибо" и вернуло усатого смотрящего с небес на землю. Когда до окна оставалось каких-то четыре ступени (Денис уже предвкушал жар крыши), на его воротнике сомкнулась огромная ручища.

Домой его доставили под конвоем милиционера, смешливой и доброй девушки в заломленной на бок и, казалось, едва держащейся на пучке волос фуражке. От неё пахло лошадиным потом (по секрету она сказала Денису, что работает в конской милиции, патрулирует набережную и позирует для туристов с фотоаппаратами).

- Вам-то весело, - сказал Денис хмуро. Он вёл под уздцы своего железного коня. – Гуляете каждый день! А я теперь два дня из дома не выйду.

Девушка легкомысленно сказала:

- Мы с тобой можем сговориться и сказать, что тот противный мужик просто оставил дверь открытой, а тебе стало любопытно.

Милиционерша была не самого высокого мнения о зрителе часовой башни. Кажется, она думала, что памятник архитектуры достоин менее пьющего и более представительного стража.

- Что ты вообще там забыл? – спросила она.

Денис чувствовал в своём конвоире родственную душу, поэтому выложил ей всё без капли сомнения.

- У меня есть брат. Только мне его никто не показывает. Я думал, что его держат в плену в часовой башне, - сказал Денис, утирая нос. Оттуда нещадно текло.

Девушка перестала улыбаться.

- Так-так. Расскажи-ка поподробнее.

Родители уже вернулись с работы. Они окружили милиционершу как вороны смертельно раненую олениху. Отец угрюмо терзал бороду, мама была бледна и то и дело прижимала ко рту носовой платок.

Дениса покамест оставили на диване, он сидел там, решив проявить хоть немного послушания. Возможно, это облегчит его участь.

Встревоженная работница милиции то и дело обращалась к отцу с вопросом: "У вас точно не пропал сын? Мальчик так убедительно рассказывал... Конечно, всё это больше смахивает на детские фантазии, но всё же..."

- Послушайте, - вздохнул отец и увёл женщину на кухню, где они долго вполголоса разговаривали.

Избегая поднимать глаза на маму, Денис смотрел, как покачивается на ламинате тень от её причёски. На ней не было лица, а было что-то бледное, холодное, как выпавшая из кармана зимой монетка.

Через некоторое время девушка-милиционер ушла, бросив на мальчика сочувственный взгляд. Отец, ни слова не сказав, поднялся наверх, на чердак. Рубашка его на спине топорщилась, будто звериный загривок. Денис слышал, как он ходит там, пиная стулья. Казалось, будто пыль просачивается сквозь потолок и ложатся на переносицу, вызывая позывы к чиханию.

Мальчик был прекрасно осведомлён о мистической природе чердаков, но к его разочарованию собственный их чердак был скорбным исключением из этого клише. Он был неудобным, тёмным и пыльным. Никакой мистики, только прабабушкины шубы и парочка ящиков с каким-то унылым тряпьем, которое папа, выкраивая примерно раз в месяц время, принимался разбирать, чтобы, в конце концов, плюнуть и запихать всё обратно. Мальчика туда особенно не пускали, мотивируя тем, что он может ненароком вдохнуть мышиную отраву. Да он не больно-то и стремился. На всех ровных поверхностях там лежали белые шарики средства от моли. Когда-то в карманах шуб водились мыши, которых Рупор очень боялся, поднимая лай на весь дом при малейшем шорохе. Впрочем, мыши, видимо, подозревая, что нервы хозяев и так расшатаны от громкого звука, старались вести себя потише.

Там стоял старинный отцовский стол из тёмного дуба, весь в зарубках и заусенцах, как будто сработал его железный дровосек из сказки, да и то в громадной спешке. В выдвижных ящиках не было ничего, кроме огрызков яблок, стопок каких-то бумаг, книжек про покорение Америки, да бутылочек с засохшим на стенках лекарством. Мама говорила, что когда-то отец очень любил этот стол – так, что прихватил его с собой, когда они переезжали из Петербурга. Денис не слишком понимал, зачем тащить такую громадину только для того, чтобы та стояла на чердаке, но на то

взрослые и взрослые, чтобы многие их суждения и мотивы были странны для свежего детского разума.

Мама, повздыхав, пошла разбирать пакеты с покупками. Вид у неё был до крайности деловой, но, присмотревшись, Денис увидел, что белая точёная шея хранила следы ногтей: мама всегда чесала и тёрла шею, когда была чём-то взволнована.

- Ты расстроил нас, сынок, - сказала она, не поворачиваясь.

Это не звучало как угроза или упрёк. Простая констатация факта.

Денис забрался с ногами на диван. Сказал, имея в виду отца:

- Он что, хочет разобрать бабушкины вещи?

Нет ответа. Мама шуршала покупками. Видимо, его не собирались наказывать. Денис чувствовал, что родители... растеряны, что-ли? Он совершенно не понимал, что с этим делать.

- Знаешь, было бы хорошо, если бы я смог там играть, делать уроки за папиным столом, а то и переехать жить. Дидрик Смит из мальчишек-детективов тоже жил на чердаке.

- Замолчи, Денис. Ты и так сегодня наделал делов. Папа расстроен.

- Из-за меня?

Мама выгребала из пакета вещи и бросала на диван, очевидно, не испытывая от своей покупки никакого удовольствия.

- Так точно, малыш. Я, конечно, понимаю, каждый хороший сын должен быть непоседой и уметь расстраивать предков, но в этот раз ты, прямо скажем, переборщил. Ты мог упасть с высоты и что-нибудь себе сломать.

- Но я серьёзно думал, что он там! Братик, который так и не вырос. Я думал, что он наблюдает за мной с часовой башни.

Мама побледнела, но Денис, не замечая, продолжал, ускоряя темп, плюясь словами как из автомата:

- У меня никогда не было брата! Ни старшего, ни младшего. Если бы я был чьим-то пропавшим братом, я бы непременно объявился! Совершенно точно тебе говорю. И я не понимаю, почему он скрывается...

Внезапно Денис замолчал. Мама смотрела на него, хлопая глазами, лицо её было белым в свете настольной лампы. Нижняя губа встрепенулась, как птица, которая собралась улететь, а из горла вырвался низкий дрожащий звук.

- Денис, выметайся отсюда, не хочу тебя больше сегодня видеть! Успокой уже, наконец, свою буйную фантазию. Никакого брата у тебя нет и не будет.

"Вуф!" - сказал басом со своего коврика Рупор. Папа наверху перестал ходить. Мама смотрела на сына, не отрываясь, пока он не вышел из комнаты и не затворил за собой дверь.

Мальчик не расстроился, не заплакал и не принялся гадать о причинах столь внезапной перемены настроения матери. Он считал себя уже достаточно взрослым, чтобы попытаться всё понять собственной головой. И сейчас его глодала новая идея: что, если братик там, на чердаке, прячется среди напоминаний о прошедших эпохах, нет-нет, да и выдыхающих облака запаха старинного мужского одеколona? Ведь он, Денис, был там считанные разы, и каждый раз с кем-то из родителей. Они прячут его от посторонних глаз, как прятали Страшила в книжке "Убить пересмешника" у Харпер Ли. Только Страшила Буу был страшным, потому-то его никому и не показывали (что страшила на самом деле не такой уж и страшный, Денис не знал; он продвигался по сюжету с маминной помощью, которая читала ему книгу перед сном, пропуская не предназначенные для ушей ребёнка моменты). А что до Масимбы... помимо того, что он маленького роста и поэтому ходит в сад (или он ходит в сад и поэтому маленького роста?) Денис ничего не знал.

Но он чувствовал, что ступил на верную тропу. Когда он смотрел на валики и шарниры часового механизма, ощущение было другим. Там – теперь Денис понимал – у него просто разыгралось воображение.

С этой мыслью он отправился в свою комнату, пожелав маме спокойной ночи через закрытую дверь. Она не ответила. Хотелось читать детективы, ходить кругами по комнате или, может даже, поднявшись по скрипучим ступенькам, заглянуть одним глазком в щель под чердачной дверью.... Но

Денис, собравшись с духом, мужественно лёг спать. Не будет лукавством сказать, что ему на это потребовалось всё доступное терпение.

Глубокой ночью мальчика разбудил скрип петель чердачной двери и шаги отца. Тяжёлая поступь была слышна на кухне, потом проследовала через зал в спальню. Денис не стал вслушиваться в еле различимое бормотание. Перевернувшись на другой бок, он вернулся к недосмотренным снам. Потерпи ещё немного, братик. Скоро я с тобой увижусь.

5.

Следующие несколько дней прошли как обычно. Денис рассекал в компании с Митяем на велосипеде по ухабистым городским улочкам, наблюдал за бродячими собаками, бросался кусками брусчатки в выставленные на подоконнике одного заброшенного дома бутылки. Погода стояла облачная, и тополя беспокойно шумели высоко над головой, будто там летит огромный зелёный дракон, а ветер от его крыльев, лёгкий-лёгкий, чуть касается щёк. Митяй рассказывал про кроликов на ферме, но Денис слушал вполуха. Он сказал:

- У меня, на самом деле, есть брат.

Они были на пустыре, коих в Выборге для знающих людей существовало видимо-невидимо. Когда-то здесь было старинное, наверняка красивое здание, теперь же выглядывали из земли только останки стен, и кусты чертополоха, вымахавшие почти в рост человека, стояли на его месте, как облокотившиеся на ограждение ринга боксёры.

- Все мы братья, - философски ответил Митяй. Он восседал на велосипеде, словно мотогонщик, ожидающий команды "на старт".

- Нет, настоящий брат, – сказал Денис. – Он меньше меня, хотя я родился после него.

- Все мы люди братья! – завопил Митяй, и принялся кататься по пустырю на одном колесе, словно цирковой медведь. Потом он свалился и сразу же вскочил, потирая уколотый растением локоть. - Чёртовы кусты. Постой. Что, правда?

Глядя на Митяя, хотелось аплодировать и бросать тому в кепку мелкие монетки. Иногда так и получалось: Митяй то и дело занимал мелочь на жвачки или сникерс, забывая об этом уже на следующий день. Впрочем, если ему перепадали от бабушки какие-нибудь сласти, а от мамы – разрешение поиграть в компьютер на выходных, он обязательно делился радостью с другом.

- Несомненная. Только здесь вот какое дело...

- Да какое тут, на фиг, может быть дело! – заорал Митяй и принялся носиться вокруг Дениса, пиная пустые пластиковые бутылки. – Вы же со свету меня сживёте! Интеллектом задавите! Ты один прочёл уже больше меня и папаши моего, нас вместе взятых, и теперь – трепещите! – на сцену выходят братья Пустохваловы, которые прочитали книг больше, чем весь этот городишко.

Он внезапно замер, уставился на Дениса совиным взглядом:

- А тащи его сюда. Знакомиться будем.

- Я же говорю, - терпеливо сказал Денис. – Вот какое дело. Я ни разу его не видел. Родители прячут его на чердаке. Папа вчера целых четыре часа там сидел.

- Что, и фотографий нет? – недоверчиво спросил Митяй.

Денис почесал затылок.

- Наверное, нет. Семейные фотографии я ужас как не переношу.

- Тащи сюда альбом. Будем разбираться в твоём геологическом дереве.

Денис хотел было поправить друга, мол, не дереве, а древе, и не геологическом... но, подумав, что и без того прослыл непоправимым занудой, махнул рукой и побежал за альбомом.

Вытащить его не составляло труда. Подобными вещами рано или поздно обзаводятся все без исключения мамы, но, сколько бы сил не было вложено в сбор и оформление семейного альбома, всё равно рано или поздно он будет заброшен на какую-нибудь пыльную полку. Отец считал это бессмысленной затеей: "Всё самое лучшее храниться у нас в памяти, дорогая", - говорил он. Денис

тоже так думал, он просто не видел ничего интересного в разглядывании старых фотокарточек... до сего момента.

Альбом разложили на скамейке, возле небольшого, затерянного среди арок старого города, сквера. С визгами кружились на каруселях дети. По земле скользили тени чаек, их крики звучали как голоса китайских заводных игрушек.

- Так, посмотрим... - Митяй водил по страницам чуть не носом. – Вот! Кто этот карапуз? Похож на тебя, правда? Как две капли воды. А этот?

- Не знаю...

- Дело раскрыто! – Митяй вскочил на лавку, вызвав неодобрительные взгляды царственно восседающих неподалёку старушенок. – Осталось выяснить, почему твои предки его прячут, и...

- Это я, - нашёл в себе силы сказать Денис. Когда кто-то из приятелей видит тебя в трусах, возящимся в собственноручно построенной запруде, больше напоминающей грязную лужу, нелегко признать правду.

- А... - Митяй надул щёки, стараясь не расхохотаться. - Ты не говорил, что у тебя были такие смешные зубы. Что ж, давай искать дальше.

Денис готов был пожать Митяю руку – как мужчина мужчине – за то, что тот не стал развивать тему и ворошить прошлое. И в самом деле, какая разница у кого какие зубы были пять лет назад?

- Смотри, это ещё до твоего рождения, - сказал Митяй после недолгого молчания. Он ткнул пальцем в дату. Две тысячи второй год. Фотографии были далеко не чёрно-белые (то, что Денис представлял себе, слыша выражение "старая фотокарточка"), однако блеклые и с гордой надписью "Kodak" в уголке.

Оба они - и отец и мать - казались здесь какими-то особенно грустными. Папа ещё не сделал операцию по коррекции зрения; он смотрел сквозь стёкла очков в толстой роговой оправе строго и торжественно. Казалось, что там, на маленьких блеклых картонках совсем другая жизнь и другие, только внешне похожие люди.

- Где это они? - заинтересованно спросил Митяй - Здесь вот в лесу, а здесь - на теплоходе. В отпуске?

Денис гладил пальцем фотокарточки. Защитной плёнки здесь не было, и казалось, будто на ощупь они как сухая земля.

- Как раз в это время что-то произошло с моим братиком, - сказал он. - Вот почему они такие... сами не свои. Папа как-то говорил, что когда что-нибудь идёт не по-твоему, ты влезает в чужую рубашку.

Митяй сплюнул.

- При чём тут какая-то рубашка?

- В чужую шкуру, - поправился Денис. - И готов отдать всё, чтобы вернуть себе свою. Чтобы сделать всё, как было.

- Опять ты умничаешь, Пустохвалов! - заявил Митяй, с особым смаком произнеся фамилию Дениса. - Я не буду с тобой общаться.

Денис его не слушал.

- Смотри - он указал на дату. - Две тысячи второй. Они оба как будто кислых щей обьяелись. В две тысячи втором что-то произошло. И я готов отдать любой из своих передних зубов, что мой брат этому причина.

- Его нет ни на одной фотке.

- Его убрали... - Денису потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы восстановить дыхание. - Чтобы я ничего не узнал. Но я обязательно докопаюсь до правды!

- Как детектив-призрак, - восхищённо сказал Митяй. - Знай же, я привык быть на первых ролях, но в этой истории, так и быть, уступлю тебе первенство. Стану твоим помощником. Верным гончим псом Подай-Принеси. Но только, чур, в следующем расследовании детективом буду я. У меня и плащ есть со шляпой, и клянусь своими гремучими костями, я добьюсь от мамки, чтобы она ушила его по фигуре...

Денис не ответил. Он не стал рассказывать другу, что в одиночку залезал на часовую башню. Игры закончились. Губы мамы, которые, казалось, готовы задрожать прямо на фотографиях. Опущенные плечи отца, который больше напоминает картонную фигурку, чем живого человека. Случилось что-то плохое, и Денис непременно должен узнать что именно.

6.

Все последующие дни Денис разве что не облизывал дверь на чердак. Крашенная мутной зелёной краской, она, как одна из тех ярких таблеток в "Матрице", внезапно обрела особенное значение. Глядя на неё, Денис чувствовал под языком странный солоноватый привкус. Замка там не было, однако открывалась она очень туго, с таким скрежетом, что казалось, будто крыша осыпается тебе на макушку.

Он прикладывал ухо к двери и пытался уловить хоть какой-то звук. Звал шёпотом, опустившись на колени и вдыхая пыль, что струйками выползала из-под двери, словно миниатюрная песчаная буря. Когда родителей не было дома, мальчик несколько раз попытался открыть дверь, но она очень плотно прилегала к косяку, а петли не смазывали уже, кажется, целую вечность. Денис не уверен был, что даже у мамы хватило бы сил с ней справиться. Пришёл Митяй, и после почти получаса бесплотных усилий ребята, обливаясь потом, отправились на кухню прохладиться домашним компотом.

- Не могу поверить, что я не справился с какой-то чердачной дверью. - Митяй злился. - Был бы я хотя бы на пару лет постарше, я бы разнёс её в щепки!

Он немного подумал, по обычаю потирая кончик носа пальцем.

- Слушай, у тебя там есть окна?

Денис пожал плечами.

- Одно. Совсем крошечное. Даже голову не просунешь.

- Проклятье! Слушай, дай мне дней десять, - Митяй буквально светился энтузиазмом. - Я постараюсь за это время стать таким же сильным, как за два года. У отца есть гиря. Буду поднимать её каждый день по сто раз! И есть, чёрт подери, бабушкину кашу. Ты ценишь жертвы, на которые я иду?

- Конечно, ценю, - сказал Денис.

На том и сговорились.

Но десяти дней ждать не потребовалось. Отец был угрюм, не разговаривал ни с женой, ни с сыном; он метался, как зверь на поводке, бормоча что-то в бороду, и уже на следующий день поздним вечером по лестнице зашаркали обутые в тапочки ноги. "На чердак", - понял Денис. На этот раз он был готов. Следил за отцом, словно Голум из фильма, который Митяй называл "Суматоха вокруг кольца". Прятался за шкафом и в тёмных уголках, что знал наперечёт... сколько весёлых игр в прятки в этом доме прошло! Один раз его, задремавшего в колыбели старой собачьей конуры, что стояла в чулане, не могли отыскать почти три часа.

Мальчик проскользнул в щель неплотно закрытой чердачной двери. Нырнул в ворох душных шуб, казалось, хранящих тревоги и беспокойства тех лет, когда их надевали. Зажав рот и нос, Денис просидел так, как ему казалось, не меньше пяти минут. Потом сделал первый осторожный вздох. Сердце успокаивалось. Никто не торопился его искать. По помещению разлился свет одинокой настольной лампы (лампа под потолком зияла пустым патроном, будто хищное увядшее растение). Было слышно, как папа задумчиво двигает туда-сюда стул, такой же монолитный как стол. Он никого не звал, и никто не выбежал ему навстречу.

"Не может быть, чтобы я ошибся второй раз подряд", - думал Денис. Братик здесь, совершенно-несомненно точно. Так точно, как целится воробей, чтобы склевать крошку, на которую претендуют ещё десяток собратьев.

Денис разозлился на себя до слёз. Запутавшись в рукавах какого-то платья в горошек, он пропустил момент, когда что-то действительно начало происходить. Откуда-то появился мягкий свет, белый, как пролитое молоко. Послышался звук отодвигаемого ящика - в столе их было много, но Денис

совершенно точно был уверен, что ни в одном не было ничего интересного. Но что это за звук? Как будто где-то совсем рядом бормочет и стонет неуспокоенный призрак. Из фильмов и мультиков Денис знал, что со многими призраками можно пообщаться, спросив: "Кто ты, ради Иисуса Христа, и зачем пришёл на землю, отвечай немедленно!" Однако даже просто открыть рот, разжать сведённые ужасом зубы, оказалось далеко не так просто. Перед глазами вновь стояла детская коляска и её безмолвная водительница; казалось, они прячутся здесь же, среди шуб и старых пиджаков из тяжёлой, похожей на дубовую кору, ткани.

Захотелось зажмуриться и позвать отца, но это было тяжело - не легче, чем поинтересоваться у призрака, как, собственно, у того идут дела. Впрочем, папа сам должен слышать эти звуки, разве нет?

Денису показалось, что всё вокруг заволочло туманом. Где-то внизу тьякнул Рупор, удивительно мягко и жалобно, так, будто ему в рот насовали тряпок. Шубы и прочая одежда "из бабушкиного сундука" (больше частью это самое верное определение, которое можно дать развешанным на плечиках вещам) раскачивались, словно покрытые снегом еловые лапы. Пожалуй, именно так чувствовали себя первопроходцы в Нарнии, и сколько бы раз Денис не представлял себя на их месте, не ругал их за трусость и нерешительность, сейчас он вдруг отчаянно захотел, чтобы кто-то оказался на его месте. Хоть кто-нибудь. Кто-нибудь, про кого можно будет потом прочитать в книжке, только не он...

Наверху, над головой, светили звёзды, хотя текстуру потолка ещё можно было разглядеть. Где-то щебетали птицы. Призрак рыдал - теперь в этом не было никаких сомнений, и Денис принялся поскуливать в унисон... ровно до тех пор, пока не почувствовал солоноватый вкус на губах. Это его успокоило и даже немного разозлило.

"Постой-ка, - сказал он себе. - Для того ли ты закончил младшие классы, чтобы трястись как осиновый лист, напуганный каким-то гипотетическим чудом-юдом?" Сухой язык и скучные картинки, которыми изъяснялись учебники, исполинский мир терминов и понятий из мира взрослых, что рано или поздно срывается с неведомой вершины и катится через голову ребёнка, сметая всё, чем тот прежде грезил, превращая образы существ, с которыми тот разговаривал шёпотом на грани между сном и явью, в плети тумана, сейчас встали перед Денисом во всём своём великолепии.

Призраки, чудовища... их, в конце концов, не существует! Просто не может существовать! Так говорили родители, так рассказывали в школе. И даже Митяй, пусть и осторожно, но соглашался. Да, на чердаке заброшенного дома только пыль и занавешенные зеркала. Да, среди могил можно гулять по ночам, не боясь встретить кого-то, кроме кладбищенского сторожа с фонарём, да местных кошек. На самом деле, конечно, в глубине души Денис собирался снять машину, которую мама называла "Вера во всякую ерунду", с холостых ходов. Скомандовать ей: "Полный вперёд!" Потные ладони готовы были уже вдавить пуговицу на рубашке, по совместительству кнопку запуска, когда всё закончилось так же внезапно, как и началось. Призрачный голос замолчал. Где-то завывал ветер, не то резвясь над верхушками ёлок, которыми воображали себя мохнатые шубы, не то врываясь в приоткрытую форточку. Денис распластался на полу и смотрел на обутые в тапочки отцовские ноги. Вот они стоят возле окна, и подоконник скрипит под его локтями. Вот меряют шагами тесное свободное пространство.

Когда отец вышел прочь, погасив свет и закрыв за собой дверь, Денис наконец смог вздохнуть свободно. Шубы снова стали шубами. Звёзды оказались паутиной, которая блестела в свете лампы и трепетала на сквозняке. Теперь она повисла неопрятным лоскутом. Мальчика сейчас не слишком-то волновало, что он может оказаться закрытым здесь до утра. Он выбрался из душных объятий одежды, на цыпочках подобрался к настольной лампе и включил её. Взявшись за ножку обеими руками, поводит перед окном, дав знак Митяю, что достиг успеха. Накануне он отправил другу СМС: "Сегодня иду внутрь". Дом Митяя находился ровно напротив, через дорогу, и окнами выходил как раз на чердачное окошко. Денис не сомневался, что Митяй слишком взбудоражен, чтобы спать. Может, играет в компьютер, но не имеет особенных успехов в баталиях на просторах интернета:

слишком увлечён этой загадкой. Не отрывал взгляда от окна всё время, пока здесь находился Денискин папа, и уж точно не отрывает сейчас. Нет сомнений, что он принял сигнал.

Теперь – главное. Денис обернулся, обвёл взглядом чердак. Скошенные потолки, забитые барахлом полки. Дебри одежды, в которых не хватает разве что щебетания птиц.

- Эй, Масимба! – шёпотом позвал он. Потом громче.

Нет ответа.

- Я знаю, что ты здесь!

Пахнет пылью и чем-то кислым... а, это зелёное яблоко, которое, видимо, ел папа, оставив на столе огрызок. Денис изучил отпечатки зубов и положил обратно. Слишком большие для ребёнка.

Только бы мама не зашла там, внизу, за какой-нибудь малостью к нему в комнату. Пару часов назад он пожелал ей спокойной ночи, сказав, что набегался на улице и валится с ног (Денис был достаточно самостоятельным ребёнком и спать шёл, когда считал нужным), и даже устроил на кровати под одеялом из подушек достаточно похожую копию себя, используя шлем имперского штурмовика из Звёздных Войн в качестве головы.

Денис дотронулся до поверхности стола, она ему показалась сыроватой, будто совсем недавно здесь накрапывал дождь.

Мама как-то по секрету сказала, что отец пытался стать писателем. И стол этот он купил не просто так. "У каждого уважающего себя писателя должен быть стол, как у Толстого", - говорил он. Денис не понимал, почему писатель обязательно должен быть толстым, и при чём здесь вообще его габариты. Наверное, среди писателей модно быть, так сказать, в теле, чтобы крепче стоять на земле, когда тебя, как уплывший на пляже от хозяев мяч, поднимает к небу волна идей. Папа, конечно, немного не дотягивал до нужных габаритов: он был плотным, но не более того, и ел за обедом обычно как птичка.

По мнению Дениса, стол этот больше напоминал кладбищенскую плиту.

Он начал выдвигать ящики, один за одним, пока в третьем сверху не наткнулся на папку со стопкой бумаг, которую видел и раньше, но не обращал на неё внимания. Судя по отсутствию на ней пыли, Папа доставал её только что. Картонная обложка показалась Денису влажной и пористой, словно древесный гриб, из неё во все стороны лезли помятые листы. Денис достал папку, взгромоздил на стол, под свет лампы, чтобы прочитать название, там, где было написано: "ДЕЛО №__". "Книга ненаписанных книг" - было выведено отцовским почерком.

На любых письмах, на любых заметках, которые папа делал на полях газет, почерк всегда был неразборчивым. Здесь же каждая буква выведена с особым тщанием.

- Значит, он написал свою книгу, - сказал под нос Денис.

Или всё-таки не написал? Способ проверить был только один. И мальчик, развязав тесёмки, откинул обложку.

Сухие, ровные буквы. Сейчас книги печатают на компьютерах, а раньше, наверное, набивали на печатных машинках. Но во времена, когда папа начинал свою книгу, он не был достаточно богат для печатной машинки. Его, наверное, съедали сомнения: ведь машинка почти как машина, если ты её купишь, ты должен будешь выводить её из гаража хотя бы раз в неделю, но дело ведь даже не в этом. Дело в том, что у тебя больше не будет двух дорог, у тебя будет только одна.

"Хотя, нет", - проглядев несколько страниц, решил Денис. Сомнений не было. Папа писал с яростью, отмечая путь своей ручки кляксами и чернильными полосами, где-то меняя цвета (зачастую прямо посередине слова), где-то, не в силах выразить что-то словами, делал торопливые рисунки. Штриховал их в минуты раздумий карандашом.

Здесь не было и следа того чёрствого, как недельный хлеб, человека. Человека, который открывает коробку с детским конструктором только для того, чтобы проверить, не завалились ли туда зубочистки. У которого не появляется искушения соединить между собой две детали, чтобы получилось что-то новое.

Денис зачарованно листал, прижимая края папки локтями, чтобы сквозняк не внёс хаос в отцовские записи. Приключения!

И вдруг как будто что-то ударило его по голове. Денис ещё раз пробежал глазами заинтересовавшую его строчку. Имя! Вот наглядное свидетельство, что он, Денис, в здравом уме. Ма...

Он не успел - не то что произнести его вслух, а даже внятно прочитать. Это имя вдруг разверзлось, как больная засухой земля, и всё, что было в комнате, включая мальчика, рухнуло вниз.

7.

О, конечно, Денис не раз летал во сне. Часто парил, как заправский Алладин на ковре, восседая на собственной кровати, и после, проснувшись, искренне верил, что сейчас достанет из-за уха перо пролетевшей мимо птицы. Сейчас то же самое ощущение, только не было никакого "после". Было прямо сейчас, момент, когда ты, только что мирно шагающий через поле, вдруг срываешься и падаешь в кротовую нору, потому, что она вдруг оказалась немного больше, чем ты предполагал...

Денис ещё не знал, как назвать то, что ощутил. Он оказался в другом мире, на ДРУГОЙ СТОРОНЕ.

"...И что же это за другая сторона? Самое главное, другая сторона *чего?*" - спросите Вы, и я (безмолвный наблюдатель, свидетель произошедших событий) отвечу: на ДРУГОЙ СТОРОНЕ - это вам не где-нибудь на другом конце земли. Это место недоступнее звёзд на небе, вряд ли кто-то когда-то найдёт способ сюда попасть. Не потому, что нужно садиться на самолёт, получать визу и делать множество сложных вещей, а потому, что это просто невозможно.

Этой стороны нет на картах. Никто не знает имён её первооткрывателей, потому что они никогда не возвращались к родным берегам. Здесь вообще многое не так, как в нормальном мире. Если кто-то расскажет её жителям о сотовых телефонах, они заплюют его с ног до головы, что является выражением насмешки. Здесь есть огромные пустыни, над которыми носятся сотни маленьких солнц, которые на самом деле являются облаками раскалённого газа. Издалека их можно принять за яркие воздушные шарики, но стоит такой детской радости подлететь поближе, от тебя не останется даже мокрого места.

Но, конечно же, здесь есть дружелюбные существа. Впрочем, о них попозже.

Наверное, в ваших головах уже возникла картинка ДРУГОЙ СТОРОНЫ как некой волшебной земли, чего-то среднего между Нарнией и Средиземьем... сотрите её, сотрите немедленно! ДРУГАЯ СТОРОНА не такая, иначе не получила бы право называться ДРУГОЙ, а имела лишь одно из множества похожих названий, вроде "Тридцатое царство" или "Пустынные земли", или заковыристое язык-сломаешь название на языке местных эльфов... которых здесь, кстати, нет. Ни местных, ни приезжих – вообще никаких.

Если коротко, то ДРУГАЯ СТОРОНА выглядит так, будто всё вокруг тебя нарисовано. И ты сам нарисован. Это не так весело как кажется: вещи здесь имеют только одно измерение. То есть взять кружку со стола ты можешь, а вот заглянуть в неё – ни в жисть. Хлеб на вкус, как картон. А если тебе вздумается поплакать, то следует быть осторожным: слёзы могут размыть линии между предметами. (Как сказал бы один из наших героев: "Хоть папа и говорил, что пацаны не плачут, мой друг Митяй утверждает, что всё зависит от обстоятельств". Иные обстоятельства позволяют случаться даже такому, чему, казалось бы, в жизни не место. Даже мужским слезам). Кроме того, ты можешь забрести на чистые страницы, где ничего нет, даже пола, даже верха и низа, и будешь барахтаться в пустоте, как мошка в сиропе, пока не нарисуешь себе хоть что-то знакомое...

Да, ДРУГАЯ СТОРОНА – она такая. Для неё нет других (и более верных) названий. Это как апельсин. Можно придумать для него с десятков синонимов и определений, но только одно слово может в полной мере заставить тебя чувствовать на языке этот вкус, даже если ни одного апельсина нет под рукой за много километров.

Всё, всё, молчу! А то, чувствую, вы сейчас запутаетесь окончательно и обвините меня в пустобрехстве.

Но вернёмся к нашему герою. Первые минуты ему пришлось несладко, как малышу, которого учат плавать достаточно жестоким способом, спихнув в водоём, достаточно глубокий, чтобы там можно было утонуть. Денис вдруг понял, что ноги его больше не стоят на твёрдой поверхности. Жёлтый свет лампы никуда не исчез. Он равномерно заполнял всё вокруг, будто по самому воздуху прошлись хорошенько вымоченной в краске кисточкой, ненароком закрасив всё, что было там ранее.

Даже чердак с его нехитрым интерьером?

Денис огляделся. Он больше не парил в пустоте - даже уверенность, что он куда-то только что падал, исчезла. Теперь мальчик решил что ослеп, не чёрной слепотой, которой обычно слепнут люди, а какой-то особенной, жёлтой её разновидностью.

Потом он немного успокоился.

К нему, ступая по *ничто*, как по мягкому снегу, приближался маленький человечек. Ребёнок. Ростом он был примерно по грудь Денису, невидимый ветер шевелил его волосы и надувал рубашку, полоскал трубочки-штанины шорт вокруг тонких как спички ног. На ступнях - простые сандалии.

Слепцы ведь не видят маленьких человечков, верно?

А тем более маленьких человечков, нарисованных несколькими небрежными линиями и заштрихованных торопливым штрихом.

Денис, переволновавшись, задал сразу два вопроса, один из которых бесцеремонно наехал на другой, съев его начало:

- Ты кто? Куда же я делся?

Второй вопрос значил отнюдь не то, что мог спросить мальчик, который каким-то чудом обнаружил себя в незнакомом месте. Денис и в самом деле не мог себя найти. Он смотрел вниз и видел то же, что и везде вокруг - то есть ничего. Смотрел сквозь свои руки, и взгляд терялся где-то в томном золотистом пространстве. "Ох и развлёкся бы я, если б умел так делать по собственному желанию" - промелькнула мысль, показавшаяся в данных обстоятельствах чуждой, как корейский самолёт над Крымом. И, следом, другая: "Однако он может меня видеть!"

- Прости, - сказал мальчик. - Я не успел подготовиться, поэтому здесь так пусто.

Он напоминал человечка, нарисованного на полях комикса талантливым маленьким читателем в подражательство художнику.

- Куда я попал? - тупо спросил Денис.

Кажется, в пору было испытывать облегчение уже оттого, что речь звучала как положено, а не вылетала изо рта облачками с текстом. Денис пока никакого облегчения не чувствовал.

- Дурачок, - ответил без улыбки мальчик. - Это делается очень просто. Как бы ты себя описал?

- Что делается? - растерялся Денис.

- Как бы ты себя описал? - терпеливо повторил человечек. Губы его, намеченные двумя линиями, двигались так естественно, что Денис не мог отвести от них взгляда.

- Не знаю...

- Ты должен что-то о себе рассказать, - настаивал человечек. - Иначе ты не появишься, и я так и буду стоять здесь и разговаривать с пустотой, как дурак.

Денис крепко задумался. Это была проблема. С ним вечно случалась чёртова прорва вещей, интересных, и не очень, но когда Тамара Викторовна, учительница начальных классов, подплывала к нему, чтобы спросить: "А ты как провёл лето, Пустохвалов?", Денису было трудно выдавить из себя даже слово. Тамара Викторовна была как враг из шпионских фильмов, который собрал в весёленькой зелёной комнате ватагу ребят и у каждого поочерёдно допытывался, где найти штаб партизан. Отмалчиваться было бесполезно. Она нависала над тобой, как туча, и где-то в груди у неё было заперто рокотание грома. Тянулись секунды, которые Тамара Викторовна могла растягивать сколь угодно долго, как хорошую жвачку. И тогда Денис выдавливал под тихий смех окружающих: "Ярмарка", и Тамара Викторовна, покачивая головой и посетовав, что в городе для детей маловато настоящего интересных занятий, двигалась дальше. На той ярмарке побывали с мамами все ребята из класса, и было там, за исключением соревнования по метанию подков, невероятно скучно.

Сейчас Денис чувствовал себя точно так же. От него хотели, чтобы он отрезал и выложил на блюдечко кусок своей жизни, или... что конкретно от него хочет этот незнакомец? Зачем ему рассказывать о себе, тем более, в таких странных обстоятельствах?

Окончательно перепугавшись, Денис гаркнул:

- А ты ещё кто такой?

- Разве не нужно для начала определиться, кто есть ТЫ? - удивился мальчуган.

- Нет, - отрезал Денис.

Он считал, что сейчас самое время сделаться упрямым. "Если не показать, что ты упрямец, и вообще, умеешь стоять на своём, тебя втопчут в землю", - так говорил героически упрямый Митяй.

- Ну, тогда я не буду с тобой разговаривать, - сказал мальчуган и повернулся спиной, чтобы уйти.

Денис оглядел себя и окончательно уяснил, что он действительно до сих пор ничего из себя не представляет. Даже надоедливая, глупая муха значила бы сейчас больше - оттого, что не напрягаясь пролетела бы сквозь его живот. И, конечно, оттого, что от её крылышек хоть немного, но шевелится воздух.

- Подожди, - сказал он, решив от упрямства, которое торчало из всех карманов, всячески мешалось и вообще ощущалось довольно неловко, вернуться к любимому здравому смыслу. - Это... и вправду по-глупому. Но я не могу.

- Почему это? - в голосе маленького человека плескалось ленивое удивление.

- Потому что у меня язык начинает заплетаться, когда нужно рассказать какую-нибудь сраную чертовщину, - признался Денис. Мама рядом не наблюдалось, а нехорошим словом приятно подправлять всё что угодно - от радости, до небольшого, как здесь, унижения. Чертовски приятно. - Я иногда мечтаю стать писателем! У меня папа, знаешь ли, мечтал им стать, так что с сегодняшнего утра мечтаю и я. Рассказать что-нибудь интересное у меня не получится ну ни в жисть. Потому что... ну, знаешь, писатели много не разговаривают. Мысли у них не вода, а камушки, и через рот не вытекают.

Для верности Денис потрянул головой, словно надеялся дать незнакомцу услышать, как они там грохочут.

Человечек обернулся и с интересом взгляделся в пустоту, которой сейчас был Денис. Потом он хлопнул в ладоши:

- Придётся всё осваивать на ходу. Значит, так. В этом мире слова имеют особенную силу. Вот попробуй. Скажи, кто ты?

- Ну, мальчишка...

И сразу Денис почувствовал себя им. Это было странно, но и забавно в некотором роде. Как будто ты, надкусив пирожок и жуя его, не мог угадать, что там за начинка до тех пор, пока заботливая и всезнающая мама не подсказала.

- Если сумеешь, можешь дорисовать то, что, по твоему мнению, не хватает, - сказал маленький человек.

Теперь, когда решалась одна из проблем - куда, собственно, подевалось его тело, - у Дениса наконец появилась возможность разглядеть собеседника. Несмотря на примитивность, с которой тот был изображён, некоторые детали были настолько выразительны, что просто лезли в глаза. Белокурая чёлка над похожими на шрамы бровями, тонкая, почти страусиная шея, костлявые, но изящные руки, видя которые у своих подрастающих чад многие мамы впадают в трепет и норовят поскорее отвести их в какую-нибудь музыкальную школу. На вид этому малявке можно было дать лет пять, однако говорил он с пугающей медлительностью взрослого и смотрел снизу вверх серьёзно и внимательно. На маленьком, почти незаметном носу чудом держались очки, по сути, пара неровных окружностей, связанных дужками. Денис смотрел на этого серьёзного коротыша так, будто собирался прибить муху, которая вежливо с ним поздоровалась.

На первый взгляд на нём была самая обычная одежда, в которую может быть одет любой мальчишка со двора. Но, присмотревшись, Денис заметил много занятных подробностей. Расшитый зелёными и красными нитями воротник, такой потрепанный и изжеванный, будто его владелец пытался

накормить им целую деревню. Сандалии очень грубы, явно сшиты не на фабрике, но вместе с тем сработаны очень прочно. На поясе вещевой мешок, к которому пристали сухие листья и семена, выглядящие в этой пустоте как драгоценности, найденные в кармане дырявого застиранного халата. В завязках запуталась какая-то ветка. Шорты поддерживал узкий поясок, сплетённый из множества нитей. Столь яркой вещицы Денису в жизни ещё не приходилось видеть: похоже, каждая из его составляющих имела особенный цвет. К мешку, кроме того, была привязана шляпа, больше всего напоминающая пиратскую треуголку.

- Я лучше скажу ещё что-нибудь, - не отводя глаз от малыша, сказал Денис. Он представил, что будет выглядеть как тот человечек из тетрадки, которых он, бывало, рисовал, разыгрывая на бумаге миниатюрные наивные сценки. Палочки-ручки с пятью-шестью пальцами разной длины, голова-слива... иногда у таких человечков были в руках автоматы и винтовки. Денис хотел себе автомат или настоящий железный меч, острый, как тридцать семь процентов шуток Митяя - то есть лучшая их часть - но решил, что хочет для начала себе нечто, чем этот меч можно было бы держать.

- Ну, скажи.

Человечек ждал. Денис почувствовал укол страха. Хотя рядом с этим малявкой не хотелось бояться. Это был... ну, наверное, предупредительный укол.

- И скажу... - он оглядел свои призрачные ладони - ладони обыкновенного среднестатистического мальчишки, от царапин на пальцах до грязи под ногтями. - Ну, например, у меня кожа посмуглее, чем сейчас, волосы светлые и не такие длинные. Мама говорит, что если я не буду стричься, то это значит, что я либо девчонка, либо морской капитан... но я же не морской капитан... А глаза, пожалуйста, карие!

Денис замолчал, сообразив, что если вокруг по-прежнему будет так пусто, он никогда не сможет почувствовать своих глаз. Да и какая, в самом деле, разница, какого они цвета?

- Дальше, - подбодрил малыш. За бликующими непонятно отчего стёклами очков зажётся огонёк интереса. Денис окончательно осмелел и потянулся к своей голове, чтобы понять, какие детали ощущаются не так, как должны.

- Ещё у меня уши не такие оттопыренные... эээ, совсем не оттопыренные. Голос, как у Железного Человека из фильма... нет, нет, стой, сделай как было. А ещё - вот! - татуировка в виде маленького чёрного якоря на правой кисти...

Всё, что называл Денис, появлялось, так, будто его быстро-быстро рисовал какой-то художник-виртуоз. Хотя нет, виртуозы, они не такие. Виртуозы рисуют полотна, где люди с надменными лицами застыли в нелепых позах, а эти локти с царапинами, и эти костяшки, и картинку с якорем рисовал художник-комиксист. Это было очень приятно. Денису почудилось, будто он чувствует, как волосы на затылке быстро-быстро вырисовывает ручка в чьей-то руке. Стало щекотно, но Денис постарался не дёргаться, чтобы не испортить невидимому художнику работу.

- Скажи, как ты всё это делаешь?

- Не я. ДРУГАЯ СТОРОНА.

- Что за сторона? - спросил Денис. Название это показалось ему до ужаса зловещим, и вот тут он по-настоящему испугался. Робко попросил, в последний момент осознав, что он голый:

- А можно мне какую-нибудь одежду?

- Я не гардеробщица. Попроси.

Одежда появилась. Это была "какая-нибудь" одежда, которую и просил Денис, поэтому ему пришлось выбирать из просторного индийского сари и каких-то невозможных штанов с раструбами, похожими на трубы паровоза. Это едва не довело его до обморока, однако, когда мальчик выбрался из бесполезных тряпок и описал свою одежду более подробно, он успокоился и вторично задал волнующий его вопрос:

- А теперь отвечай, кто ты такой.

- Ты так хотел меня найти, а теперь не знаешь кто я?

- Ты Масимба.

Мальчик поскрёб нос. Он был нарисован куда более небрежно, чем Денис, и Денису по этому поводу стало неловко.

- Вообще-то меня называли Максимом.

Денис подумал про сопли, текущие из носа воспитательницы.

- Точно. Я так и подумал. Так ты - тот, кого я искал. Ты мой братец.

- Не могу сказать, что это неприятно, когда тебя ищут, - строго сказал малыш, нахлобучив на голову треуголку. Этот жест придал ему комично-деловой вид. - Судя по тому, что ты меня нашёл, ты не разменивался на мелочи. Искал по-серьёзному.

- Не разменивался на ме-елочи, - зачаровано протянул Денис. Теперь он понимал, почему все говорили, будто Масимба... Максимка, старший брат, давно уже должен был измениться - но при этом он остался прежним. - Так вот какой ты!

И Денис, будто на запястьях его развязали какие-то путы, столь же невидимые, как и всё остальное, задушил Максима в объятьях.

- Митяй обалдеет, когда я ему расскажу! - вопил он.

Максим придушенно сопел, но старший-младший брат не обращал внимания. Он захлёбывался от восторга. Словно тогда, раньше, при виде игрушки, которую тебе дарят на день рождения и которая - ты вдруг это понимаешь - станет твоей любимой на долгие месяцы. В такие моменты всё твоё существо пронизывает одна-единственная мысль - чудеса существуют!

Наконец Денис отстранил от себя щуплое тельце. Заглянул брату в лицо: очки съехали чуть набок, однако нарисованные чёрными чернилами глаза смотрели строго и серьёзно.

- Да где же мы, Максимка? - спросил он. - Как нам попасть домой? Или что же, будем барахтаться здесь, в пустоте, как червяки в луже?

- Здесь нет никакой пустоты. ДРУГАЯ СТОРОНА полна жизни и событий, - малыш сделал небрежный жест рукой, выглядящий очень комично. - Посмотри вокруг.

И Денис огляделся, внезапно поняв, что под ногами больше не бесформенная невидимая вата, а что-то твёрдое, на чём вполне можно стоять.

- Моргни, - предложил Максим.

Денис выпятил нижнюю губу, что говорило о его проснувшемся, как всегда внезапно, упрямстве.

- Да не хочу я что-то моргать. Сам моргай, если хочешь.

На самом деле, ему, конечно же, было страшно. Он пучил глаза, сколько мог, а потом, когда уголки их начало жечь, не удержался и моргнул.

За мгновение темноты мир изменился; он чудом успел завершить перестановку декораций на сцене к тому моменту, как Денис открыл глаза. Они были в тесной соломенной хижине, чем-то похожей на чердак, где Денис только что был. Та же скошенная крыша, только теперь отчего-то на одну сторону, как будто кто-то начинал строить дом с размахом, а на середине пути вдруг понял, что для того нужны материалы поосновательнее. И бросил всё на середине. Снаружи, сквозь дырявый полог, было видно заходящее солнце.

- Что это? Ты здесь живёшь?

Денис сел на задницу, почувствовав сквозь штаны твёрдую холодную землю. Это ощущение было настоящим; но всё что можно было увидеть глазами по-прежнему походило на рисунок, сделанный торопливо и небрежно.

- Нет. Это просто охотничья хижина. Временное пристанище. Ночлег. Я остановился здесь, когда услышал твой голос совсем рядом. Подумал, что встретить тебя в поле или в лесу было бы не слишком гостеприимно.

Денис вдыхал прохладный воздух и чувствовал на своём лице солнечный поцелуй. Он замечал всё это потому, что не мог принять для себя разницу между тем, что видят глаза, и тем, что шепчут прочие органы чувств.

- То есть, она ничейная? Совсем?

Малыш посмотрел на брата поверх очков.

- Если она есть - значит, кому-то нужна. Может, построена специально, чтобы мы могли встретиться здесь. Может, ночью войдёт хозяин. Я оставлю на этот случай отодвинутым полог.

Денис вскочил и сделал несколько осторожных шагов. Хижина приветственно шептала и бросала на голову мусор. Всего одна комната, пять шагов вдоль и столько же поперёк. В одном месте под ногами хрустнула зола - в соломенной-то постройке! - Денис поднял голову и увидел в крыше отверстие дымоотвода. Никакой мебели, на глиняном полу набросаны шкуры. Если отвести от них взгляд, чудилось шевеление, будто эти шкуры по-прежнему стремились куда-то бежать, скакать на длинных изящных ногах или ползать, сгребая брюхом землю. Кто знает, кому они принадлежали...

Книг Денис не увидел. Зато увидел прямо на полу простую глиняную посуду, слишком небрежно изготовленную, чтобы мама сочла её подходящей для сервиза. В лавку, сработанную из распиленного напололам бревна, был воткнут длинный нож, такой большой, что больше походил на меч. В углу, рядом со входом, через который спокойно влетали и вылетали похожие на жуков насекомые, висел гамак, из-за обилия дыр похожий на подвешенный за два конца ломоть сыра. Кое-где их попытался затянуть своей паутиной паук, но не особенно преуспел.

Денис осторожно поинтересовался.

- Что он скажет, если застанет у себя дома двух детей? Как мы объясним, где наши родители?

- Это особенное место. Здесь никого не волнует, откуда ты и кто твои родители. Здесь встречаются маленькие люди и встречаются большие люди. А иногда, бывает, ты попадаешь в компанию других существ. Они ни о чём не спрашивают. Если ты здесь, где твои мама и папа совершенно неважно.

Заложив руки за спину, Максим прошёлся по помещению туда и обратно.

- Ты должен меня послушать, брат, так как я собираюсь рассказать тебе про то, что может тебя ожидать здесь. Про возможность менять мир словами я уже говорил. Это, если можно так выразиться, первое правило ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

- Что-то вроде магии?

- Если хочешь, называй это магией. Второе. Всё, что есть в этом мире, уже давно придумано. Ты можешь что-то изменить только в мелочах. Даже словами. Даже рисунком: можешь дорисовать недостающие детали, но не можешь быть новым творцом. Одежда, которая сейчас на тебе, досталась от разных людей, существующих где-то здесь, на ДРУГОЙ СТОРОНЕ. Или существ.

Денис увидел в одной из мисок воду, заглянул туда. И ахнул:

- Это не моё лицо.

- Правильно. Лицо, которое кто-то уже придумал. Возможно, собранное по кусочкам. Но не твоё. Не думаю, что у тебя получится воссоздать себя в точности, как был.

Денис почувствовал обиду.

- Тогда пусть остаётся как есть. Всё равно оно симпатичнее того, что было у меня раньше. Голос-то уж точно лучше.

- Третье, - малыш вдруг остановился и посмотрел на Дениса. Переносица его горела отражённым солнечным светом, будто лампочка размером с мизинец. - Если ты встретишь муравейник, покрытый туманом, держись от него подальше. Если ты вообще увидишь туман, не просто туман, а такой белый, как только выпавший снег, ни за что не подходи близко. То же самое касается предметов или существ, вокруг которых курится этот туман. В основном остерегайся муравейников, муравейники встречаются чаще всего.

Денису вспомнилось странное чувство - хорошо знакомое, хотя поймать его с поличным было почти так же трудно, как в северных карельских озёрах поймать крокодила. Мама частенько читала ему вслух. Года два-три назад это были сказки, и убаюканный маминым голосом Денис проваливался в сон. Момент *перехода*, момент между сном и явью, когда мамин голос ещё звучал (глухо, словно раздавался под сводами огромного зала), когда оживали сказки, и всё становилось странным, когда цвета блекли, а зелёный, наоборот, становился ярче и начинал пахнуть каким-то задумчивым дурманом.

- Да я же провалился в книгу! - воскликнул он. - В папину книгу. Вот почему всё такое необычное.

- Книги - это просто буквы, отпечатанные или написанные от руки на бумаге или пергаменте, - поджав губы, сказал Максим. - Очень много букв, много слов, есть какой-нибудь смысл... нет, это не книга. Это ДРУГАЯ СТОРОНА. А попасть в неё можно хотя бы и через дырку от бублика. Главное - твоё желание здесь оказаться. Или не желание. Словом, от тебя ничего не зависит. Ни способ, ни время.

Сказав так, мальчик повернулся к брату спиной и вышел прочь. Денис ещё несколько секунд стоял с открытым ртом.

- А от кого зависит? - спросил он наконец.

Нет ответа.

Испугавшись, что больше не увидит Максима, Денис рванулся вперёд и, запутавшись в пологе, вывалился наружу. Вскочил, ошалело озираясь. Всё вокруг было чьими-то каракулями и требовало узнавания, словно слово на иностранном языке, требующее чтобы ты вспомнил перевод. Вот это лесная опушка. Это овраг, заросший каким-то густым сиреневым кустарником. Небо с краешком солнца и намазанными на него, словно сливочное масло на молочный батон, облаками. Ветер... который ты не чувствуешь, а видишь - натурально, видишь: будто какой-то малыш задался целью закрасить всё вокруг ручкой с исчезающими чернилами, а чернила эти, не будь дуром, исчезают, и приходится снова приниматься за работу. Такой он здесь ветер.

- От кого зависит?! - закричал Денис брату.

- Скажи мне, если когда-нибудь узнаешь, - был ответ.

Денис вдруг почувствовал себя совершенно опустошённым. Дома уже, должно быть, глубокая ночь. А здесь по светлому небу, сквозь жидкий цвет которого, казалось, просвечивала текстура бумаги, летели птицы-чёрточки. На них не получалось задержать внимание, даже если сильно того захочешь.

- Можно, я поплюю? - попросил он. - Я даже не ложился вечером. Следил за папой. Ждал, когда он пойдёт на чердак. Если бы я знал, что всё так просто, я бы не стал ждать, а просто нашёл бублик...

Максим покачивался с пятки на носок и, опустив руки в карманы, разглядывал прихотливый рисунок трещин в земле. Больше не казалось, что он собирается пропасть. Вещевой мешок с пояса перекинул к входу в хижину, как этакий добрый знак, предвестие хорошего отдыха.

- Хорошо, - послышался снисходительный ответ. - Я буду учить тебя потом, если, конечно, захочешь уйти со мной. Так или иначе, эти правила тебе пригодятся. Но сейчас, перед тем как уснёшь, подумай хорошо и задай все свои вопросы. Это нужно сделать не откладывая, потому что одно дело просто обнаружить себя здесь, а другое - заснуть и проснуться на ДРУГОЙ СТОРОНЕ. Осознать, что ты её часть.

Денис выслушал не перебивая, а потом задал тот самый животрепещущий вопрос, который уже было решил отложить до утра:

- Как мы можем вернуться?

- Вернуться куда?

- К маме с папой. Они тоже будут рады тебя видеть, я уверен.

- Ты уже совершил переход, - сказал Максим. Затылок его выглядел пушистым соцветием одуванчика.

- И что это значит?

- Значит, что я совершил его очень давно - даже не могу вспомнить точно когда, - и, как видишь, до сих пор тут.

Денис не верил своим ушам. В носу назойливо засвербело. Ущипнуть ли, уколоть ли себя чем-то, чтобы проверить: в самом ли деле всё это происходит? Наступить, может, босой ступнёй на острый камешек?

- Я... мы останемся здесь навсегда?

- Всё во вселенной зависит от твоих желаний, - сказал Максим. - На ДРУГОЙ СТОРОНЕ это особенно очевидно. Наглядно, так сказать. Если ты чего-то очень сильно хочешь, ты найдёшь способ.

Денис в отчаянии оттянул майку на животе.

- Но я очень сильно хочу, чтобы мы вдвоём оказались дома! Я думаю, мы без проблем уместимся в моей комнате, если поставим двухъярусную кровать. И ты такой умный, что я уверен, тебе не придётся больше ходить в садик. Тебя без проблем примут в первый класс, а может, даже во второй! Максим сказал, не моргнув глазом:

- Значит, возможность рано или поздно появится. Жди, и смотри в оба.

Денис вскочил на какой-то валун, напоминающий поделку из папье-маше. Валун свалился на бок (он оказался не толще листа бумаги), и мальчик, растянувшийся на земле, посмотрел на брата снизу вверх. Он чувствовал, как пылают его щёки.

- Но я хочу этого прямо сейчас! Прямо! Сейчас!

Голос Максима был сродни холодной воде.

- Невозможно выйти из комнаты, не зная, где находится дверь. Послушай, я сейчас как раз направляюсь в одно место. Идём со мной. Может, мы вместе найдём эту дверь.

Денис сжимал кулаки и шумно дышал.

- Что ещё за место?

Вместо ответа Максим вытянул руку в ту половину мира, где уже наступила ночь. Холмистый пейзаж парил в абсолютной темноте, будто очертания одеял и подушки, которые видишь вдруг в промежутке между снами, подняв веки. Денис сначала не мог различить в указанной стороне абсолютно ничего, но потом, приглядевшись и утерев навернувшиеся на глаза непрошенные, злые слёзы, разглядел еле заметную пульсацию света.

- Что это? Звезда?

- Это ЗОВУЩИЙ СВЕТ. Что бы это ни было, мне нужно до него добраться.

- Тебя он, что ли, зовёт? – спросил Денис. Он всё ещё чувствовал жгучую обиду за то, что не может прямо сейчас отправиться спать в собственную постель. Не то, чтобы он обижался на Максима – ведь Денис сам во что бы то не стало хотел его найти – он обижался на эту таинственную ДРУГУЮ СТОРОНУ и её дуратские правила, которые мешают им с братом тут же, немедленно, оказаться дома.

И всё-таки, как, интересно, сложатся их отношения по возвращении (которое непременно когда-нибудь случится! Денис не допускал даже мысли о том, что они останутся здесь навсегда)? Ведь Максим умнее его, это очевидно, и рассуждает почти как взрослый. Но Митяй, не говоря уж о других мальчишках, засмеёт Дениса, если тот будет слушаться какого-то сопливого малыша. Вот тебе загадка загадок.

Денис обдумывал это, посасывая кончик пальца и скосив глаза на брата. Не получится ли с ним как-нибудь договориться? Скажем, вести себя на людях как полагается, в обмен на Денискину защиту от хулиганов. Ведь никто не любит умников...

Между тем Максим начал отвечать:

- На самом деле, это маяк. Он стоял, потухший, долгие годы. Но теперь кто-то там поселился и зажигает каждый вечер огонь, - малыш сжал кулачки, и в этом движении Денис увидел наконец то, чего так долго ждал – детскость. - Мне во что бы то ни стало нужно узнать, кто это делает.

- Что это за маяк? Старый?

Денис, как и любой ребёнок, питал страсть ко всяким маякам, заброшенным водонапорным башням и прочим несуразным, покинутым людьми каланчам.

- Совсем скоро ты узнаешь его историю и даже познакомишься с прежним его обитателем. Та ещё личность, вот увидишь... и та ещё история.

Он ухмыльнулся.

- Ну ладно. Ты устал, я понимаю. Тогда давай спать. Я устроюсь на полу, а ты иди в гамак.

Денис вскочил: спорить в лежачем положении было не так-то просто.

- Я старший брат, мне и спать на полу.

Вместо ответа Максим стянул очки и взглянул на Дениса круглыми, как у совы, близорукими глазами.

- Дурачина! Я не могу спать в чём-то, что качается.

- Ага! – Денис ткнул пальцем в брата. – У тебя морская болезнь!

Было немножечко стыдно, но всё же он был рад найти хоть какую-то слабость у непробиваемого и рассудительного брата, который не совсем выглядел кем-то, кто будет играть с красным пластиковым паровозом и даже гонять на велосипеде.

- Я был когда-то моряком, - печально сказал Максим. - Очень давно. Но гамаки делают со мной страшные вещи... я будто возвращаюсь в те времена, когда я был ещё по-настоящему маленьким, и переживаю заново первые мои дни в этом мире.

Был моряком! Да что же это за ДРУГАЯ СТОРОНА-то такая, что даже такая сопля может здесь бороздить океаны, как настоящий пират! Обескураженный этой мыслью, Денис забрался на гамак и мгновенно заснул, запихав по старой памяти оба больших пальца в рот. Когда он выглядел на столько же, на сколько сейчас выглядит Максим, он только так и мог заснуть. С тех пор прошло много времени... но совсем не столько, сколько прошло для старшего-младшего брата. Денис пообещал себе это запомнить.

8.

Пробуждение было сродни взорвавшейся в голове петарде. Хотелось плакать, но Денис мужественно вонзил в ладони ногти и не пискнул. Сейчас серые рассветные сумерки, но чуточку попозже, когда солнце окончательно завладеет белым светом, мама встанет, чтобы сделать ему какао... наверное, она больше не злится за те расстройства, что непоседа-сын, как нерадивый почтальон, доставил накануне. Он смотрел в качающийся потолок и предвкушал вкус напитка с молоком на языке. Думал, что хорошо бы, чтобы всё произошедшее вдруг оказалось сном...

- Нет! - Денис попытался резко сесть, однако вместо этого беспомощно забарахтался в гамаке, размахивая руками и крича в потолок: - Ты мой единственный брат, и я не хочу тебя потерять!

Что-то отпрянуло прочь, закрутилось, подняло с земли и закружило засохшие листья, лежавшие по углам помещения. Они выглядели как клочки рваной бумаги.

- Тише, тише, мальчик, - прогудели прямо над ухом. - Я же не туча, чтобы разгонять меня так махая руками, ну!

Только тут Денис окончательно проснулся. Он спустил ноги к полу и принялся бешено вертеть головой. Перед ним стоял, сложив на впалом животе ладони, печальный старик. Увидев, что через него просвечивают стены и краешек окна, мальчик лихорадочно стал вспоминать все истории о призраках, которые он когда-либо слышал.

- Вы хозяин этой хижины? - спросил он.

Голос у призрака был под стать внешности: такой скорбный и недовольный, что зачесались глаза.

- Он заходил ночью, но увидел, что вы спите, и решил не мешать.

Если бы Денис встретил такого человека где-нибудь в Выборге, он бы принял его за иностранного бродягу, каким-то образом пересёкшего финскую границу и толком не осознавшего, что он уже в другой стране. Старик был низеньким, всего на полголовы выше самого Дениса, глубокие морщины превращали его лицо в сильно мятую бумагу. Только присмотревшись, можно было различить измятый и искорёженный нос, уши, которые будто бы пожевала лошадь. Губ вовсе невозможно разобрать среди многочисленных изломов и чёрточек. Когда призрак открывал рот, казалось, будто открывался потайной ящичек. Глаза были несуразными дырками: один - треугольным, другой - ромбовидным. На голове высокий колпак, похожий на шляпу волшебника из "Гарри Поттера", но смотревшийся куда более жалко. Платье с широкими плечами траурной вуалью спускалось почти до пят (позже Денис узнал, что это одеяние испанских конкистадоров, которые были кумирами этого удивительного существа - как при жизни, так и после смерти). Мальчик наклонился, чтобы убедиться, что незнакомец не касается ногами пола. Он парил в воздухе, как марионетка.

Чуть-чуть понервничав, Денис решил оставить хозяина на потом. Сначала следовало разобраться с этим слегка подзадержавшимся на земле господином. Как нельзя кстати под лавкой заворочалась шкура, в которую накануне вечером завернулся Максим - больше от назойливо жужжащих

насекомых, чем от холода. В очках, которые малыш аккуратно положил рядом, блестели солнечные зайчики.

- Как же тебя зовут? - спросил призрак таким тоном, будто идти на контакт его вынуждала только жестокая кара какой-нибудь призрачной щекоткой. Скажем, если этому призраку засунуть руку в живот и пошевелить пальцами - разве ему не будет щекотно?

- Денис... - робко ответил Денис.

Лицо старика сделалось ещё более скорбным, будто бы его голову, бумажный комочек, сдавила чья-то рука.

- Ещё одно невозможно странное имя.

- Это не ты завывал и плакал у нас на чердаке? – Денис подумал и уточнил. – В Выборге, улица Заливная, дом пять.

- Думаю, маленький карась, - прогудело привидение, – тебе стоит знать, что я не вожусь на чердаке. Моею вотчиной был маяк, и, дьявол тебя забери, надеюсь, ты согласишься, это куда благороднее, чем какой-то чердак. И сырость я точно нигде не разводил. Она заводилась сама. О мой маяк бились волны иногда высотой в десятки футов – там было мокро, как у русалки между грудей, даже в спокойные дни, и я сушил свои портки на солнышке днём только для того, чтобы ночью они опять пропитались насквозь морской водой и солью. Но с тех пор как я умер, больше нет нужды сидеть там, наверху. Я, наконец, получил возможность посмотреть мир, и уж точно не буду "завывать", как ты изволил выразиться, на каких-то там чердаках. Сырость! Ха!

Максим тем временем откинул импровизированное одеяло и сел. Удостоверившись, что брат и приведение нашли хотя бы подобие общего языка, он сказал:

- Доминико немного отстал от моды. Не удивляйся его одежде.

- Я удивляюсь тому, что я вижу сквозь него тебя, - сказал Денис шёпотом, чтобы не дай Бог не оскорбить своенравного призрака.

Максим пожал плечами, водружая на нос очки. Спал он не раздеваясь, в рубаше и странных шортах, разве что снял ремень. Теперь Денису казалось, что эта одежда создана больше для сна, чем для бодрствования.

- Он же мёртвый, как выброшенная на берег рыбина. Это мой первый друг здесь. Он ждал меня и помог стать тем, кем я есть. Воплотиться из ничего, это во-первых, понять законы этого мира – во-вторых. Так же, как я помогаю тебе.

Денис сглотнул.

- Но я не хочу ничего понимать. Я хочу вернуться домой.

- Не сказать, что я сразу проникся к Доминико доверием. Почти два года я бродил по ДРУГОЙ СТОРОНЕ, потерянный ребёнок, не понимающий, что с ним случилось. Я убегал и прятался от надоедливого призрака, не слушал его увещаний и не понимал объяснений, которые, как я сейчас считаю, были достаточно здравыми. Да посмотри на него. Разве ты бы не стал шаррахаться от этой злодейской рожки?

Призрак скорбно покачал головой, словно говоря: "Ну что здесь поделаешь?" Максим вдруг снял очки и посмотрел на брата открытым, простым взглядом. Глаза его отнюдь не сощурились, как обычно бывает у близоруких людей. Наоборот, зрачки увеличились, словно два снежных кома.

- В некотором роде я навсегда останусь маленьким мальчиком, который просто усвоил кое-какие правила.

- И научился говорить как взрослый, - сказал Денис.

Максим ничего на это не сказал. Он обратился к Доминико.

- Значит, здесь был хозяин? Так кто же он?

- Сиу. Дикарь. Судя по покрашенным в синий мизинцам на руках и ногах, из племени Разгоняющих Самих Себя. Хотя, я могу ошибаться. Одного пальца у него не было. Возможно, просто лакота-отшельник.

- Он видел тебя?

- Было очень темно, - словно извиняясь, пробормотал Доминико. - Ты же знаешь, меня невозможно увидеть в темноте, даже зная, что я здесь.

- Что он здесь делал?

- Зашёл - неслышно, как могут только сиу и старые доходяги вроде меня. Увидел, что в гамаке его мирно посапывает этот... эта маленькая рыба кость в заднице, потом заметил тебя. Хотел украсть очки - и тогда бы, без сомнения, я поднял бы такой визг, что он растерял бы все оставшиеся пальцы - но одумался. Развернулся и свалил.

Доминико фыркнул. Вышло это у него очень смешно: щёки надулись, будто сложенную из бумаги бомбочку наполнили водой.

- Как по-моему, туда ему и дорога. Не доверяю я этим степным дикарям. Впрочем, лесным я не доверяю ещё больше. Как и подгорным. Большой вопрос, кстати, был ли этот сиу подгорным, или всё-таки степным.

Он показал на полог.

- Он оставил на пороге крольчатину и какие-то травы. Может, он тебя даже узнал, рыба кость. Может, плавал на корабле, на котором ты был капитаном, в качестве раба.

- У нас не было рабов, я ведь тебе уже говорил.

Максим нацепил очки и принялся исследовать кролика.

- Стоп! - заорал Денис, вскакивая на ноги. - Брэйк! Перекур! Я хочу знать всё, Макс. Кто такие эти Сиу? Он что, стоял прямо здесь, надо мной, пока я спал? Ты говорил мне, что был моряком, но не говорил, что был капитаном!

- А кем ещё я мог быть? - спокойно спросил Максим.

Этот вопрос поставил Дениса в такой ступор, что всё его возмущение испарилось, прошелестев залётным ветерком в волосах.

- А меня? - спросил он шёпотом. - Меня возьмут капитаном?

- По морю мы не пойдём. Ну зачем тебе корабль, если мы и по суше дойдём до таких чудес, которые ты, живя в своём простом мире со всеми этими механизмами и законами физики, не мог себе даже вообразить? - сказал Максим. - А теперь нам нужно решить, как мы употребим этого кролика. Ведь нам оставили его не для того, чтобы мы на него любовались.

Словно по команде, Денис ощутил голод.

Они довольно споро разделали кролика. Максим ловко орудовал ножом, Денис держал животное за задние лапки, отворачивая лицо и стараясь не смотреть. Он видел, как разделявали на рынке мясо, а здесь даже крови настоящей не было, хотя вспоротое брюхо пламенело как жерло вулкана. Но всё же... это почему-то иное. Нож, воткнутый в скамью, братаец трогать не стал, зато выудил из складок собственной одежды кинжал, такой короткий, что он походил на кошачий зуб. Присмотревшись, Денис понял, что это и в самом деле чей-то резец, сверкающий острой и слегка зазубренной кромкой. Закончив, они выбрались наружу. Доминико сказал, что в хижине, со всей этой сухой соломой, лучше не разжигать огня: "Того и гляди, взлетишь на воздух". Максим с ним согласился: "Обгорелое пятно в центре, может, вовсе не использовалось сиу для приготовления пищи, а имело сакральный смысл". Что такое "сакральный смысл" Денис не знал, однако решил не задавать вопрос, опасаясь насмешек призрака. Он решил атаковать сам, первым, спросив:

- Разве ты не должен бояться солнечного света?

- Мальчик, посмотри на меня, - Доминико вдруг засмеялся кашляющим, гиеным смехом. Под лучами молодого солнца он внезапно утратил прозрачность и стал просто стариком с заплетёнными в косу седыми волосами, парящим над землёй так, что кончики травы должны щекотать большие его пальцы. Денис вдруг осознал, что потерпел поражение: задавая Доминико едкий вопрос, на мгновение забыл, где находится, впустил в себя нарисованный мир так, как впускал настоящий. Связь с домом, о котором он беспрестанно думал сразу после пробуждения, прервалась на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы стать частью ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Максим не принимал участия в их войне. Он набрал сухих веточек, сложил горкой между двух замшелых валунов, а потом, достав из замечательного своего вещмешка спички, слишком корявые и слишком большие, чтобы быть выпущенными на Тульской спичечной фабрике, зажёл костёр.

Денис тем временем осматривался. Хижина снаружи выглядела как огромный стог сена или гриб, погребённый под десятилетним слоем опилок и вымахавший за эти же десять лет на высоту двух человеческих ростов. Она выглядела как что-то очень старое и родное этому пейзажу, холмистому, привольному, шуршащему сухими травами и стрекочущему разнообразными насекомыми. Это было... как далеко-далеко за городом, вроде парка Монрепо, только ещё дальше.

Но было ещё и что-то, что не давало Денису покоя. Будто прозрачная, только ещё начинающаяся зубная боль. Казалось, за каждым холмом прячется по десятку этих их таинственных *сиу*, а каждый куст, находящийся на более или менее безопасном отдалении - их головной убор. Более того, стоило Денису потерять один из таких кустов из поля зрения, на прежнем месте он его уже не находил.

Запах жареного мяса раздувал в животе голодные пузыри, и в конце концов Денис смог отвлечь себя от чудес пейзажа на еду. Максим выкопал из земли какие-то корнеплоды, отдалённо напоминающие мелкий картофель, и запёк их на углях, как делала мама, когда они выезжали на природу. Готовую еду он обильно посыпал сухой землёй.

- Что ты делаешь?

- Попробуй, - сказал Максим с набитым ртом. - Это ужас какая вкуснятина. Как соль и перец вместе взятые. Когда я ходил под парусами, мы поливали еду морской водой, но всё равно, получалось совсем не то.

Денис покачал головой. Нарисованная еда - есть нарисованная еда: выглядит, как раскрашенная картонка, и жуётся, должно быть, так же. Но вдруг сквозь вой ветра над холмами он услышал голоса. Можно было подумать, что это что-нибудь из местной, несомненно, богатой фауны, скажем, певчие койоты, восславляющие уходящую ночь, но... голоса эти пели про мясо, нарисованный жир с которого стекал у мальчика по рукам. Совершенно точно, именно про этот кусок, про каждую его жилку, и даже про жировую прослойку. "Съешь, это вкусно!" - таков был общий посыл песни. Впрочем, у Дениса, как у каждого ребёнка, был иммунитет к подобным вещам. Каждый взрослый норовит убедить тебя, что манная каша - это вкусно. Каждый.

Рот наполнился слюной, но прежде чем откусить, Денис проверил: Максим был занят своей порцией, а Доминико не проявлял к их трапезе никакого внимания. Не похоже было, что угрюмый призрак способен петь таким мелодичным голосом, да ещё про крольчатину...

Мясо оказалось жестковатым и не больно-то вкусным, тем не менее, голод оно утоляло на ура. Расправившись со своей порцией, Денис решил, что снова готов задавать вопросы.

- Почему ты в очках? - спросил он у Максима.

- Я плохо вижу. Разве для тебя это не очевидно?

- Но ты же можешь сказать несколько слов и потом видеть лучше любой вороны!

В доказательство Денис продемонстрировал татуировку в виде якоря, которая нравилась ему всё больше. Максим тряхнул головой.

- Я слишком долго здесь нахожусь, чтобы что-то менять. Я не хочу себя потерять. Даже веснушки - Доминико говорит, что это поцелуи дьявола - мне как братья. Потому что перекочевали из прошлой жизни.

- Хм... - Денис не мог сказать, что всё понял. - Но это, наверное, не твоя настоящая физиономия. Так же, как со мной...

Максим, не глядя на него, покачал головой. От изучал зажатую между пальцев заячью косточку.

- Моя. Своё лицо я помню как себя самого, и оно не изменилось с того момента, как мне исполнилось пять.

- Кто бы знал, откуда у него взялись эти наглазные подзорные трубы, - вставил призрак, - но многие верят, что они придают взгляду твоего брата гипнотическое воздействие. Только демоны морской капусты знают, почему они ещё не разбились за все эти годы.

Максим молчал. Денис тоже молчал, грызя травинку. В установившейся тишине замечание Доминико казалось ужасно несурзным, впрочем, он по этому поводу не горевал. Покачивая из стороны в сторону кончиком своей шляпы (казалось, его голова имеет сходную со шляпой форму), он пытался усадить себе на палец стрекозу, которая запросто пролетала сквозь его ладонь.

Собрались они споро и молча: не успел Денис моргнуть глазом, как обнаружил себя бредущим по колону в шелестящей траве прочь от хижины, туда, где между двумя холмами был виден ночью огонёк маяка. Доминико, осмелев, сказал, что сиу нужно как следует отблагодарить за предоставленный ночлег ("я был бы им благодарен, если б не увидел это краснокожее племя ни на том, ни на этом свете"), оставив им "этого паренька", то есть Дениса, но в итоге сошлись на костях кролика и нарядной нитке, которую Максим вытянул из своего пояса.

Денис, выразил сомнение в пользе такого дара, но братик ответил, что таинственные дикари с ума сходят от всяких разных костей и красивых ниточек, на которые эти кости можно нанизать. Что, в свою очередь, не прибавило Денису оптимизма.

"Каждый нормальный парень должен побывать в плену - вещал призрак, - и сбежать оттуда. Без этого мальчик мужчиной не станет".

- Что насчёт тебя? - спросил на это Максим. - За всю свою жизнь ты ни разу не слезал с маяка.

Доминико возмутился.

- По-твоему, родился я тоже там, из рыбьей головы и панциря улитки? Конечно, я был снаружи. Если хочешь знать, я повидал за свою жизнь больше чем вы вместе, сопляки. Ну, за первые пятнадцать лет, до тех пор, пока не стал зрителем на маяке. А за восемь лет после своей смерти и того больше.

- Очень впечатляет, - пробурчал Максим. - Особенно если вспомнить, что эти восемь лет мы путешествовали вместе.

- Откуда всё это взялось? - негромко спросил Денис. - Весь этот мир... откуда он взялся? Это ведь где-то на планете Земля? Я имею ввиду, ведь мы же не летали в космос на космическом корабле, такой здоровенной штуковине, которая ещё совершает межгалактический прыжок...

- Что это за штуковина? - вдруг заинтересовался Максим. - Космический корабль?

- Ты не знаешь, что такое космический корабль? Может, ты ещё и о компьютерах не слышал?

- Нет, - послушно сказал Максим. - Но компьютер - какое-то скучное слово. А вот корабль... считай, что это профессиональный интерес. Так где такие ходят?

- В космосе! - Денис вскинул руки в самом торжественном жесте, на который был способен. - Он летает между звёздами - от звезды к звезде...

- А что такое кос-мос?

Максим остановился, задрал треуголку на затылок, чтобы почесать лоб. Денис подобрал упавшую челюсть - Максим выглядел как обыкновенный малыш, шагающий следом за старшим братом с утрянника в детском саду, и переход этот оказался слишком внезапным, - а потом приобнял брата за плечи.

- Видишь ли, Макс, - начал он так, будто малыш состоял из тончайшего льда, который мог треснуть не то, что от прикосновения, а от не слишком осторожного или слишком громкого слова. - Ты, наверное, даже не знаешь, что наша планета круглая и что она вращается вокруг солнца.

Глаза Максима стали точь-в-точь как описываемая планета.

- Послушай, - терпеливо продолжил Денис. - Когда ты, скажем, находишься на ровном поле, таком большом, что не видишь края, или залез на высокую гору - ты ведь видишь, как она закругляется, да? Ты видишь горизонт, который всё время от тебя отодвигается, идёшь ты пешком или плывёшь на корабле?

Как объяснить вращение земли вокруг солнца Денис не знал, но вряд ли это имело смысл, когда малыш не знает даже более элементарных вещей.

Максим хлопал глазами.

- Сиу говорят, что весь мир находится у тебя в голове. Он появляется, когда ты идёшь в нужную сторону и исчезает, когда ты оттуда уходишь... или ложишься спать. И пока хоть один человек

бодрствует на каких-нибудь полях или в каких-нибудь чащобах, они будут существовать. Сиу, они умные, пусть и несколько странные. Они много знают о мире и живут здесь очень давно.

- Кем бы ни были эти сиу, они дикари. Ты сам говорил...

Доминико, о котором он совершенно забыл, грубо расхохотался.

- Звучит как что-то, что мог сочинить мой ручной елот, если бы он не охотился за мухами, а читал книги, как я ему советовал, - сказал он Денису. - Ты бы не пудрил мальчонке мозги своей иноземной философией.

- Я и не пудрю, - обижено сказал Денис. - Это на самом деле так. Ты всё ещё хочешь знать, что такое космос? Космос - это что-то, что есть между планетами. Точнее, это *ничто*, потому что там ничего нет, ну, кроме астероидов. По этому *ничто* и летают космические корабли.

- Как птицы? - глаза Максима горели. - Я бы хотел полетать на таком корабле.

- Не похоже, чтобы я сюда попал на звездолёте, как Люк Скайуокер, - Денис испытывал по этому поводу лёгкое разочарование. - А сами мы космический корабль не построим, там знаешь, сколько всего наворочано? Космонавты смотрят всё по приборам, любую мелочь, даже занят или свободен туалет.

Видя, что Доминико испытывает по поводу его слов всё больше скепсиса, а Максим, похоже, уже устал удивляться, Денис решил свернуть тему. И всё-таки у него оставался открытый вопрос, на который не было ответа.

- Как всё-таки тогда я сюда попал? Просто попал и всё? Такого не бывает даже в книжках.

- Кос-мос бывает разным, брат, - сказал Максим. Это снова был маленький глазастый человечек, карлик с голосом рассудительного взрослого. Щенячий восторг в глазах сменился какой-то глубокой непонятной тоской, от которой засосало под ложечкой. Взгляд его поблек. Денис решил про себя, что будет скучать по настоящему своему младшему братцу, и по возможности обязательно снова вызовет его из небытия. - Бывает, ты совершаешь путешествие через огромные пустые пространства, сам того не замечая, и описать их так же трудно, как понять то, что ты только что нам поведал. Я бы попытался, если бы сам знал, что эти пространства из себя представляют.

- Машина времени! - вдруг осенило Дениса. - Мы с тобой, наверное, оказались где-то в далёком прошлом. Доминико, ты говоришь здесь живут краснокожие?

- Истинная правда, - подтвердил призрак. - Самые лютые краснокожие, которых ты встречал. Хотя, судя по всему, ты не встречал ещё ни одного.

- Они носят шапки из перьев?

- Вожди носят, - сказал Максим и прыснул в кулак: - У них здесь имена - просто умора. Кусающий Волчонок, Сидячий Бык - это ещё безобидные. А как тебе, к примеру, Конская Ляжка?

- Точно! - воскликнул Денис и сказал вкрадчивым шёпотом, как человек, которому открылись все тайны мира: - Знаешь что это за континент? Это Америка. Примерно в то же время, когда сюда приплыли американцы... (взглянув на Доминико, он поправился) тьфу, то есть испанцы! С ума сойти! Знаешь, у нас с другом были самодельные луки с тетивой из бельевой верёвки и лески, но я никогда не думал, что смогу пострелять из настоящего индейского лука!

Максим, однако, не разделял восторгов. Он покачал головой.

- Хватит бесполезной болтовни. Америка это или не Америка, здесь у неё только одно название - ДРУГАЯ СТОРОНА.

- Это не бесполезная болтовня! - Денис забежал вперёд, едва не запутавшись в траве и лианах вьюнка, который стелился по земле и оплетал каждый чахлый куст на своём пути. Заглянул в лицо Максиму. - Если мы сможем понять, как работает эта машина, и каким образом она перенесла нас двоих в один и тот же промежуток времени, мы, быть может, сможем вернуться домой!

- Твой брат точно одержимый, - зашептал Доминико, наклонившись к самому уху своего маленького спутника. Денис, как нарочно, всё слышал. - Может, сдать его какому-нибудь знахарю? Я бы предпочёл не лучшему, а первому встречному, если честно...

- Скажи, разве этот мир не отличается от твоего достаточно сильно? - с прохладцей спросил Максим.

Денис ни разу в жизни не бывал в Америке, но он понял: Макс прав. Не нужно сравнивать по картам изгиб береговой линии, чтобы уяснить для себя, что это не просто разные континенты, но разные миры. Достаточно просто посмотреть вокруг. *Увидеть* движение воздуха, пляшущего над холмами, кляксу шмеля, пролетающего перед твоими глазами, солнце, похожее на клубок жёлтой пряжи, основательно потрёпанный котом. Взглянуть на свои пальцы и заметить, насколько небрежно они нарисованы. Потом перебежать взглядом на ладонь и понять, что гадалки в этом мире остались бы не у дел: линии жизни, судьбы, любви и прочие каждый раз меняли своё расположение и длину.

Тем не менее Денис ни на шутку разозлился. Какое право имеет этот картонный человечек, который вообще не должен существовать (так говорил папа, когда Денис, будучи помладше, пугался теней в шкафу), идти против науки? Против десятка прочитанных фантастических книжек, против лучших научных умов, против, в конце концов, папиного авторитета?

- А тебя, - сказал он, задыхаясь, - тебя нужно сдать какому-нибудь гробовщику!

Он подобрал с земли камень и запустил в картонное лицо, ожидая, что, может, оно сомнётся, словно мордашка у старой куклы, которую они с Митяем однажды нашли в лесу и, весело хохоча, растоптали. Пускай-ка походит немного с перекошенной физиономией, ему не будет больно. Призрак он или кто?.. Но вопреки ожиданиям Дениса камень без каких-то помех пролетел сквозь тело Доминико и ударил в темечко Максима. Треуголка слетела с головы малыша, будто её сбил лапой какой-то большой зверь, вроде медведя. Очки свалились ему под ноги. Следом упал Максим. Свалился, как тук с картошкой.

Денис почувствовал, как что-то внутри у него оборвалось.

9.

- Братец! - заорал Денис, бросаясь перед упавшим ребёнком на колени и лихорадочно ощупывая его голову.

Он не знал что предпринять. Это событие окончательно расставило в голове приоритеты, рассказало, кто старший брат, а кто всё-таки младший: Максим наверняка бы точно знал что делать, если б он, Денис, сдуру засветил булыжником *себе* по голове. Детское удивление, которое Максим испытывает по поводу некоторых очевидных вещей, как и нежелание выглядеть старше, не имело никакого значения. Теперь-то Денис понял. Понял... однако, слишком поздно.

Из носа малыша вырвались, будто сбежавшие из башни девицы, две струйки крови, деловито потекли на подбородок: неправдоподобно алые и похожие на блестящий ёлочный "дождик".

- Доминико! - закричал Денис. - Нужно что-то сделать. Есть здесь поблизости врач? Шаман? Врачеватель? Кто угодно, ну же?

Призрак печально взирал сверху вниз. Лицо его вновь стало непроницаемо, оно распадалось по линиям сгиба сероватой бумаги на сероватые геометрические фигуры, которые затем мягчели формой, сливались друг с другом, по мере того как глаза Дениса наполнялись слёзами.

- Вряд ли есть у сиу лекари, которые смогли бы его спасти, - сказал он, не шевелясь и не делая попыток даже нагнуться. - На юге есть поселение. Оттуда приходил хозяин хижины. Если ты сможешь его унести, к полуденнице мы будем там.

Он развёл руками.

- Сам понимаешь, от меня здесь толку как от хромой собаки при загоне стаи ворон.

Денис, аккуратно просунув под брата ладони, приподнял его, после чего жалобно посмотрел на призрака:

- Ты совсем не сможешь помочь? Даже за ноги поддержать не сможешь?

- Смогу поддержать только его душу, поскольку я сам бестелесен. Сейчас она будет истекать из его тела, пока не вытечет полностью, а я буду её ловить и раскладывать по карманам, чтобы не потерялась. Только я не понимаю, зачем тебе это нужно, потому что...

- Замолчи! - закричал, обливаясь слезами, Денис. - Я донесу его.

Первое время Денис шагал ровно, временами переходил на бег, неуклюжий, но так голова у Максима тряслась куда сильнее, и он каждый раз возвращался на шаг, стараясь не смотреть, как кровь пятнает воротник одежды брата.

Потом начал спотыкаться, один раз даже упал, чудом приподняв внезапно потяжелевшее тело пятилетнего мальчика так высоко, как только мог, чтобы не ударить о землю. Он хныкал и плакал, сам того не замечая. Винил эту жестокую землю, хотя ещё вчера считал её довольно приятной, пусть и странной для взгляда пришельца из *обыденности*. И сам понимал, что земля здесь не при чём. Денис готов был броситься с кулаками на любого, кто назовёт этот случай "несчастливым". Кто, если не он поднял камень?

Доминико скорбной тёмной фигурой плыл позади, изредка направляя: "Держась правее... Видишь, куда полетела вон та птица? Тебе за ней". Или: "Сейчас должна быть тропа, будет полегче".

Когда впереди показались дымные столбы, Денис был на грани обморока. Ему казалось, что они как верёвки качаются над его головой. Он готов был, взяв Максима за шиворот в зубы, как котёнка, протянуть руки и ухватиться за них, сжать крепко-крепко, чтобы, словно Индиана Джонс по лианам, карабкаться к цели.

Высвободив одну руку и протянув её к небу, Денис вспомнил о магии. Магия рисунков, магия слов, магия действий... ничего уже не изменить. Мир заранее придуман - так говорил братик. Кем придуман? Где найти того, кто сможет повернуть всё вспять и убрать тот камень с дороги прежде, чем мальчик в запальчивости протянет к нему руку? Денис напрягся, собираясь распутать клубок мыслей - как, будучи шестилетним сопляком, распутывал бабушкину пряжу - и понять, что всё-таки теперь делать, но к этому уже не было нужды. Он услышал рядом голоса, говорящие на каком-то странном, похожем на птичий щебет, языке. Ну конечно! Индейцы же всегда выставляют часовых, хвала "Последнему из Могикан" и "Дочери Монтесумы", Денис знал это...

- Спасите моего брата, - сказал мальчик перед тем, как рухнуть в обморок. - Он был морским капитаном.

Однако, собственное сердце, грохочущее как морской прибой, не дало ему сразу впасть в забытие. Денис почувствовал, как из его ватных рук забрали Максима, как трава вдруг зашелестела уже не на уровне коленей, а на уровне груди - он упал на неё, как на пики, а потом его подняли, а потом...

Открыл глаза. Первое, что он сделал - это подумал о брате. Но не так-то просто было вспомнить, что же произошло. Потом он увидел людей. Они и правда были похожи на индейцев: смуглая кожа напомнила о свежих, смазанных маслом, гренках или о тростниковом сахаре, на бёдрах были вполне узнаваемые из книжек и фильмов набедренные повязки, грудь у многих расписана красочными и вместе с тем наивными и неуклюжими рисунками. Смущало то, что это были не обыкновенные люди. Не могут обыкновенные люди ходить с перевёрнутой головой, так, что шея у них соединяется с макушкой, а в ямочку на подбородке заплывают дневать облака.

Они стояли перед Денисом полукругом: тощие, босые, высокие люди-наоборот. В руках у многих луки, на бедре непременно колчан, полный коротких, похожих на ошипанных птах, стрел. Дальше за ними высились кожаные шатры, из которых выглядывали голые детишки. Невольно представлялось, что они висят там, в своих шатрах, кверху ногами, как летучие мыши.

На самом деле, как выяснилось позже, далеко не все сиу видят мир кверху ногами. У многих лицо повёрнуто только на четверть, как стрелка, что смотрит на три или на девять часов. Эта стрелка, стало быть, есть их нос.

Многие индейцы курили что-то похожее на маленькие трубки с откидывающимися крышечками. Они затягивались, а потом, улыбаясь, картинно выпускали из ноздрей вверх две струйки дыма. У Дениса даже сложилось впечатление, что дымные столбы, которые они с Доминико видели, на самом деле складывались из таких вот струек, так как курили почти все поголовно, и даже женщины, а в костре аборигенам днём не было никакой нужды.

Некоторые носили маски из бересты. Изображали они человеческие лица с гипертрофированными, укрупнёнными чертами. Одевали их вниз подбородком, как, собственно, и положено было выглядеть

человеку, а смотрели через искусно замаскированные дырочки в щеках. Сиу в такой маске, казалось, грозил своим антропоморфным носом, как пальцем, всему миру.

- Ты принёс нам сломанного человечка, - торжественно заявил один, старик с чёрными, как сливы, глазами, свёрнутым набок носом и впалыми щеками. На голове его чудом держался головной убор из раскрашенных перьев, жидкая седая борода пропитана каким-то липким веществом. Она стояла вверх, как усики муравья. Когда смотришь на лица вот так, кверху ногами, очень трудно определить возраст, но Денис был почти уверен, что столь старых людей он ещё ни разу в жизни не встречал. Язык по-прежнему был похож на птичий, однако Денис понимал каждое слово.

- Да! - Денис попытался встать. Получилось не очень. - Почините его! Вы можете его починить? Старик молчал, и молчал до тех пор, пока Денис не повторил свой вопрос ещё два раза, почти сорвав голос. Тогда пожилой индеец запрокинул голову и расхохотался. Денис смотрел, как полощутся тонкие, будто масляная плёнка на воде, щёки, и ему стало страшно. По-настоящему страшно, не только за брата, но и за себя.

Старик сделал жест рукой, и Дениса подхватили двое младших воинов. Звеня и стуча маленькими костяными браслетами на руках, они унесли его в один из шатров, где со смехом бросили на шкуры. На мгновение он подумал что ослеп, но потом сообразил что с глазами всё в порядке: то мир расплывается, как рисунок на песке, смываемый волнами. Расплывается и при этом никак не может исчезнуть совсем. В шатре было тесно, и одуряюще пахло рыбой. А все звуки, доносившиеся снаружи, слышались как будто из морской раковины. Только теперь Денис наконец почувствовал, что ноги вновь стали слушаться. Он подтянул к животу колени. Тревожные предчувствия роились в голове, как осы в полом бревне.

Вождь появился снова. Он вырос словно из-под земли, шурша браслетами на руках и стуча украшениями, что свешивались с его шеи. Он надувал щёки так, будто едва сдерживал смех, но произнёс гулко и торжественно:

- У меня печальные новости для тебя, человек с ноздрями к земле. Тот малыш умер ещё в дороге. Какое-то время дух его был заперт в теле, как в деревянной клетке, но прутья её двигались, расширялись, пока, в конце концов, были уже не в состоянии его удерживать. Сейчас мы возьмём его тело и воспоём гимн корням, чтобы они выпили его соки быстро и сделали кости твёрдыми, полыми и пригодными для украшений.

- Но... он же не старик, как он может умереть?

Денис бездумно рассматривал маленькую зелёную птичку с коричневой грудкой, что выглядывала из головного убора вождя.

Вождь расхохотался.

- Не старик, да? - спросил он. Закрыв один глаз (другой - Денис только что это заметил - был абсолютно белый, в его радужке едва угадывался зрачок) и продекламировал, как стих:

- От тебя пахнет другой землёй. Чужой землёй. Видно, ты пришёл издалека, из страны, где нога *сиу* ещё не ступала, а копьё их не разило ланей и кроликов. Отвечай, так ли это?

- Так, - выдавил из себя Денис.

Вождь хлопнул в ладоши.

- Мы будем следить, чтобы ты не сбежал, маленький человек с ноздрями к земле. Может, ты проведёшь нас в эти земли. Если леса там поют мелодично, а реки рассказывают сказки интереснее тех, что нашему уху уже надоели, мы там останемся. Не горюй о своём компаньоне. Вы ещё встретитесь там, под землёй.

Он исчез, только взметнулся полог шатра. Там, снаружи, переговаривались и щебетали два молодых воина, костлявые, как ощипанные гуси. Но Денис не питал иллюзий: если будет нужно, они скрутят его, как бешеную собачонку.

Он хотел было крикнуть вслед вождю, что до его земли нужно плыть и плыть, и не на утлых судёнышках, которые эти таинственные и жутковатые *сиу* используют, чтобы перемещаться вдоль берега и удить рыбу, а на настоящем, огромном корабле, но подумал, что тогда, возможно, вождь

откажется от своей идеи. Возможно, у перевёрнутолицых тоже есть в запасе какая-то магия, и они – единственный способ добраться домой... или туда, где спустя столетия будет дом.

Вот так Денис остался один, едва обретя брата. Когда он вернётся домой, мама и папа встретят его у крыльца и спросят: "С кем ты гулял?" И Денису нечего будет ответить. Ведь расскажи он про краткое знакомство с Максимом, ему всё равно никто не поверит. Папа сердито покачает головой, а мама опустится возле него на корточки, ласково прижмётся щекой к щеке и скажет, что это был всего лишь сон.

Денис крепко-крепко прижался носом к застеленному шкурами полу, попросил, как учила мама: "Господи, пусть это и в самом деле окажется сном!"

- Эй, – вдруг раздался шёпот из-за стены, – это ты там скулишь, парень?

- Ты кто? – спросил Денис и сел.

- Хорошая же у тебя память, – пробурчали за стеной, и Денис наконец узнал Доминико. – Не даром, что всякую чепуху сочиняешь.

- Ты что там делаешь? Тебя разве не взяли в плен?

- Как же меня возьмут, я же приведение. Господин вождь – кстати, его зовут Каштан для Выхухоли – отправил меня играть с детьми в поймай-и-догони. Неугомонные черти. Когда я попытался от них улететь, они полезли на дерево, можешь представить? Пришлось и в самом деле с ними немного поиграть, чтобы никто не расшибся. Когда они стали играть в "найди-страшного-человека", я спрятался за шатром, и вот сейчас разговариваю с тобой.

- Он сказал, что Максим умер. Я думал, что умирают только старики и люди из кино. Маленькие мальчики, такие как мой брат, просто не могут так поступить...

Денис был до глубины души возмущён тем фактом, что его бросили на произвол судьбы. Он уже забыл, как некоторое время назад корил себя и упрекал в смерти брата.

- Его сердце больше не бьётся. Я проверял, – дух засмеялся трескучим смехом, будто был пропитан статическим электричеством. – В этом есть некоторая ирония, потому что я бы не смог, к примеру, ощутить его пульс, если б оно всё ещё билось. А сейчас, когда перестало – сразу чувствую. Теперь, пока меня не нашли, я выведу тебя отсюда. Отвлеку твою стражу, а ты, как услышишь шум, беги за следующий шатёр, мимо кустов крыжовника и дальше – прямо в чашу. Там затеряешься. В чаше сиу часовых не ставят: кто туда отважится сунуться, кроме их самих?

- А дальше что мне делать, Доминико?

На стенке шатра внезапно проступило лицо призрака. Так проступает на вспотевшей бутылке лимонада нарисованная там пальцем рожица.

- Возвращайся домой, откуда пришёл, – буркнул он. – Может, у тебя там найдётся какой-нибудь потерянный брат, кого непременно стоит отыскать? Или сестра? Всё! Опять эти несносные дети, да едят они одних крабов! Ну, будь наготове.

И Доминико, исчезнув здесь, загрохотал позади шатра чем-то вроде кандалов, застонал и засопел. Часовые, похоже, от неожиданности и испуга бросились друг другу в объятия, и только потом, вспомнив о долге, дрожа и стуча зубами (Денис ясно слышал навязчивое «тук-тук-тук»), отправились на разведку.

Денис зайцем выскочил наружу. Оказывается, солнце уже клонилось к закату и наступили тягучие, карамельные сумерки, запечатлённые как будто бы – снова это чувство – на старом карандашном рисунке. Путь свободен!

Но возле обещанных кустов крыжовника что-то заставило его остановиться. Денис даже сорвал и сунул в рот кислую неспелую ягоду, и это каким-то образом повернуло его решимость в строго противоположную сторону. Он просто не может сбежать, не увидев в последний раз брата, не убедившись, что маленькие дети (даже такие большие, как Макс) тоже умирают. Где-то потрескивал костёр, и Денис со всех ног ринулся туда.

И увидел.

Максимку.

Вернее, двух Максимов разом. А ещё вождя и с добрый десяток рослых краснокожих воинов.

Одного Максима никто не охранял, на него просто не обращали внимания. Подходи и смотри сколько хочешь. Убеждайся. Тыкай пальцем и щекочи (как хотел сделать Денис; он был уверен, что ни один ребёнок не сможет долго выдерживать щекотки). Он был примотан крепкими верёвками к сосновому стволу кверху ногами, так, что в прямом смысле стоял на голове, и больше напоминал деревянного идола краснокожих, такого же жутковатого, как и всё остальное. Это тот Максим, которому Денис попал по голове камнем, и Денис сразу это понял. Лицо его было испачкано в крови, под носом запеклась красная корка. Глаза закрыты, а рот, напротив, приоткрыт, обнажая желтоватые зубы.

Денис перешёл на шаг, потом побежал. Другой - живой - братик в окружении этих существ выглядел как кусочек пищи, застрявший между акульими челюстями. Он что-то рассказывал им, а они слушали, склонив головы, по голым плечам его стекал вечер напололам с туманом, который, почуяв в размякшей, разморенной солнцем земле лёгкую добычу, ринулся вниз.

- Макс... - сказал Денис, остановившись и не смея ступить в круг.

Воины повернулись как по команде. На лице вождя отразилось удивление.

- Ох, и намою я шеи этим горе-стражам, - пробормотал он.

Денис не успел опомниться, как уже прижимал к груди голову брата. Показалось, будто он сжимает в объятьях влажную губку. Он стиснул объятья и почувствовал, как рубаха на груди пропитывается тёплой солёной влагой.

Как кровь, только иначе. Это живительная влага.

- Ну-ну, - сказал Денис, чувствуя, как к горлу подступает комок, и, чтобы не разрыдаться самому, встряхнул Макса за плечи. - Закрути-ка краны. Объясни, как так получилось.

Не в силах понять, Денис переводил взгляд с привязанного к стволу тела, на живого мальчика, и обратно.

Голос братика стал глухим.

- Мне очень не хотелось исчезать. Это было так, будто ты куда-то падаешь. Как с дерева, только с дерева, которое растёт выше любых зданий. А под ним пропасть, самая глубокая в мире.

- Глубже Мариинской впадины, что ли?

Максим поднял лицо. Денис вдруг подумал, что сейчас пойдёт дождь. Непременно должен пойти. Но небо оставалось сухим. Денис чувствовал, как стучит в груди сердце брата, так стучит, будто оно находится в пустой бочке.

- Не знаю что такое Мариинская впадина, да и не хочу знать. То место, куда я падал, очень глубокое. Если планета круглая, как ты говорил, я, должно быть, вылетел с другой её стороны... и упал снова. И так тысячу раз. Но сейчас всё уже в порядке. Я снова здесь.

Денис ничего не говорил. Он был захвачен этим видением, видением исполинских качелей, которые со скоростью свихнувшегося вагончика на американских горках проносят тебя через подземные казематы, меж рядов острых, как зубы, сталактитов, и подземные обитатели, что непременно живут в закоулках сознания любого ребёнка, показывают пальцами и тянут лапы, чтобы схватить за волосы... И вот, когда громадная центрифуга (Денис не помнил, что такое центрифуга, но приберегал это слово для таких вот случаев - когда требовалось описать что-то большое и уродливое) замедляет ход, у тебя есть всего миг, чтобы проглотить как можно больше свежего воздуха, впитать, как чахлый цветок, как можно больше света, перед тем, как снова окунуться во тьму...

- Прости, - наконец выдавил он. - Я не хотел.

Но Макс как будто не слышал. Он был сейчас отнюдь не старшим братом. Он был дрожащим зверьком, спасённой из огня карликовой игрункой, которая обвилась вокруг руки своего спасителя, был мальчишкой, по незнанию устроившим в лесу пожар.

Прошло немало времени, прежде чем Максим пришёл в себя. Денис стоял среди высоких сив. Индейцы посадили птиц, что живут у них в лёгких, в тёмные клетки. Взгляды были непроницаемы, и, чтобы хоть немного внести в них ясность, нужно было встать на голову: на это сейчас просто не

было сил. Прилетели вороны, они расселись на ветках окрестных деревьев, а некоторые прямо на земле, и глядели на другого Максима, того, из носа которого всё ещё по капле вытекала кровь. Когда на опушке, под сухими листьями, начал бестактно и громко возиться какой-то зверёк, Денис почувствовал, что снова стал младшим братом. Старший счёл за нужное вернуться и навести порядок.

Максим отстранился, приподняв очки, вытер рукавом слёзы. Заложил руки за спину - любимый жест, при виде которого в сердце Дениса застучало чуть-чуть сильнее. Какие-то цепи замкнулись вместе с переплетёнными пальцами, и в глазах малыша тучи начали медленно расползаться. "Хорошо бы не дёрнуло током", - подумал Денис, поёжившись.

- На какой-то миг меня действительно не стало, - сказал Максим. - Я, наверное, тебя обману, сказав, что это не самое приятное ощущение, потому что ощущений не было ну никаких совсем. То, что я только что рассказал, ну, про падение в пропасть – эти ощущения были либо за секунду до, либо через секунду после. Всё очень сложно, в общем.

- Прости, я не хотел попасть в тебя камнем, - покаялся Денис. – Я вообще никому не хотел сделать больно.

Макс передёрнул плечами, сказал нараспев, как заученный наизусть отрывок из любимой книги.

- Я на тебя не сержусь. Напрасность многих действий мы понимаем только по прошествии времени. Просто удели мгновение, если, конечно, за тобой не гонится десяток тигров, удели толику времени и подумай об этом, прежде чем сделать хоть что-нибудь. Подумай о том, какие твои действия будут иметь последствия.

Почёсывая нос, Максим взгляделся в растерянное лицо брата и вдруг сказал:

- А вообще, лучше не надо. Не спрашивай себя ни о чём, не думай, делай всё, как делаешь. Забудь, что я только что сказал. Это не про тебя, во всяком случае сейчас, пока ты ещё... В конце концов, подобные неприятные инциденты случаются не так уж и часто.

Он был при своих очках (на носу тела на дереве очков не было), в набедренной повязке, которые носят здесь дети. Впалая его грудь была изрисована красками, и художник сиу, дёргающийся от какого-то нервного тика и постоянно шлёпающий губами, бродил вокруг и (будто выпады шпагой) делал мазок за мазком. Нос его, если представить лицо циферблатом, смотрел на четыре часа. Выглядело это по-настоящему странным. Денис подумал, что художник этот, наверное, большая творческая личность.

Потом он посмотрел на свою одежду и увидел, что она после объятий с братом испачкана в краске, а на груди Максима рисунок смазался в нечто совершенно непонятное. Художник ахнул и полез скорее исправлять, косясь на вождя.

Кивнув в сторону художника, Денис спросил шёпотом (мало ли что).

- Они что, нарисовали тебя заново?

- Нет, - малыш засмеялся. – Сиу не такие уж искусные художники. Они, конечно, могли бы срисовать меня с меня-прежнего, но я не могу даже представить, что за каляки-маляки бы это получились. Этот фантом, быть может, даже смог бы ходить и разговаривать на потеху детям, но нет. Он не был бы мной. Это племя меня не знало, хотя и слышало что-то о маленьком человечке, который странствует по миру и помогает людям.

- Так откуда же ты взялся? - Денис припомнил рассказы бабушки. - Один человек из нашего мира - Иисус Христос - умел воскресать из мёртвых.

- Я не воскресаю. Я просто появляюсь, и всё. Я задуман кем-то и для какого-то дела, следовательно, не могу так просто пропасть. Ты же видел то... тело, - Максим избегал смотреть на собственные останки, и Денис прекрасно его понимал. - Оно останется здесь, как отброшенный ящерицей хвост, и будь уверен, оно ни на что больше не годно, кроме как достаться на поживу резчикам по кости. Правда, Каштан для Выхухоли?

- Истинная, - ухмыльнулся старик, обнажив дыры меж зубов - У тебя отличная кость.

- Ну да, видел, - пробурчал Денис и не нашёл больше что сказать.

- Мне не терпится возобновить наше путешествие, - сказал Максим. – Что-то подсказывает мне, что с тобой вдвоём мы осилим любые дороги, какие бы опасности на них не таились.

Денис даже подпрыгнул от избытка чувств.

- Ага! Всё-таки дети не могут умереть!

Максим смотрел на него долго и внимательно, до тех пор, пока с лица Дениса не сползла улыбка.

- На ДРУГОЙ СТОРОНЕ – нет. Здесь всё всегда возвращается к исходной точке, и одновременно начинается там, где окончилось. Как круг. Ты видишь дугу своей жизни, но не знаешь, в какой момент она замкнётся с уже нарисованной частью. Не знаешь, большим будет этот круг или маленьким. В конце концов, их становится столько, что можешь нанизать их все на руки и звенеть, как сиу из племени Ходячих Погремушек. Но, в конце концов, всегда надеешься, что твоя текущая кривая никогда не встретит свой хвост.

- У тебя много колец? – спросил Денис, одновременно изнывая от желания узнать ответ и боясь его.

- Когда я делал первые свои шаги по ДРУГОЙ СТОРОНЕ, я встречал достаточно опасностей. Я был очень маленьким. Мои мысли были просто-напросто мыслями маленького мальчика, который блуждает по незнакомой стране и не может найти маму и папу.

Денис кивнул, так, будто всё понял, и шлёпнулся на землю. Не до конца понятная горечь жгла ему лёгкие. Он был рад, что братик жив, хоть всё что случилось, по меньшей мере, очень странно, а по большей (частичкой *взрослости*, которая уже оставила отпечаток в его детском мозге, как мёртвая бабочка оставляет отпечаток в мягком гумусе, которому через тысячи лет суждено стать камнем, Денис это понимал) - попросту невозможно. Но он понял и ещё одну вещь – вряд ли когда-нибудь он догонит брата. Мама говорила, что он больше не вырастет, но это неправда: когда там, в сонном городке Выборге, случилось *нечто*, что забросило этого малыша на ДРУГУЮ СТОРОНУ, он, Макс, включил форсаж. Он стал взрослее любого взрослого, мудрее самого седого старика. А Денис... Денис боится всего, как только что вылупившийся цыплёнок.

Откуда-то вдруг появился Доминико. Как тень, что зазевалась и пропустила заход солнца, оставшись на земле, он прятался то за одним сиу, то за другим, словно ища, от чьих ног оторвался. Денис видел его всё время: острая вершина колпака торчала как восклицательный знак.

- Почему ты сказал мне бежать в лес, если прекрасно знал, что Максим вернётся?

Забывшись, Денис протянул вперёд руку, чтобы ухватить призрака за полу его одежд. Пятерня схватила лишь воздух.

Доминико хмуро помолчал, а потом фыркнул – точь-в-точь как кошка. Кто-то из молодых сиу нервно расхохотался, но никто не шархался и не пытался грозить приведению крестом. В сущности, нет ничего удивительного, что такие существа воспринимают это бестелесное пугало как должное: с таким-то лицом они должны воспринимать как должное даже инопланетян!

- Нужно мне больно нянчиться с таким сопляком как ты. Надеялся, что слиняешь в шепчущий лес и останешься там навсегда. Может, наткнулся бы на поселение кукушек. Их там, что икры в белуге. И ничего бы с тобой не случилось: кукушки любят детей. Они воспитали бы тебя как своего. Эти птицы умеют убеждать, и год спустя ты уже отгрохал бы дом-дупло на каком-нибудь зелёном исполине. Разводил бы в садке мошек себе на пропитание. Разве это не жизнь? Кукушки не дают друг дружку в обиду.

- Не слушай его, - сказал Максим. – Он просто за тебя боится. Я начал подозревать, что наш путь будет куда как тяжелее.

Доминико что-то пробурчал, запахнувшись плотнее в свои одежды. Денис не слышал, да он и не слушал.

- Но ничего не случилось, кроме... кроме моего злосчастливого броска. Я нечаянно, честное слово! У меня перед глазами как будто на мгновение помутилось.

Сиу переглянулись и загомонили, все сразу, будто ветер, который как хищный кот забрался в камыши.

- Падь падь, - говорили они. – Падь падь падь малыш короста... падь. ТЕНЬ.

- Они говорят про туман. Ты бросил камень, потому что туман застилал тебе глаза, - сказал Максим. – Может, всего на мгновение. Он, наверное, подкрался к тебе в брюшке комара, который тебя укусил. Или верхом на мышши-полёвке, которая пробежала мимо. Маленькая, крошечная толика тумана...

Денис вспомнил, как зловеще звучало в устах малыша третье правило ДРУГОЙ СТОРОНЫ: "Если встретишь муравейник, покрытый туманом, держись от него подальше. Если вообще увидишь туман, не просто туман, а такой белый, как только выпавший снег, ни за что не подходи близко. То же самое касается предметов или существ, вокруг которых курится этот туман".

Гомон среди сиу возник и вновь стих. Максим, не находя слов чтобы объяснить более доступно, всплеснул руками:

- Ты не видел, куда бросаешь. Просто не думай об этом.

Денис вскочил. Голос его стал сиплым, как бывает, когда очень-очень сильно болит горло. Всё, что он хотел - расколотить на черепки потустороннюю чепуху, которая вдруг ни с того ни с сего возникла в воображении Макса и краснокожих.

- Я всё видел! Никакого тумана не было... а бросал я вот в этого прозрачного чудика. Я... только я виноват, что попал в тебя, и больше никто.

- Вождь решил взять тебя под стражу, на случай, если ты всё ещё дышишь туманом. Они ведь боятся его, бедные краснокожие, боятся больше, чем лесные звери боятся огня. Но я вижу, что с тобой всё в порядке.

- Это я бросал тот проклятый камень! – завопил Денис, не в силах проглотить обиду. – Я просто хотел... ну... подурочиться.

Максим отвернулся. Видно было, что он больше ничего не хочет говорить. Сиу смотрели на Дениса как на жалкую собачонку с подбитой лапой и, кроме того, больную какой-то опасной заразной болезнью.

- Пойдём, - сказал Макс. – Чувствуешь запах? Это подспела еда. У сиу очень странные представления о том, чем следует набивать желудок, но думаю, тебе понравится. Мы переночуем здесь, а завтра тронемся в путь.

10.

На ночь им выделили тесный, но тёплый вигвам с привязанными к потолку лисьими хвостами и круглым, крошечным потайным оконцем, в поисках которого по мягким стенкам с любопытством шарил крылышками насекомых и шершавыми листьями лопухов лес. Здесь жили дети, но на одну ночь, из уважения к гостям, их разобрали по большим шатрам родители. Перед тем как погрузиться в сон, Денис задумался о пище, что переваривалась в желудке – она и вправду была странной, особенно салат из жареных жёлтых помидор – задумался о маме с папой, о том, что было задолго до этого дня, и о том, что будет потом. О фуражке улыбчивой девушки-полицейской, которая, наверное, примчится на своём коне, когда мама позвонит в милицию и скажет, что их сын пропал, и о Митяе, который воображал себе тысячи разных мест, где Денис может сейчас быть. Возможно, где-то он даже был близок к истине...

На мыслях о жёлтых фотокарточках из семейного альбома Денис заснул.

К утру туман его грёз выполз (должно быть, через то самое крошечное окошко) наружу, заполнил весь мир и поднялся в небеса, скрыв собой звёзды. И пролился моросью. Когда братья выползли наружу, здесь только разве что не квакали лягушки. Сырость была везде. Что-то ленивое было в недвижных, влажных, тяжёлых, как ватное одеяло, листьях подорожника. Денис зевал всё утро. Максим строго смотрел вверх запотевших стёкол очков.

- Ты что такой тихий? – спросил он. - За вчерашний день мы, пусть и всего на несколько сотен шагов, стали ближе к маяку.

- Не выспался. Должно быть, камешек закатился под шкуры. Или скорлупа от этих орехов, которые они везде грызут. Сколько часов мы спали? Четыре?

- Не знаю, что такое «часы», - Максим был в том расположении духа, в котором идут вершить большие дела. - Солнце упало, и солнце взошло, пусть даже его не видно. Мы спали. Что ещё нужно? - Кажется, - Дениса терзали смутные сомнения, - что дома я мог спать куда как дольше. Особенно если утром не нужно было идти в школу.

Глаза Максима потемнели. Он нырнул в кроличью нору воспоминаний.

- Когда я там жил, сутки тянулись и тянулись, как жвачка. Можно было весь день заниматься разными делами. Здесь не так. Здесь солнце как пугливый кролик. Иногда оно и вовсе сидит под кустом, не смея показать даже кончики усов. Особенно когда где-то идёт война. И тогда войны бьются друг с другом, освещая поле боя только вспышками гнева в глазах, а корабли тонут в полной темноте.

- Значит, планета, на которой мы находимся, очень маленькая и вращается как волчок, - сказал Денис. - Так же быстро. Значит, машина времени здесь не при чём. Мы совсем в другом мире.

Он заранее приготовился к насмешкам Доминико, убеждая себя, что нужно принять их с холодным сердцем и никогда-никогда не забывать, что случилось в прошлый раз, но призрака нигде не было видно. "Я же не держу его на цепи, - говорил Максим. - Доминико, на самом деле, довольно любопытный, хоть по нему этого и не скажешь. Долгая жизнь на одном месте накладывает отпечаток на характер человека, этот отпечаток остаётся даже после смерти". Высоко в мрачном небе парили чёрные точки - то ли вороны, то ли какие-то хищные птицы: среди них мог быть и призрак, но раздавать с такой высоты язвительные замечания он, разумеется, не мог.

- Ты расстроен? - спросил тем временем Максим.

- Не очень, - Денис мотнул головой. - Просто ещё одна из вероятных версий нашего здесь появления потерпела провал. А я так на неё надеялся!

- Ну прости.

Перед тем как отпустить гостей, всё племя снова собралось возле светящейся груды углей. От кострища шёл лихой жар, и Денис подходил, чтобы погреться, и отбежал, когда пальцы на ногах начинало жечь совсем уж нестерпимо. Тело мальчишки (Денис теперь предпочитал не называть его Максимом, даже про себя; Максим же был здесь, рядом, а тот мальчишка, на самом деле, как старое пальто) куда-то делось. Остались только верёвки, которые, словно запутавшаяся в собственном теле змея, свернулись вокруг древесного ствола. Денис был рад, что теперь не видит это тело.

Вождь был печальным и торжественным одновременно. Он опустил на корточки, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с лицом Максима, и долго, ласково что-то ему говорил. Вдруг он воскликнул, заставив Дениса едва не подавиться веточкой, которой он ковырялся в зубах:

- Берегись ТЬМЫ наступающей, ТЬМЫ с востока и запада, что как рак, сжимающий клешни, хочет нас раздавить.

- Все мои мысли о том, чтобы побережись, а если встречусь лицом к... что там у неё, вместо лица? -

Максим позволил себе улыбку. Вождь не ответил на неё, брови его поползли вверх, что означает то же, как если бы брови у обыкновенного человека поползли вниз. - Попробую хотя бы плюнуть ей в лицо. И да, непременно расспрошу, что она здесь забыла.

- Мы возьмём от тебя череп, всезнающий малыш... Храбрость твоя - храбрость мужчины и бессмертного воина, ты дашь нам свой череп? Он поможет, если вдруг ТЕНЬ придёт сюда. Будешь ли ты проклинать нас, возненавидишь ли ты нас за это? Расскажешь ли человеку горному, который сидит в пещере мироздания книзу головой и мечет вниз камни?

Максим засмеялся.

- Мои черепа сейчас украшают шатры не одного племени, затерялись не в одном тёмном лесу. Я лично знаю одного тёмного правителя, на набалдашнике меча которого красуется мой череп.

Уголки губ старика загнулись книзу. Выглядело это устрашающе, но Денис понял, что он улыбается.

- Тогда, если у тебя будет чесаться голова, не обессудь.

- Чеси её в таком случае почаще, великий вождь, - серьёзно сказал Максим. - Это будут самые заботливые руки, в которые когда-либо попадала моя голова.

С этим они ушли, и сиу, словно странные, потемневшие от времени деревянные истуканы, движущиеся и танцующие в водяной взвеси, так, что хотелось протереть глаза, махали им вслед руками и кричали что-то на своём птичьём языке.

- Непогода будет стоять теперь очень долго, - сказал Максим, набросив на голову капюшон. Сиу подарили им длинные, до пят, плащи из выделанной кожи. Так что когда Денис отбегал в сторону, чтобы рассмотреть необычный камень или ещё какую занятную деталь, и оборачивался на брата, то видел забавную картину: как будто бы сгнивший древесный ствол, коих тут навалено в избытке, ожил и бредёт. Он и сам выглядел для Максима в точности так же.

- Что это за ТЕНЬ, о которой вы говорили? – кричал Денис и долго вглядывался в очередной раз отдалившуюся фигуру брата, ожидая хоть какого-то знака в подтверждение того, что тот его услышал. Может, кивка головы.

Через какое-то время (весьма продолжительное) Максим всё-таки ответил.

- Короста. Она разъедает всё вокруг, не щадя ни деревни, где выращивают кукурузу, ни чудовищ. Она не из этого мира. Я хотел бы понять, откуда она взялась, но... она не даёт ответов. Во всяком случае, не даёт так просто.

- И мы с ней встретимся?

- Возможно.

Максим был сегодня немногословным. Денис сам в такую погоду предпочёл бы держать рот на замке – стоило открыть его, как возникало премерзкое ощущение, что у тебя на языке ползёт с десятков слизняков и столько же улиток – но его буквально распирало от вопросов.

- Лучше бы нам сидеть на одном месте, - сказал Максим. Было слышно, как из него вытекает, словно вода из треснутого стакана, энтузиазм и хорошее настроение.

Денис решил поддакнуть:

- Правильно. Можно поскользнуться на мокрой траве и рухнуть в какой-нибудь овраг. Я тебе не рассказывал, как мы с папой в парке попали под дождь, и я съехал на попе прямо в пруд? Не рассказывал? Тогда я научился плавать.

Но брат не отвечал. Тесёмки на его вещмешке раскачивались, будто усики печального муравья. Денис не представлял, что брат мог там носить. Сам он прекрасно обходился без вещей: не далее, как сегодня утром, зайдя неглубоко в лес, добыл себе туалетную бумагу, вдохновенно рассказав ползущему по своей паутине паучку, что она из себя представляет, и теперь полагал, что всё, что нужно для комфортного путешествия, сумеет извлечь из воздуха, как заправский фокусник.

Путники разговаривали с землёй чавкающими звуками. Спустя какое-то время Денис начал думать, что вот-вот начнёт понимать этот язык. Солнце, похоже, не любило мокрую погоду, не раз и не два мальчишки обращали лицо к небу в надежде поймать хоть лучик света, ведь тогда идти бы сразу стало легче, можно было бы рассказывать друг другу весёлые, ни к чему не обязывающие истории... но нет. Денис изо всех сил старался не впасть в меланхолию. Он снова и снова крутил в голове одну и ту же мысль: "Как бы маме с папой это понравилось... если бы они меня сейчас видели, как бы им это понравилось?" Максим с упорством жука-оленья перебирался через поваленные брёвна, скрипел суставами, как будто маленький деревянный человечек (на самом деле, то скрипели друг об друга древесные стволы).

Они всё так же шли вдоль лесной опушки, не сворачивая в чащу и не смея уходить влево, в поля, где рельеф выпрямлялся, вытягивался в струнку, как бегущая за добычей лиса. Но Денис туда не смотрел. Туман клубился и пенился там, словно подражая морским волнам. Иногда Денис слышал доносящиеся из полей странные звуки; что-то подобное можно было услышать на старом отцовском кассетном магнитофоне, когда волчки давали сбой и вместо плавного вращения принимались бешено, рывками, наматывать на себя ленту, соскочившую с катушки. Тогда шуршание записанных на плёнку человеческих голосов превращалось в звериный вой, или в крики, или чёт знает во что ещё... как будто кто-то пытается докричаться до тебя из смертельной ловушки. Так вот, ЭТИ звуки запросто могли принадлежать одной из отцовских кассет, где под страшную, чарующую музыку разбивались сердца.

Тогда Денис старался держаться ближе к лесу, пусть и тёмному, но зато тихому, и смотрел в небо, где кружили мокрые сороки, с усталым любопытством выглядывая на земле поклёвку.

На привале Максим взглянул на брата чёрными глазами - как будто двумя кофейными чашками, а не глазами вовсе - и сказал:

- Откровенно говоря, я не думал, что мы когда-нибудь встретимся. Это ведь очень далеко для *нормального* человека - добраться до ДРУГОЙ СТОРОНЫ. Сюда не доедешь ни на одном автомобиле. Не долетишь на самолёте. Неважно, сколько ты сделал шагов, даже зная, что ДРУГАЯ СТОРОНА существует, не будучи готовым и... как там взрослые говорят, когда хотят уехать в другую страну?

- Они бегут получать визу, - Денис щёлкнул пальцами. - Это такая бумажка, и её...

- Да, виза - очень правильное слово. Не получив визу на въезд, тебе сюда не добраться.

- Ты болтаешь как взрослый, Макс, - пробурчал Денис, ковыряясь пальцами в земле. Лес дышал на них каким-то кислым, но довольно приятным запахом, и мальчик поворачивал лицо в ту сторону. Казалось что там, под сенью хвойных лап и больших как оладьи дубовых листьев, всё чёрно-белое, как в старинных фильмах. - Скучно!

Максим пожал плечами и ничего не ответил. Денис не вытерпел.

- И... какую же визу получил я?

- Ты же хотел меня найти?

- Хотел...

- Искал меня?

- Везде. Я даже на башню лазал, а ведь она закрыта "до дальнейших распоряжений". Мне попало от отца.

Денис не видел ничего зазорного в том, чтобы немного преувеличить.

Максим уставил на него палец с жёлтым щербатым ногтем.

- Вот твоя виза. Виза ДРУГОЙ СТОРОНЫ выдаётся не по возможностям, как в другие страны, а по желанию. По желаниям, а не по возможностям, и случаются главные и самые великие чудеса в жизни человека.

- Чудеса... как же, - пробурчал Денис, думая о том, что сегодня мама приготовила бы на завтрак, будь он дома.

Нет, на самом деле, это было великим чудом. С этим трудно не согласиться. Если бы, к примеру, Митяй узнал, что ему предлагают величайшее путешествие в жизни, а он, Денис, сейчас больше всего хочет оказаться дома, в родной постели, он бы пришёл сегодня же ночью, влез бы в окно и задушил друга собственными руками, приговаривая что-то вроде: "Таким как ты трусам не место в "Лиге главных героев". Эту лигу когда-то придумали они вместе, вдвоём, для тех, кто готов, если вдруг представится такая возможность, стать главным героем книги или фильма, не раздумывая и не рассуждая.

- Ты не хочешь узнать, как поживают родители? Ведь ты не видел их целую вечность. Почему ты ничего не спросил про отца?

- Я вижу тебя. Моего брата, - Максим пожал плечами. - Следовательно, у них всё нормально. Они смогли распрощаться со своим прошлым и начать жить сначала.

Строгое его лицо его вдруг треснуло, и Денис едва не заплодировал, увидев, наконец, там живое выражение. Это было просто и одновременно прекрасно, как проблеск солнышка среди затянутого облаками неба. Как правило, дети не способны наслаждаться простой красотой, они всё время куда-то бегут (так ему однажды сказала мама). Но сейчас Денис её уловил, и был очень собой доволен.

- Я представлял их жизнь много, много раз. Я знал, что после моего... исчезновения они наверняка решатся завести ещё детей. Ведь они были ещё очень молоды тогда... Если честно, я даже не могу вспомнить сейчас их лиц. Только смутные, размытые образы. Как будто рисунок на песке.

- Что с тобой случилось? Ты потерялся?

Денис протянул руку и взял брата за запястье. Торжественно сказал:

- Я тебе расскажу всё, что знаю! Что помню!

И вдруг понял, что если бы попытался сейчас нарисовать словесной магией лица - "именовать", как называл это Макс, - ничего бы не вышло. В приступе лёгкой паники Денис попытался воскресить в голове лица родителей, но сумел увидеть только непослушную прядь маминых волос, вечно спадающую ей на нос, быстрое движение белой кисти, когда она поднимала руку, чтобы щёлкнуть его по лбу и назвать "Денисом-скворчком". Он видел движение папиных губ, тёмных после обычного вечернего глотка коньяка, видел пепел от сигареты на его пальцах и приятные морщины на лбу, похожие на кору векового дуба - их всегда так хотелось потрогать... Видел белые овалы лиц. По ним проходит рябь, как по воде, но эти разрозненные детали не складывались в единое целое.

В конце концов, Денис успокоил себя ощущениями, которые всплывали в голове при мысли о родителях. Мама суетливая, быстрая, сверкающая, как выпрыгивающая из воды навстречу солнцу рыбка... Папа чуть горьковатый, тёплый, душный, когда прижимаешься к его груди и чувствуешь, как шею щекочет борода.

"И всё же, неужели я тоже начал забывать?" – подумал Денис.

Максим уже угас. Он высвободил свою руку, тонкую, как куриная лапа.

- Не стоит. Пойдём. Лучше не будем терять времени.

- Постой-ка! - в голову Денису вдруг пришла идея. - Ты ведь не знаешь, как я сюда попал, да? Я залез в отцовские записи, которые он хранил в ящике своего старого стола. Не догадываешься, что это значит? Может, он где-нибудь здесь, рядом? Когда он достаёт папку со своими записями из выдвижного ящика и листает их, наверное, он нас видит? Или, может, бродит где-нибудь и зовёт тебя?

Максим смотрел на брата без энтузиазма.

- Я исходил этот мир вдоль и поперёк. В поисках способа вернуться домой разговаривал со всеми, кто мог поделиться хоть толикой новой информации. Я добирался до пустыни на западе, но она, похоже, бесконечна. Где-то там, в трёх днях пути от последнего оазиса, лежат мои кости. Можно гордиться - эти кости, наверное, самые удалённые от обитаемых земель кости, которые можно найти. Пробовал выходить в открытое море, но течение там настолько сильное, что какой бы ветер не наполнял паруса, преодолеть его невозможно. Это течение выносит тебя обратно, откуда приплыл, позорно и задом наперёд... Вот уже несколько лет я не слышал от людей и нелюдей ничего, совсем ничего нового... не считая новостей о ТЕНИ. Но это нечто другое. ТЕНЬ - она не из этого мира. Она... совершенно иная, как будто в молоко ты добавляешь что-то совершенно невкусное, вроде собственных соплей.

Денис скептически выдвинул нижнюю губу. Его до колик пугали эти громкие слова, но в книгах за зловещими предсказаниями и мрачными напутствиями неминуемо, как приход весны, стояла победа добрых сил. Возможно, Максим не помнит ни Алисы в стране чудес, ни Волшебника изумрудного города, но в голове Дениса все эти сюжеты живы, и его прямая обязанность - в нужный момент напомнить о них брату.

Вместе с тем глубоко внутри, почти возле самого Денискиного сердца, зрело знание - скоро, очень скоро им суждено встретиться с этой ТЕНЬЮ.

11.

Не отворачивая голову от тумана и словно поедая его своими глазами, Максим говорил:

- Мы пойдём через земли людей прибывших из-за моря. Когда-то там тоже жили сиу, но их оттеснили прочь с побережья. Теперь там можно встретить разве что конные патрули.

- Кто они? Европейцы?

Денис устало держался за спиной младшего-старшего брата. Он мечтал дать отдых ногам, но Макс был как заводная игрушка.

- Не знаю. Они приплыли из-за моря на больших кораблях, оттуда же, откуда и я. Раньше они звали эти места "Землёй специй", теперь зовут "Золотой землёй", потому что здесь есть золото, которое выходит на юге, в холмах Красного Черепа, прямо на поверхность. Нам стоит избегать патрулей...

они ещё могут спросить меня о корабле. Такая вещь, как одна из самых быстроходных шхун на западном побережье, не может так просто взять и уплыть из чужой памяти. Очень прискорбно.

- А как они доверили тебе корабль?

Небольшой, утыканный колючими кустами, овраг Максим форсировал с невозмутимостью переходящего речку слона. Денис за ним не поспевал; ему приходилось перелезать заборы, шагать в верёвочном парке по качающимся конструкциям, рвать штанины на коленках во время экскурсий в пещеры в Монрепо, но все навыки, подаренные счастливым детством, оказывались бессильны перед обыкновенным кустарником, безродным и бесполезным, зато с железной хваткой.

- Это не очень интересная история, - сказал он не оборачиваясь.

- Расскажи, братец!

- Пожалуй, не стоит...

Вернулся Доминико. Он был не в лучшем настроении: буркнув что-то вместо приветствия, унёсся в поля. Наверное, вода, прошивающая жидкие тела насквозь, нарушала его призрачное душевное равновесие.

- Если не расскажешь, я обижусь, - серьёзно сказал Денис. - Послушай, мы путешествуем вместе, и я должен знать про тебя всё. Если вдруг нас поймают и будут допрашивать в разных помещениях, наш рассказ не должен различаться.

Максим взглянул на брата с сомнением.

- Для чего им это, интересно? Я едва знаком и с третью обитателей этого континента, но кроме меня мою историю может рассказать гораздо больше человек, чем ты думаешь.

- Тем более, - упрямо сказал Денис. - Я тоже хочу уметь её рассказывать.

- Ну ладно, - смягчился Макс. - Слушай. Всё довольно просто и сложно одновременно. Мой отец был капитаном самого быстроходного судна всего центрального океана - "Белой касатки". В молодости он был корсаром, бороздил тихоокеанский бассейн из конца в конец и потопил не один принадлежащий испанской короне корабль. Если бы он знал, что в будущем предстоит встретиться с испанской королевой лицом к лицу, и та придёт в восторг от его храбрости и дерзости, он бы, наверное, старался с удвоенной энергией. Многие из её советников были против, но папаша всегда бил наверняка, он сказал, что готов искупить вину только одним способом - отправиться на новую землю, откуда как раз прибыло три корабля, доверху гружёных драгоценностями. Причём не в составе экспедиции, а сольно, со своей командой: мол, не терпит он, когда вид на горизонт загораживают чьи-то мачты, и нельзя любоваться игрой света и иссиня-зелёного моря там, где кончается одна синь и начинается другая. Многие предлагали вздёрнуть его, как изменника родины, обязательно подальше от центральной площади, потому что простой народ просто обожал бравого капитана. Народ всегда любит тех, кто, во-первых, обаятелен, а во-вторых, раздевает их до нитки, прикрываясь самыми благими намереньями. Но королева, величественная золотая рыбка, тоже попала на удочку этого морского хищника. Она согласилась на все условия и подарила ему лучшее судно во всём флоте. Так папаша и отбыл с обжитой земли, захватив для потехи своего сынишку, то есть, меня. Молва тут же разнесла слух, что моя мать - сама королева, но, конечно же, это не так.

- Постой-ка... То есть, у тебя были папа и мама? *Другие* папа и мама?

- Не настоящие. И то был я, но... как бы тебе объяснить... не-совсем-я. Я говорил тебе, что всё вокруг, большая часть этого мира, большая часть происходящих здесь событий кое-кем уже предрешена. Я *знал* об этой истории, как о произошедшей со мной, и в то же время не принимал в ней участия. Не-совсем-я принял командование кораблём, когда отец на полпути к новой земле скончался от неизвестной болезни. Многие считали, что его отравили, что отцовские ненавистники сумели пристроить на "Касатку" кого-то из своих людей, которые затем подмешали ему в любимое питьё отраву. Отца так любили, что почти единогласно сделали не-совсем-меня капитаном, нашли подходящий ящик, чтобы я доставал до штурвала, и даже помогали, когда это требовалось, его поворачивать, так как эта штукавина, рулевое колесо, на самом деле жуть какая тяжёлая... но это уже был я, когда, оставшись фактически без сильной руки, команда достала все запасы рома из трюма и напилась до розовых соплей. Валялась на палубе, как стая тюленей, в то время как внезапно

разразившийся шторм слизывал их по одному за борт. Это был я, когда пытался повернуть руль на свет маяка, который я же и заметил вдали. Это был я, тот единственный, который выжил. То место... или время? Словом, тот момент, когда не-совсем-я стал собой, я стал называть ТОЧКОЙ ВХОЖДЕНИЯ. Это точка, когда ты понимаешь, что сказка больше не звучит из чьих-то уст, а происходит вокруг тебя, что она на самом деле жестокая, холодная, мокрая, и под неё не хочется засыпать.

Забегая вперёд и заглядывая в глаза брата, Денис видел в них серую бездну. Это не аллегория: в них можно свалиться, если подойти слишком близко. Что там за силуэты виднеются вдали? Силуэты корабля и его бравого капитана, кто находится в рулевой рубке и унизанной перстнями рукой небрежно поворачивает штурвал? Нет, про перстни Денис нафантазировал, он просто не мог видеть таких подробностей. Но вот прежняя "Касатка" исчезла вдали и появилась другая, дрейфующая со спущенными парусами по морским течениям. Капитана больше не было, вместо него к бортику привалился истощённый человек, извергающий в пучину последние крохи обеда. Этот силуэт был куда ближе предыдущего. Максим рассказывал историю как нечто, что передавалось из уст в уста, однако в самом конце его глаза вдруг полыхнули.

Они остановились передохнуть, встретив несколько шершавых, удивительно похожих друг на друга, камней. Максим сказал, что это окаменевшие лягушки, но Денису было сейчас не до чудес и здешней фауны: его занимали вещи куда серьёзнее.

Малыш сказал, пытаясь угадать взглядом линию горизонта:

- Западные земли населяют подданные испанской и британской короны. Вряд ли они знают меня в лицо, но предание о "Касатке" всегда свежо в их устах.

- Но ты же был ребёнком...

- Я и сейчас им остаюсь. И это вторая причина, по которой стоит держаться подальше от испанских поселений. Они думают, что я - демон, призрак, что в моей голове гнездятся вороны, которые давно уже выклевали мой прогнивший мозг...

Денис поёжился.

- Мы же не собираемся заглядывать к ним в гости?

Братец покачал головой.

- Нам придётся идти через подконтрольные той или иной короне территории. Соваться в чёрный лес? Там нет троп. И ни один топор, ни одно мачете не совладеет с местной растительностью. Единственный способ создать в чёрном лесу подобие тропы - это валить в нужную тебе сторону, одно за другим, деревья, некоторые из которых достигают иногда высоты в семь десятков метров. Чтобы срубить одно такое, уйдёт целая вечность, а когда ты пропилишь достаточно глубоко, это дерево просто распахнёт рот и проглотит тебя вместе с пилой и топором. Идти в обход, через прерии? Там чаще всего видели ТЬМУ, и, кроме того, у меня дурное предчувствие относительно этих прерий. Они были безопасны, когда я начинал своё путешествие, но мир меняется.

Пока Максим говорил, Денис, усевшись на один из валунов, пытался дать отдых гудящим ногам.

- Придётся рисковать, - продолжал Максим. - В конце концов, люди из-за моря могут просто-напросто испугаться наставить на меня оружие. Дурная слава иногда важнее крепкого, вооружённого до зубов отряда лояльных тебе людей... однако слава, независимо от того дурная она или добрая, распространяется здесь с затруднениями.

Денис не совсем понял, что имел в виду Максим. Несмотря на страсть как пугающую его перспективу красться как мышь через весь перенаселённый кошками дом Старой Тряпошницы, тётки, что обитала через квартал от их дома в Выборге, он улыбнулся.

- С тобой бы Бурчал не согласился.

- Кто это? - без интереса спросил Максим.

- Это из одной книжки про говорящих зверей. Их там унесло потоком во время паводка, и они долго-долго возвращались домой, в родную долину. Сначала по катакомбам старого города, потом через Лавинную гору... и эти звери - бобёр Бурчал, лис, крыса, куница, старый карась, которого таскали в

стеклянной банке, - сначала цапались и старались друг от друга избавиться, но потом решили объединить усилия. Только так они и добрались до своей долины.

- Твой Бурчал - всего лишь герой нравоучительной книжки, - сказал Максим. - Раз за разом умирая здесь, на ДРУГОЙ СТОРОНЕ, думаю что я усвоил кое-какие уроки. Бесценные уроки, один из которых гласит: чем ты меньше, чем ты круглее и легче соприкасаешься с окружающим миром и людьми его населяющими... касаешься их не сильнее чем залётный ветерок, который едва может поднять прядь волос... тем меньше придётся наслаждаться полётом верхом на карусели мертвецов.

Денис хотел возразить. Он напряг свои мозги так, что трещало в затылке. Что это за зверинец? Из какой-такой ракушки он выполз, марширующий к высокой своей цели? Денис силился вспомнить обложку, и не мог, хотя обложки он запоминал куда лучше, чем автора. Может, эту книгу ему читала мама? Может, рассказывал кто-то из приятелей? Но вот в чём проблема: у Дениса, запойного книголюба, в приятелях таких не водилось. Там водился Митяй, который... впрочем, сами понимаете. Митяй - не наш случай. "Наверное, книжка была настолько неинтересной, что я постарался поскорее её забыть", - решил Денис, хотя толикой разума он понимал, что это не так. Неинтересную книжку он не стал бы дочитывать до конца. Поразмыслив так, Денис не стал отвечать Максиму.

- Пора идти, - сказал Максим, наблюдая, как Доминико носится в полях, пытаясь шевельнуть хотя бы одну травинку, вспугнуть хоть одного зайца. До ребят доносились его заунывные, но в то же время полные достоинства вопли, которые не имели никакого влияния на дикую природу. - Мы и так засиделись. У меня задница скоро примёрзнет к этому камню.

Денис чувствовал себя точно так же.

Нудная морось и не думала переставать.

12.

После встречи с первыми местными обитателями, за слегка пугающей экстравагантностью которых крылось настоящее сопереживание судьбе обожаемого братца, Денис жаждал новых знакомств, но до полудня ничегошеньки не происходило. Да и после полудня тоже. Наблюдать, как взлетают птицы, быстро наскучило, хотя это и было довольно занятно. Вот сидит пичуга с серой грудкой, чёрным хвостом, острым, как индейская стрела, клювом и внимательными глазами-точками; а вспугнув её, ты видишь как, взмахнув крыльями, птаха превращается в быстрый росчерк карандаша по заштрихованному небу. И вот уже высоко вверху маячит галочка-«птичка», условность, приобретающая в этом мире выразительность и глубокое содержание.

Проголодавшись, Денис решил заколдовать себе еду. Дождавшись порыва ветра, он распахнул плащ, чтобы выглядеть волшебником, и сказал: "Пончик!". Потом сказал: "Пончик в моей руке, круглый, пышный, с кондитерской посыпкой и дыркой посередине", и искательно протянул руки.

В них что-то упало.

Вот это да! Как здесь, оказывается, легко колдовать! Денис был в восторге. Он мог бы прямо сейчас заколдовать хоть гору сладостей, любую игрушку, о которой мечтал всё детство, новый джойстик для приставки, конструктор...

Восторг Дениса пошёл на убыль, когда он увидел, что пончик представляет собой что-то плоское и грубо размалёванное. Он никак не ожидал, что столь любимая кондитерская посыпка окажется просто-напросто *нарисованной*.

- Нет-нет-нет, - сказал Денис. - Я же совсем не этого хотел!

Потом всё-таки попробовал.

Как настоящий гном-путешественник, пожалевший ноги своего пони и оставивший его в тёплом загоне, полном душистого сена, Максим семенил впереди с потрясающей скоростью, а потом, отбежав на порядочное расстояние, останавливался и поджидал своего неторопливого спутника.

- Что ты такое жуёшь?

- Картонку, - пробурчал Денис.

- Я тоже только ими и питался первый год, - сказал Максим, неожиданно тепло улыбнувшись, - посыпь землёй, да нарви какой-нибудь травки – вот, например, этой. Будет сытнее.

- Но почему? – Денис не мог сдержать негодования. – Твоя магия сломалась! Ты говорил, что всё здесь откуда-то берётся,

- Ничего она не сломалась. Просто она достаточно упрямая. Мир не любит меняться, он всегда стремится вернуться к исходной точке. И если ты прилагаешь мало усилий, ты ни за что его не сдвинешь. Он, конечно, выполнит твоё желание, но постарается отделаться куском размалёванной бумаги.

- Так как же мне съесть пончик?

- Ты должен захотеть его больше всего на свете. Твоё желание должно опрокинуть ДРУГУЮ СТОРОНУ с ног на голову. Тогда она даст тебе столько пончиков, сколько захочешь. Однажды, заблудившись в Пещерах Кривого Гнутого Рога (есть здесь и такие), я что было силы возжелал овсяной каши. Тогда я не ел почти двое суток. Видишь ли, я с малых ногтей терпеть не могу кашу в любом виде, и ты знаешь нашу маму: она убеждена, что без порции каши хотя бы раз в два дня, у ребёнка выпадут все зубы, а желудок скукожится, как рыбий пузырь.

- Да! Да! – подтвердил Денис с восторгом.

- Я умирал и не мог думать ни о чём, кроме каши. И вот тогда она вдруг появилась. Полилась с потолка, как водопад. Я захлебнулся и утонул, и с тех пор ненавижу кашу ещё больше. Как видишь, ничего хорошего из того, что ДРУГАЯ СТОРОНА дала мне изменить себя, не вышло. Так что я привык довольствоваться тем, что даёт она, и использовать магию слов как можно меньше.

Денис собирался спросить что-то ещё, когда Макс вдруг схватил его за руку. Денис послушно замер, медленно водя глазами по окрестностям. Что могло насторожить брата? Вот эта грязная, мокрая, похожая на потухший вулкан куча?

- Это же просто муравейник... - сказал Денис, и запнулся, вспомнив наставления (слегка поспешные; вряд ли в том состоянии он готов был воспринимать какие-то уроки), которые он получил, впервые дыша воздухом ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

- Это муравейник ТЕНИ, - шёпотом сказал Максим. – Сиу называют это «корь» и «порча», но как по мне, ТЕНЬ - самое правильное название. Мало кто говорит здесь о её существовании, но они знают, хотя и не рассказывают мне всего.

Его глаза вдруг расширились и стали круглыми, как у совы. Будто их обвели несколько раз карандашом, да ещё с нажимом.

Денис не видел муравьёв; он вытягивал шею как мог, но сумел рассмотреть разве что мельтешение там, в глубине, как будто с высоты небоскрёба смотришь на главную городскую площадь. Из вершины муравейника, будто от фитилька потухшей свечи, поднимался сизый туман, который, казалось, был отлит из свинца: стрелы ветра отскакивали от него, не причиняя ни малейшего вреда.

Денис подобрал с земли камень, чтобы расколоть им земляную пирамиду и посмотреть на древних египтян лесного мира, но рука брата сжалась вокруг запястья сильнее. Тогда Денис сказал:

- Здравствуйте, господин муравейник! Как поживаете?

Ни ответа, ни шороха. Не то, чтобы Денис на него надеялся, просто со слов Доминико он знал, с каким уважением сиу относятся ко всему живому, пусть взгляды у них немного собственнические. Перед тем, как подстрелить, к примеру, оленя, они обязательно выражают ему своё почтение ("Что английскому лорду", как сказал бы Митяй), выясняют, сильно ли они отвлекут, если полакомятся его мясом сегодня за ужином.

"А что же, - спросил тогда Денис. – Он стоит и кивает?"

С непонятной, как всегда, миной на лице (и, как всегда, вряд ли она была благожелательной) Доминико сказал:

- Сиу очень уважают то, что они едят. Их женщины валяют шерсть этого оленя – именно этого оленя, никакого другого - и вышивают на полотне. Их мужчины рисуют его изображение красками на камнях. Их шаманы вырезают его из его же костей. Этот олень получает множество жизней вместо одной. Поэтому да, олень просто стоит и выслушивает восхваления. Это ведь очень гордый зверь,

настоящий лесной кит, и чтобы прельстить его и уговорить быть сегодня едой племени, требуется время.

Не далее как несколько часов назад Максим вежливо поблагодарил окаменелых жаб за предоставленную возможность приклонить к их макушкам задницы. Так и выразился: "Наши пятые точки к вашим царственным головам".

Так что Денис мало-помалу начинал понимать, как здесь всё работает.

Однако муравейник безмолвствовал. Конечно, лягушки-истуканы тоже безмолвствовали, но совсем по-другому. Они безмолвствовали *приглашающе*, муравейник же был тих, как могильная плита с только что выбитой на ней надписью. Однажды, когда Денис был ещё совсем маленьким, они с родителями ездили на похороны дедушки. Дедушку он совсем не помнил, зато в память врезалась эта надпись незнакомыми пока закорючками (читать он тогда ещё не научился). Эти закорючки пытались говорить с малышом на языке движения элементарных частиц, а он только и мог, что пугаться и цепляться за воротник маминой рубашки.

Из Дениса сыпались вопросы, но Максим не отвечал. Будто сапёр, пересекающий минное поле, он обошёл земляную кучу по широкой дуге, двинулся дальше, угрюмый, как будто выточенный из куска старого сырого дерева. Денис догнал его и взял за руку. Ладонь брата была холодной и тяжёлой как камень.

За первым муравейником последовал второй, затем третий. Дурные предчувствия и большие тонконогие травоядные комары носились над головами.

- Я уже пробовал добраться до ЗОВУЩЕГО СВЕТА, - сказал Максим. - Каждый раз всё заканчивалось одинаково.

Денис округлил глаза.

- Как заканчивалось?

- Не слишком хорошо, - щека малыша дёрнулась. Он поправил очки. - Как будто что-то не пускает... что-то не хочет, чтобы я там оказался. Оставалось только бродить кругами.

Немного погодя он прибавил:

- Это я позвал тебя к себе. Я подумал, что вдвоём нам будет проще туда добраться. Прости, что вырвал тебя из твоего уютного мира, но без твоей помощи у меня ничего не получалось.

Денис почувствовал, как по тыльной стороне рук бегут назойливые мурашки.

- Я и сам... если б только точно знал, что у меня есть брат, я искал бы тебя, пока не свалился в какую-нибудь... дырку от бублика, которая привела бы меня сюда.

Максим смотрел в землю. Черты лица его вдруг истончились – так, как если бы его нарисовали карандашом для чертежей, тем, что постоянно лежал у папы на столе (2Т или как он там называется?). Сложно было различить в них сейчас хоть какую-то эмоцию.

- Мы дойдём до этого маяка, братец, - попытался уверить его Денис.

Муравейники закончились; оглядываясь назад, Денис видел на фоне серого пейзажа их очертания. Они казались залысинами гоблинов из финских преданий. Из леса будто бы кто-то смотрел, туда Дениса совсем не тянуло. В поля уходить по-прежнему не хотел Макс. Он считал, что двигаться вдоль кромки леса безопаснее. Доминико хмурился: "Это всё равно, что оказаться меж зубов спящей акулы и топтать по её языку".

Тем не менее, они шли.

Призрака что-то беспокоило - он метался, то уносясь вперёд, то возвращаясь. Когда картонное лицо замаячило перед детьми в очередной раз, Денис понял, что старику есть что сказать.

- Докладывай, впередсмотрящий, - приказал Макс, заложив большие пальцы за пояс.

- Впереди работа для твоего героического клинка, малыш, - сказал Доминико.

- У тебя есть клинок? – воскликнул Денис. Он подумал, что неплохо было бы занять оружие и себе, но быстро остыл, вспомнив свои эксперименты с едой. Размахивать картонным мечом даже менее приятно, чем жевать картонный пончик.

- Покосившись на Дениса, Доминико сказал:

- Полчища лиходеев английских, да их чудовищ восьмилапых с костяными гребнями и крабьими клешнями жаждут нашей крови. Ну, то есть вашей. Моей-то чего жаждать? У меня её даже нет. Если бы Денис был постарше, он бы схватился за сердце. Сейчас ему захотелось схватиться за другое место – мочевого пузыря наполнился, казалось, за доли секунды. Однако Макс остался поразительно спокоен.

- Пустота?

- Она самая.

- Зачем бояться пустоты? – спросил Денис.

Ему никто не ответил. Впрочем, через несколько минут всё стало ясно.

Пустота простиралась далеко вперёд. Исчезал лес (просто обрывался, как будто от него, как от пирога, отъели кусок), исчезали поля, в прозрачном, без следа облачка или дымки, воздухе не чертил свои линии даже ветер. Не было дождя: несмотря на то, что Денис по-прежнему чувствовал, как по макушке стучат мелкие капли, над пропастью он просто исчезал. Куст с чёрной смородиной, который ближе всего отважился подобраться к *краю*, качал ветками над бездной. Нельзя сказать, чтобы при взгляде туда захватывало дух. Всё выглядело так, будто смотришь на чистый лист бумаги, такой скучный, что хочется сложить из него самолётик.

Далеко впереди виднелся другой, если можно было его так назвать, берег, начинался он так же внезапно, как обрывался этот.

- Что там такое?

- Разве ты не видишь? - спросил Доминико. - Большая концентрация *ничего* в одном месте. Сиу называют такие места *ничегошеньки* и просто стараются держаться от них подальше. Никто не знает, откуда они взялись, и что за улитка проползла здесь в незапамятные времена, но, так или иначе, *ничегошеньки* тут нет.

- Значит, мы просто обойдём его и пойдём дальше? - спросил Денис, гадая, зачем в таком случае Максиму меч.

Но во взгляде малыша полыхал азарт.

- Не-а. Мы пройдем насквозь.

Он сбросил на землю вещевой мешок, порылся там и вытащил короткий жезл, шестигранный, из гладкого блестящего дерева.

- Что это? - подался вперёд Денис. - Волшебная палочка?

Он отчаянно желал в это верить, но первое впечатление обмануло - это оказался обыкновенный карандаш. В руках Максима стержень его хищно целился в пустоту. Мальчик сжимал карандаш в кулаке, как держат пишущие принадлежности дети.

- *Именоват*ь мне не нравится так, как рисовать, - сказал он. - Когда-то я только и делал, что пытался изменить ДРУГУЮ СТОРОНУ при помощи магии слов... что-то получалось, что-то нет. Но я давно уже охладел к этому занятию. А вот рисовать по-прежнему люблю! Как же хорошо, когда для этого находится чистый лист.

Он взмахнул карандашом, и Денис получил возможность созерцать на полотне карандашный росчерк. Он уходил вдаль, в пространство, как след от реактивного самолёта. За этой пробой пера последовали другие, более точные, преследующие определённые цели. Спустя несколько минут Денис понял, что Максим, даже не надев каски, возводит мост.

Скоро они были на другой стороне, возбуждённые, отряхивающиеся от *пустоты*, как собаки после купания. Переход через *ничегошеньки* был самым странным переживанием Дениса. Едва ступив на мост, мальчик перестал существовать, и появился вновь, когда Максим нарисовал его, Дениса, заново. Себя он нарисовал ещё раньше (Денис наблюдал этот процесс с открытым ртом). Заноса ногу над свеженарисованным мостом, Максим вновь пустил в ход карандаш, изобразив вместо исчезнувшей конечности новую, нелепую ножку-палочку.

- Всё это недолговечно, - сказал он. – Пустота, как ни странно, агрессивная среда. Карандаш держится на ней чуть дольше, чем следы от палочки на воде. Даже старожилы этого мира не знают,

для чего она предназначена и какие корабли нужны, чтобы по ней плавать, но лужи её встречаешь то тут, то там.

- Похоже на выход в космос, - вслух подумал Денис. Макс больше ничего не говорил – он погрузился в *ничто*, как заправский ныряльщик.

- Повернись! – со смехом закричал Денис, но Доминико сказал:

- Он тебя не слышит, малёк. Звуки не проходят через пустоту, они стекают по её стенкам. Как если бы ты запустил в каменную стену яйцом.

- Пускай он повернётся.

Призрак сделал вид, что собирается похлопать Дениса по голове. В голосе его звучало снисхождение.

- И часто ты просишь у нарисованного человечка, стоящего к тебе спиной, повернуться?

Но Максим будто бы услышал: он пририсовал себе на затылке рожицу, тем самым повернувшись к друзьям лицом. Наверное, всё-таки существовала между братьями какая-то связь, которая позволяла одному слышать голос другого через большие расстояния или, как сейчас, через *ничто*. От этой мысли Денис буквально засветился изнутри. Как же хорошо, когда у тебя есть брат!

Теперь была очередь призрака преодолевать невидимую границу. Он издал вопль, наполовину радостный, наполовину воинственный, и ринулся вперёд, прямо в руки Максима. Они не бездействовали. Максим был прирождённым художником: даже на глуповатой рожице, по сути представляющей из себя овал с кривой палочкой рта, разными по размеру глазами (без очков) и штрихом-чёлкой, мистическим образом можно было разглядеть энтузиазм. Карандаш был настоящей волшебной палочкой, раз мог за доли секунды сотворить пусть нехитрый, но всё же рисунок. На плече составленного из палочек человечка появилась кошка, и в мгновение, когда призрак исчез, она шевельнула хвостом. Потом спрыгнула человечку на сгиб локтя левой руки, так, чтобы удобно было её рисовать. Максим добавил несколько занятных деталей: кисточки на ушах, полоски на спине, даже выданный из хвоста клочок шерсти, отчего кошка стала выглядеть будто живая – уж точно живее своего хозяина.

У Максима, наверное, были причины так стараться для Доминико.

Спустя какое-то время Денис понял, что все ждут только его. Было жутковато думать, тело (пусть не его, но уже почти родное), полное острых углов, воспевающее содранную кожу и болячки, корка с которых не сходит никогда, и вечную борьбу коренных зубов с молочными - исчезнет, оставив вместо себя рисунок. "Что же тогда есть я, если не эти плечи и эта голова на этих плечах?" - вдруг подумал Денис. Почему-то прежде в голову ему такое не приходило, хотя не далее как позавчера он уже был чем-то... чем-то более чем ничем.

Странно, но сейчас Денис не мог заставить себя сдвинуться с места. Этот вопрос, заданный самому себе, всё испортил. Эх, как бы Денис хотел его поймать и выдернуть из его хвоста все перья! Может тогда, с одним таким пером, к нему бы пришёл ответ? Чем ты становишься, когда исчезаешь? Таким же, как Доминико? Но если так, почему он не придумает себе что-нибудь из плоти и крови, чтобы, коль он так хочет, и задыхаться от быстрого бега, и ставить себе ссадины?..

Денис понял, что он готов пропасть на месте, лишь бы не исчезать. Сейчас он сядет, вцепится пальцами в траву и будет сидеть, пока под ним не вырастет гора, пока в ней не распахнутся пещеры и не втянут в себя, как губы молоко, эту пустоту.

Максим не стал ждать такого исхода. Он решил проблему радикально - нарисовал огромный топор, которым ловко вырубил под Денисом порядочный кусок земли. И мальчик свалился в объятия пустоты.

13.

К тому времени как Денис сделал первую попытку собрать себя в кучу, он обнаружил, что более чем наполовину уже нарисован. Такие же палочки-ножки, как у брата, тело, похожее на ссохшийся лимон, и всего одна рука, нелепо торчащая из груди. И ещё - не было рта, хотя Денис посчитал эту

предосторожность чрезмерной: всё равно болтать здесь не получится. У Максима явно не хватало на всё времени. Зато Доминико, восседая на плечах малыша, щеголял почти-настоящей шерстью. Он выгнул спину, призывая поторопиться.

"НАМ ЛУТШЕ Не заДЕРЖИВАТЬСЯ. МОСТ ТАИТ" - написал Макс корявыми заглавными буквами прямо в воздухе. Подумал и, прежде чем ринуться вперёд, взял одну из букв Т, больше всего похожих на багор.

Этот багор им пригодился в одном месте, где мост от каких-то внутренних напряжений треснул ровно посередине. Макс, улыбаясь глуповатой улыбкой на затылке, поймал детищем алфавита другой конец моста и подтянул его так, что они смогли перейти.

Спустя какое-то время дети снова облачились в свои тела. Теперь Денис не видел в этом ничего странного - всё равно, что влезть в майку, висящую со вчерашнего дня на стуле. За их спинами разрушался карандашный мост. Части его парили в пустоте, медленно, но верно истаявая.

Денис посмотрел на Доминико и сказал:

- Ты мог бы просто облететь кругом.

Лицо того сломалось, будто его сжала невидимая рука. Чуть поколебавшись, он признался:

- В мире для меня и так не много осталось переживаний. Путешествие через *ничегошеньки* – один из способов доказать себе, что я всё ещё существую.

- По-моему, уметь летать – это здорово.

Доминико посмотрел на мальчика и отвернулся. Но потом всё-таки сказал:

- Здорово, если ты умеешь дышать и можешь задохнуться от восторга.

До темноты ещё оставалось время, они потратили его, задумчиво уминая ногами землю. Чаща всё так же тянулась по правую руку, под весом откормленных птиц, что прилетали с полей, она трещала, как рождественская шутиха. Отужинали припасами, которыми с ними поделились сиу. Там было сушёное мясо благодарных оленей, какие-то бобы в капустных листьях, и всё это, к радости Дениса, почти не напоминало картон.

Как было бы прекрасно грохнуться после такого ужина в настоящую постельку, желательно под надёжной крышей и рядом с обогревателем! Денис печально смотрел на запад, где за тучами не было видно даже краешка заходящего солнца. Казалось, там, прямо в воздухе, плавают рыбы, и диковинные морские чудовища разворачивают свои бесконечные шеи.

- Мы будем спать прямо здесь? - поинтересовался он у Максима. - А нельзя ли... нарисовать нам какой-нибудь домик?

- Слишком влажно, - невозмутимо ответил тот, - Грифель размокнет и будет крошиться.

- Я умею спать стоя, - похвастался Доминико. Дождевые капли сочились сквозь него, как сквозь очень, **ОЧЕНЬ** пористую губку. Призрак напоминал грустного клоуна, все шутки которого касаются собственной горемычной жизни.

Максим увидел, как поползли вниз уголки губ братца и, сняв очки, расхохотался. Глаза его блестели.

- Не волнуйся, братишка. Тебе понравится. Спать на природе - любимейшее из моих занятий. Смотри.

И он, наклонившись и пошарив в траве, среди папоротников, откинул землю, как одеяло. Там, внутри, оно было стёганое, прошитое корнями кустарников и, кажется, непромокаемое. Денис пришёл в сильнейшее возбуждение.

- Я теперь не смогу заснуть, - сказал мальчик, но, забравшись в импровизированную постель, почувствовав, как над головой шелестят листья и качают побегими папоротники, словно подвешенными над кроватку младенца бубенцами, уснул почти мгновенно.

Во сне он без багажа отправился за край света - играть в салочки с чудовищами из подкорки сознания и водить машину, как взрослый. Но поскольку Денис и так находился за краем света, ему быстро стало скучно. И тогда он, перешагнув через закат, вдруг оказался на крыльце собственного дома. Махнул рукой новым соседям (на самом деле не было никаких новых соседей, а во сне Денис не стал их разглядывать; он, в конце концов, здесь чтобы повидать маму и папу) и поспешил внутрь.

Все сидели за столом, не за обеденным, а за другим, круглым, в гостиной, и играли в какую-то хитрую настольную игру. Была мамина очередь делать ход. Папа расположился в кресле, уткнувшись в книгу, которую устроил на подлокотнике: у него была очень удобная позиция, чтобы дотянуться до стола, когда будет его очередь ходить. У Дениса возникло чувство, что что-то не так. Дело даже не в том, что родители строят какую-то невероятную конструкцию из разноцветных, разных по размеру блоков (настольными играми они никогда не увлекались), а в том, что народу за столом была просто уйма. "И это всё - моя семья?" - поразился Денис, и тут же понял, что на самом деле за столом всего лишь на одного человека больше, чем должно быть. "Максим! Мама! Папа!", - весело закричал Денис, махнул всем рукой и хотел подойти, чтобы хлопнуть брата по плечу.

Но никто не ответил. Денис стал кричать громче, но потом запоздало увидел, что из прихожей до круглого столика – словно до противоположного берега Выборгского залива – километры и километры красно-коричневого ворсистого моря, в которое превратился ковёр. Даже если бы у них был бинокль... даже если бы был - вряд ли они бы его разглядели. Денис, охрипнув от крика, замолк и просто стал наблюдать.

Он впервые видел Макса в естественных условиях, в обыденном мире, и теперь, как бы ни был рад его присутствию в доме, не хотел спугнуть. Словно за диким лосем, которого удалось увидеть во время рядовой прогулки по окультуренному лесу, Денис устроил за ним настоящее наблюдение, обложившись подушками и раздобыв себе на кухне стакан сока.

Он был очень важным, этот малыш, и вместе с тем комичным. С открытым ртом Денис наблюдал, как тянется вверх конструкция из блоков, которые по размерам становились всё больше и больше, как вопреки законам физики она нарастает вбок, становится похожей на исполинскую букву "Г". Денис с испугом подумал, что если это сооружение рухнет, придётся вызывать МЧС, чтобы достать из-под завалов родителей и брата. Его страх становился всё сильнее, пока из лёгкого беспокойства не перерос в настоящую панику. Мама всё думала, куда пристроить весёленький фиолетовый брусок, папа всё так же читал в ожидании своего хода (вместе с тем башня прирастала как будто бы сама), малыш всё так же стрелял глазами из-за бликующих стёкол очков. Тень от сооружения, что изначально занимала только стол, теперь расплзлась, будто разлитое молоко - очень много разлитого молока - по всей комнате.

Потом Денис вдруг почувствовал, что за его спиной кто-то стоит. Он боялся дышать, чтобы не создавать лишнее движение воздуха и не влиять на мистические силы, царящие в комнате, но тут громко всхлипнул и обернулся. Ничего не мог с собой поделать. Сзади стояла девочка...

Тут Денис проснулся.

Добрых несколько минут мальчик пытался сообразить, где находится. "Что-то меня разбудило, - подумал он сперва, - как в книжках или фильмах-ужастиках". Но позже успокоился: он проснулся для того, чтобы облегчить мочевой пузырь. Выбираться из-под папоротниковых листьев, из-под всех этих заботливых зарослей, слежавшихся в тёплое одеяло, не больно-то хотелось, но Денис сделал над собой усилие. В голове крутилась занятная мыслишка: если он извернётся и облегчится прямо там, ничего плохого не случится - весь их спальный мешок всё равно не более и не менее чем просто земля! Может, в ответ, если к утру похолодает, она даже отрастит ему подкладку из свежей травы! Но Денис гордо решил, что он здесь, возможно, единственный оставшийся оплот цивилизации, и просто не имеет права от неё отказываться. Сейчас он встанет, найдёт какой-нибудь кустик и помочится там. Даже если чтобы выползти из-под земляного одеяла под дождь потребуется недюжинное мужество. В конце концов он же не дождевой червь!

Денис выбрался наружу, посмотрел в небо, посмотрел на землю и в сторону леса. Мир, огромный мотылёк, будто сплёл вокруг него огромный кокон. Доминико слился с пейзажем, стал одной из неясных, неподвижных теней, которая с одинаковым успехом могла оказаться как земляным откосом, так и застывшим, в испуге глаза на вылезшего из-под земли человека, диким животным; а может, улетел куда-нибудь пугать ворон. Накрапывало, хотя уже не так сильно. ЗОВУЩЕГО СВЕТА не было видно, Максим сказал, между ними и маяком сейчас лес. Денис подумал, что если забраться по какому-нибудь скользкому стволу, то, возможно, и заметил бы искорку в ночи.

Он сделал своё дело и только потом подумал, как бы не наступить на брата. Это же какая штука - наступишь и не заметишь! Идеальная маскировка. Нагнулся пониже, выглядывая тусклый блеск очков, которые Макс, уж конечно, не взял с собой в кровать. Потом обернулся, чтобы поискать за спиной.

Вот же они, под лопухом! Рядом с небольшим холмиком.

А это... что это?

Там, впереди, до самого горизонта простиралось огромное поле, удивительно светлое в сравнении со всем остальным. Казалось, под ним, как под белым маминым торшером, светится некий потаённый свет. Высокая спутанная трава словно просила расчёски. Но Денису была не интересна трава, он разглядывал высокую женскую фигуру, движущуюся в низине. Перед собой она толкала коляску. Колёса вращались гипнотически плавно, несмотря на расстояние, можно сосчитать количество спиц. Денис застыл, как кролик при виде собаки, перестав даже дышать.

Вокруг женской фигуры стелился туман. Он напоминал живое существо, такое гибкое, что невозможно было даже сосчитать, сколько у него лап. Вот он скользит меж осей коляски, вот заползает в рот женщине и лентой свивается вокруг её широкополой шляпы. Фигуру незнакомки подчёркивает чёрное платье, на ногах... что на ногах Денис не видел. Он мечтал теперь только об одном - поскорее забраться обратно под землю или хотя бы как-нибудь незаметно вытянуть ногу и достать холмик, под которым спит брат, чтобы он проснулся и тоже увидел *это*.

В долине царил ватная тишина. Оттуда ничем не пахло. Ветер, кроткий, послушный пёс, улёгся у ног этой женщины. Комары, что пели свою тихую колыбельную над ухом всю ночь, затаились. Денис не мог разглядеть в деталях её лица, но прекрасно видел профиль: точёный нос, подбородок, похожий на неправильной формы кубик льда, губы... казалось, у неё, как у чего-то, что могло бы выйти из-под Денискиного карандаша, мог быть только профиль и ничего кроме профиля.

В горле бессильно хлюпало. Денис позволил себе слегка ослабить натяжение специальных тросиков, отвечающих за мышцы в ногах, и мягко осесть на землю.

Денис молился, чтобы женщина не повернула голову в его сторону.

Он, загипнотизированный, долго бы, наверное, сидел так, не в состоянии сделать хоть какое-то дальнейшее движение, если бы, как спасение, как счастливый финал в мрачной книжке или неожиданно подоспевшая подмога в тяжёлом фильме, не настал рассвет. Нельзя сказать, что Денис его ждал. Он напрочь забыл, что существует на свете такая штука, как рассвет. И когда небо на востоке внезапно порозовело, будто доходяга-маляр разлил краску из своего ведра, когда тёмная фигура с коляской вдруг растворилась среди неподвижных, как колья, трав, забрав с собой туманную фату, Денис уткнулся носом в цветок кашки (который из серого превратился в сочно-фиолетовый) и дал волю накопившемуся напряжению.

В мир возвращались по-осеннему жухлые, но такие родные краски. Тучи, толпясь и ругаясь, уползали к горизонту на запад.

Денис не знал, сколько времени он провёл в позе сломанного экскаватора, и, наверное, не сразу почувствовал прикосновение к плечу. Только когда оно стало более настойчивым, поднял голову.

- Клянись морскими гадами, - сказал Доминико на выдохе (или том, что ему этот выдох заменяло). - Да он выглядит похуже меня!

Максим, собирающий коленями с травы дождевые капли, склонился над Денисом и спросил:

- Тебе приснился плохой сон?

- Да не сон это был, - пробурчал Денис, чувствуя на губах земляной вкус. - Она была настоящей.

- Кто?

- Женщина. Вон там, в поле. Толкала перед собой коляску. Я не сумасшедший, это и правда была тётенька с коляской и в шляпе посреди твоей сказочной страны.

Денис посмотрел вверх, на лица спутников, которые устали друг на друга, и подумал, что сейчас самое время для какой-нибудь торжественной и мрачной музыки... музыки, полной предчувствий и сокровенных тайн, и действительно услышал, как зазвенела она в чистом воздухе, сталкиваясь с удаляющимися тучами и порождая грозное грозовое эхо.

Максим пальцем прочистил ухо.

- Так. Ну-ка, расскажи подробно.

Денис рассказал. Когда он упомянул про туман, Максим попытался схватить за руку единственного взрослого, который был рядом – старого смотрителя маяка, и, конечно, не больно-то в этом преуспел, а сам Доминико стал похож на сильно размокший кусок картона.

- Это она, - сказали они хором, как будто пытаясь в чём-то убедить Дениса. – ТЕНЬ. Короста. Падь. Теперь ты видел...

- Ох, и жуткая штука, - сказал Денис.

Он глядел на Максима и никак не мог понять, что с тем происходит. На братишке просто не было лица. Кажется, он готов был, достав свой волшебный карандаш, нарисовать вокруг себя огромную маму и вновь переместиться к ней в утробу.

- Она бродит по полям... и что? - спросил Денис, желая и одновременно боясь узнать правду.

Но страхам, похоже, не было логичного объяснения. Только слухи цвета болотной ряски, которые многие дети принимают за чистую монету. Многие дети... но неужто Макс ещё ребёнок?

Доминико сказал:

- Сиу рассказывали сказки о странной женщине с маленькой чёрной повозкой. Якобы, она везёт какое-то старинное сокровище, принадлежащее ранее племени Золотых Кукурузных Зёрен. Бытуют легенды, будто они сумели возжечь самый жаркий на свете огонь и переплавить всё своё золото в один огромный слиток, невероятно тяжёлый, такой, что его волокли сразу три вола. Потом всех их не то истребили конкистадоры, не то скосила какая-то неизвестная зараза, не то пожрали твари, которые иногда прилетают из-за моря и набрасываются на людей, как рой голодных комаров. Так или иначе, сокровище затерялось среди костей. Эта женщина нашла его и погрузила к себе в повозку. Встреча с ней означает неминуемую смерть...

Доминико бросил взгляд на Максима и тихо закончил:

- Не ту смерть, о которой ты подумал, мальчик. Другую, окончательную. Исчезновение из этого мира, будто...

- Будто тебя выключили из розетки, - зачарованно пробормотал Денис.

- Есть ещё одна легенда, не такая страшная, - мягко продолжал дух. Видно, историями о смерти, как и самой смертью, он был сыт по горло. - Будто растяпа-вождь при переправе через реку просто утопил это золото, мост не выдержал такой тяжести, и слиток вместе с повозкой ушёл камнем на дно. На земное дно, конечно. Если это так, той женщине с телегой пришлось порядочно потрудиться, чтобы его достать.

- Да это просто коляска, - возмутился Денис, взяв себя в руки. - Меня мамка катала в такой... ну, или почти в такой. Эта женщина, наверное, заблудилась так же, как мы.

Максима, похоже, это не успокоило.

- Мы будем держаться от полей подальше, - прошептал он, обнимая себя за плечи. - Пойдём к людям.

Кажется, Доминико был не рад этому решению.

- Здесь поблизости только английская колония...

- Мне нужно взглянуть на людей! – перебил его Максим.

- Если хочешь, могу встать там, где сквозь меня не просвечивает, - сказал Доминико.

- Нет! На настоящих людей, которые живут рядом друг с другом и изо дня в день встают, зная, где будут вечером. Посмотреть в их глаза, обеспокоенные... нет, не ТЬМОЙ - обычными, повседневными делами.

По крайней мере, теперь светило солнце. Идти стало проще, и Максим, едва дождавшись когда Денис стряхнёт с себя землю, ринулся вперёд. "Откуда в малявке столько энергии?" - думал Денис, мечтая о бутерброде с колбасой, пусть даже с картонным вкусом. В десяти метрах от их стоянки он нашёл землянику, но брат не желал ждать. Сейчас он был похож на резвую блестящую стрекозу, и только лоб, покрытый испариной, да мелко трясущиеся руки говорили, что у стрекозы в жизни не всё так гладко.

- Поверить не могу, что ОНА бродила совсем рядом, когда мы спали! – то и дело восклицал он.

- Ночью можно дежурить по очереди, - предложил Денис, трепеща при мысли о долгих часах, которые предстоит провести в одиночестве. И всё же он надеялся, что самые страшные, полные разлитой в воздухе белесой взвеси и таинственных ночных шепотков, самые тёмные предутренние часы, возьмёт на себя кто-нибудь другой.

- Зачем дежурить, если есть Доминико? Он вовсе не спит.

Максим удалялся от них быстрым шагом, чуть ли не бегом, и, кажется, даже не думал остановиться, чтобы подождать.

- Мальчик, ты не представляешь, сколько долгих часов я провёл, бодрствуя по ночам и вглядываясь в темноту, пытаюсь понять, перекатываются ли это волны или кто-то скользит по водной глади, - с обидой сказал призрак, - вглядываясь в луну: не перечеркнёт ли её силуэт чьей-нибудь мачты. Или в холодные солёные ночи, пытаюсь растопить камин... а, что я тебе объясняю, маленький неблагодарный ребёнок, подкормка для рыб.

Максиму, казалось, было всё равно. Но Денису стала интересна внезапная разговорчивость привидения.

- Что с тобой? - спросил он. - Чего это ты разворчался?

Призрак замолчал, сообразив, что на этот вопрос у него нет ответа, который бы устроил новоявленного Максимова братца.

- Просто терпеть не могу эту нечисть, - пробурчал он, сообразив, что любопытство во взгляде Дениса припёрло его к стенке и что отступать теперь некуда.

- Боишься? – воскликнул Денис.- Ты ведь сам приведение. Это тебя должны все бояться.

Лицо Доминико стало рельефным, будто кто-то сдавил его с двух сторон ладонями.

- Да будь я хоть крабом безмозглым. Всё равно. На ночь я один не останусь.

- Куда ты подевался ночью, когда эта женщина шаталась поблизости? Я нигде тебя не видел.

- Не помню, - буркнул Доминико. - То ли в облаках парил, а то ли был под землёй. Несколько глубже, чем вы, навозные жуки.

Он помолчал и внезапно признался:

- Я мог бы погреть руки в земной магме, если бы был несколько более *существенным*.

А затем, не дожидаясь вопроса от Дениса, который готов был уже слететь у того с языка, Доминико затараторил:

- Не смей меня укорять, малёк! Ты не понимаешь. Она - не простое приведение, не полтергейст, не дух природы, которого частенько приглашают на ужин шаманы сиу. Она... ТЕНЬ из другого мира. ТЕНЬ опасна для нашего мира, как пламя свечи для пергамента. Я почувствовал исходящую от неё угрозу и спрятался; никогда в жизни (и после неё) я ничего так не боялся.

- Значит, ты не будешь дежурить по ночам? - спросил Денис.

Доминико скрестил руки на груди. Длинные рукава его полоскались в воздухе.

- Только через мой труп.

Влага испарялась с растений и лёгкой дымкой висела между небом и землёй, будто оставленный нерадивыми рабочими строительный материал для миражей и грёз наяву. Дождя больше не предвиделось, и Денис стряхнул с плеч плащ, заставил то же самое сделать Максима. Он ощущал в себе обязанность опекать брата: беспомощное состояние, в котором тот сейчас пребывал, тяготило его куда больше, чем невозможность вернуться домой.

- Идём к людям, - повторял Максим. Глаза его горели лихорадочным огнём какой-то безумной надежды. Доминико грустно качал своим колпаком и парил впереди, как большой восклицательный знак. – У них там есть козлятки. И свежее молоко. Знаете, что мне нравится в человеческих поселениях? Люди там всегда добры к детям и греют их своим теплом. Наверное, они даже не разбирают, кто чей ребёнок, а просто-напросто добры ко всем подряд.

- Уж англичане то... - непонятно сказал Доминико, покачав головой.

- Я жил какое-то время у одной тётушки, возле холмов Королевы Виргинии, - продолжал лопотать Макс, не обращая ни на кого внимания. За пуговицы его платья забила земля, треуголка сидела на голове косо и нелепо. – Она была пастушка, и она...

Путеводного огонька не было видно совсем. Тем не менее, ни Макс, ни Доминико как будто не испытывали сомнений в том, что он всё ещё существует, что это не было галлюцинацией, играющей на каком-нибудь отполированном ветрами бульжнике солнечным лучом. Путники вплотную приблизились к лесу. Было ощущение, что они видят множество молчаливых, стоящих вплотную друг к другу людей, с лицами, скрытыми скорбной зелёной вуалью, в шляпах и фуражках, а потом вдруг это ощущение пропало, истаяло, как туман, оставив после себя еловую поросль, кротко касающуюся губами проходящих мимо ребят.

- Это земли англичан, - тоном школьного учителя начал Доминико. - Они приплыли сюда почти восемьдесят лет назад и обосновались на острове, называемом "Роанок". Испанцы, мои дорогие испанцы к тому времени уже продвинулись так далеко вглубь континента, что англичанам только и оставалось, что бесноваться и произносить нам вслед проклятия.

- Тебе-то что, - насмешливо сказал Максим. - Ты всю жизнь сидел на берегу.

- Ну и ладно, - казалось, если бы старик мог вдыхать воздух, мальчикам бы сейчас нечем было дышать. - Зато вы, англичане, остались с носом. Известно, что лучшие и самые успешные золотоискатели - испанцы. Кто, если не мы, покорили десятки племён сиу, которые не желали склониться перед героической реконкистой и отдать нам свои богатства.

- Он не англичанин, - сказал Денис. - Он из России.

Сказав это, он всерьёз задумался.

- Или ещё нет... не знаю, какой сейчас год. Может, мы сейчас в прошлом. Наш с Максом город, Выборг, раньше принадлежал шведам. Они построили часовую башню и крепость.

- Не представляю, где это, - сердито сказал Доминико. Подумал немного и прибавил: - У меня весьма обрывочные знания о том месте, откуда мы родом. И у тех людей, с которыми я общался, тоже. Удивительно, что и ставшая для меня родной земля является большой тайной. Это земля, на которой мы - пришельцы и завоеватели...

- А ты? – перебил Денис. – Когда ты здесь оказался? В какое время?

- С рождения мальчик, - сказал призрак. - С рождения. Моя мать была на сносях, когда наш корабль причалил к скалам Вольного Морехода на западе. Маяк построили почти в сотне миль оттуда, а первым (и, судя по всему, не последним) зрителем его был я. Мама умерла от неизвестной болезни, отец сгинул. Ушёл с другими бравыми воинами вглубь континента и не возвратился. В пятнадцать лет я воображал себе как он прорубается сквозь джунгли. Потом прорубается обратно, неся на спине целую корзину золота. В двадцать я начал подозревать, что он давно бы уже вернулся, если б мог и если бы хотел. В тридцать я уже почти забыл про него. У меня был собственный маяк, и ко мне теперь спешили морские капитаны.

- Пожалуйста, расскажи ещё, - попросил Денис. - Ты сам его построил?

- Конечно, нет, - фыркнул Доминико. - Маяк был нужен, потому как единственная на западном берегу удобная бухта была зажата с двух сторон опасными скалами. Нужен был ориентир. Тогда-то и начали возводить маяк. А к тому времени, как ему потребовался смотритель, я был уже достаточно взрослым. Я, быть может, и хотел быть воином и охотиться за сокровищами, но хромых, увы не берут в отряды. Никто не хочет возиться с калечными, каким я был с рождения. Со временем я, конечно, свыкся. Маяк заменил мне ногу, стал моим костылём. Я спускался и поднимался по его лестнице по десять раз на дню, знал каждую ступеньку, и мог назвать её по данному мной же имени... ну а что ещё оставалось делать, если людей я видел один раз за лунный цикл?

Заканчивая свою историю, Доминико зло сказал:

- Я полюбил свой маяк, полюбил тёплый свет, на который летят насекомые со всей ночи... летят и сторают. Какой запах там стоит вы, детишки, не представляете. Я изучил травничество по экземплярам, которые росли в шаговой доступности, умею предсказывать настроение моря по тому, как морщится его кожа. Вся моя жизнь прошла в одном месте, понимаешь, малыш, и я разучился об

этом жалеть. Когда мне было тоскливо, я шёл удить рыбу. Этот маяк родился со мной и со мной же умер, потому что со временем стал никому не нужен. Бухту забросили - флот Испанской Короны разросся до таких размеров, что кораблям было трудно развернуться в этой луже - а колония захирела. То, что его вновь зажгли, могло бы значить, что форт Святой Марии вновь наполнился жизнью, но...

- Но - что? - спросил Денис.

Доминико ничего не ответил, а Максим, убежавший далеко вперёд, закричал:

- Что вы там застряли? Идёмте, идёмте же!

Какое-то время спустя Доминико вновь вернулся к рассказу об англичанах. Кажется, они, "вторые, неправые", как он их называл, не давали почтенному испанскому брюзге покоя.

- Жизнь на острове Роанок не была гладкой: первая экспедиция бесследно исчезла. Сиу - народ беспокойный. Они, знаешь ли, далеко не всегда долго извиняются перед тобой, перед тем, как вонзить в грудь копьё.

- Это потому, что вы умудрились рассориться с каждым племенем, - огрызнулся Денис, вспомнив любимые книжки про индейцев. Что ни говори, а ситуация казалась очень похожей. - И с теми, кто поднимал луки, и с теми, кто протягивал ладонь мира.

Максим, не сбавляя шага, метко добавил:

- Вторые всегда пожинают плоды того, что засеяли первые. А воины умеют сеять только одно - вовсе не рожь.

Призрак, кажется, решил стоять за свой народ до конца. Пусть он не мог при жизни служить реконкисте руками и делом, в словесных баталиях он был упрямец, каких поискать.

- Они управляют силами, с которыми нельзя так просто смириться, - сказал он. - Они, сиу, зарывают косточки своих детей - не важно, мёртвых или живых - под усохшими деревьями, чтобы это дерево потом, когда европеец будет проходить мимо, рухнуло прямо ему на макушку. Я столько раз видел детей аборигенов без мизинца или ещё какого пальца! Видел и совсем беспальных. Детей, взрослых, стриков... они верят, что таким образом укрепляют связь того, у кого отняли палец, с невидимым миром. Бедняги потом бродят с белыми глазами, со взглядом, направленным *вовне*. Творить такое - противоестественно. Не по-божески.

Денис недоверчиво тряхнул головой. На количество пальцев на руках у людей племени сиу, которое их приютило, он не обратил внимания. Но вдруг - и правда?

На Максима тирада Доминико не возымела никакого видимого эффекта. Он по-прежнему не отрывал умоляющего взгляда от горизонта, где далеко впереди вдруг вспыхнул огонёк флага. И лишь заметил:

- Ты теперь сам принадлежишь миру духов.

- Но моё сердце осталось в мире материальном, - воинственно ответил призрак. - Пусть оно давно уже сгнило, но я верю, что в нём было стальное зёрнышко, не подверженное разложению.

14.

Первая за последние сутки приятная встреча случилась перед полуднем. Это была серебристая речка. Она, весело смеясь и подбрасывая на камнях свои волны, увлекла путников дальше, вдоль своих берегов, между стройных ив, похожих на чахнувших возле окон девиц; казалось, она несла в водах-руках какой-то секрет, который ни за что не желала показывать раньше времени, предлагая сначала поиграть в догонялки. А потом вдруг продемонстрировала раскрытые ладони, а на них - похожее на спичечный коробок поселение, будто собранное из наспех обструганных досок, с выпирающим в самом центре храмом. Крест маячил на фоне неба, как надменная нота: "Вот, мы здесь!"

Максим и Доминико переглянулись и затаились в кустах. Денис, поглощённый величием этих первых проблесков цивилизации на земле дикарей, едва не выскочил на открытое место, но брат схватил его за руку и притянул к себе.

- Шшшш, - сказал он. – Не высовываться!

- Там, наверное, знают тебя в лицо? – спросил Денис, думая, что малыш в очках, который разгуливает в полном одиночестве (призрака можно в расчёт не принимать – как Денис уже понял, если захочет, Доминико может спрятаться хоть в перламутровой пуговице на кармане мальчика), наверное, вызывает нездоровый интерес. И если малыш здесь проходил – год ли назад или целую вечность – его запомнили.

- Это вряд ли, - беспечно сказал Макс. Он немного расслабился, уронил свои тревоги в траву и просто наслаждался полднем, представляя себе солнце как на шар огромного мороженого, который непременно должен попасть к нему в рот. Денис никак не мог уловить ту чуткую грань, когда одно настроение братца перетекало в другое, подчас совершенно противоположенное. Иногда это случалось за доли секунды, иногда медленнее, но так пугающе-незаметно, что казалось, будто сразу. - Зато я знаю всех, до последней собаки.

Из-за забора, прилегающего, судя по всему, к стенам крайних домишек, неслось конское ржание и звонкие голоса женщин, которые, словно кукушки, окликались друг друга из окон. Иногда казалось, что конское ржание было голосами женщин, а голоса женщин – конским ржанием.

Максим показал налево, и Денис увидел там, среди лопухов, корзинку со свежей рыбой. Кто-то, видно, забыл её здесь или нарочно оставил для какой-то цели. Наверное, в этом мире не было больших голодных котов, которые в изобилии населяли деревни в окрестностях Выборга.

Мальша эта находка нимало не удивила: напротив, он как будто ожидал её здесь увидеть. Протянув руку, он схватил одну из рыбин и спрятал за пазуху. Потом показал направо, и Денис, приглядевшись, увидел кусты с кляксами ежевики и стайку по пояс голых детишек, которые как воробьи облепили сладкие ягоды. Потом показал на скупающего, сонного часового на невысокой смотровой башне под флагом британской марки. Казалось, с такой высоты можно было заглянуть разве что в дупла деревьев на другом берегу.

- Давай покрутимся рядом с теми детьми, - зашептал Максим, вылезая из рубахи и пряча её вместе с очками, рыбиной и треуголкой в вещмешок. С расцарапанной голой грудью, с облезающими от загара плечами он почти не отличался от остальных малышей. Взгляд без прибора для коррекции зрения был совсем не близорук, скорее, он приобрёл лисью хитринку. – Сделаем вид, что мы их знаем.

- Это как? – спросил Денис, но Макса уже не было рядом.

Он пробирался кустами некоторое время, потом выпрямился в полный рост и зашагал к малышне. Там было шесть или семь девочек, примерно Денисового возраста, и трое сопливых малышей, как раз годящихся в товарищи по играм для Максима.

Денис припустил следом.

- А вы ещё кто такие? – спросила одна из девочек.

Доминико дети, кажется, не видели. При желании призрак может казаться хоть тенью, хоть дымкой в воздухе. Хотя и не слишком любил это дело: наверное, больше всего на свете Доминико хотел бы быть человеком. Обычным человеком из плоти и крови, пусть даже растяпой, который то и дело попадает в нелепые ситуации.

На обратившуюся к нему Максим даже не взглянул. Он сделал страшные глаза и спросил высокую черноволосую девчонку, казавшуюся чуть старше остальных:

- Ты гадала сегодня утром по следам водомеров?

Кусая губы, она тихо-тихо сказала:

- Так и есть.

- И нагадала дождь, который зальёт землю так, что морские черепахи будут плавать над крышами, а на главной площади устроит себе лежбище кит.

- Так и есть... и кит... Я увидела утром как там, под водой, что-то мелькнуло, и сразу подумала про кита.

Максим вскинул руки. Глаза его злодейски поблёскивали.

- Так берегись! Идёт тот дождь. Уже половину пути осилил. Мы из соседского форта, вон там, на востоке. Форт "Впередсмотрящий", слышали о таком? Так вот, спаслись только те, кто успел связать

из забора себе плоты. Всех остальных смыло, на спинах их уже растут водоросли! Мы домчались сюда на летучих рыбах, – с этими словами Макс вытащил из вещмешка только что добытую рыбину (никто даже не подумал посмотреть, есть у неё крылья или нет), – только для того, чтобы вас предупредить.

Девочки уставились на них как сороки на собственное гнездо, которое вдруг оказалось между ушами голодной лисицы. Малыши, вцепившись друг в друга, заревели в унисон.

- Что же нам делать? – сказала чернявая девочка так тихо, что Денис едва её расслышал. Он не мог оторвать от неё глаз. Она пахла как полевые ромашки.

Максим показал вверх, на крону ивы, заботливо раскинувшей ветки над их головами. Корни её были прямо под ногами, мускулистые, они цеплялись за рыхлый берег и расползались далеко в стороны. Когда-нибудь это дерево рухнет, не в силах больше держаться за жидкую почву, и тогда у местных жителей будет удобная, широкая переправа на другой берег реки, а дети будут играть среди ветвей в индейцев и поселенцев.

- Лезьте наверх! – сказал он. - Прямо сейчас! Только это может вас спасти. Ливень будет здесь с минуты на минуту! Потоп! Содом и Гоморра! Мы побежим в селение, чтобы предупредить взрослых. Ну же, не теряйте времени.

И ухватив брата за руку, Максим понёсся в сторону городских стен, прыгая через булыжники и создавая впереди и позади себя шумную волну из визгливо лающих собачонок.

Отбежав на значительное расстояние, они остановились, чтобы передохнуть.

- Зачем ты это сделал? – спросил Денис.

- Ради уморы. Смотреть, как девочки лезут на дерево – что может быть веселее?

- Веселье! - воскликнул Денис, пробуя это слово как незнакомый плод. Для него было странно, как Максим, только что чуть ли не ревавший в три ручья, собирается веселиться. И, главное, над чем?

Они пересекли кукурузное поле с несуразно торчащим посреди него пугалом, миновали распахнутые настежь ворота.

- Эй, дети! – заорали сверху, со сторожевой вышки. - Идите-ка сюда!

Пока Денис пребывал в абсолютнейшей панике и ожидал стрельбы со всех сторон, Максим рысью взлетел по ступенькам наверх. Он, казалось, только и ждал этого оклика.

На лавке в тесной караулке сидел толстый детина с бородой, клочками покрывающей его щёки. У ног его стоял, прислоненный к ограждению, длинный арбалет с колчаном. На лысой макушке, похожей по цвету на свеклу, красовалась лихо заломленная на бок зелёная шапочка.

- Чего, дядя?

- У меня сидр закончился. Давай-ка, малой, слетай за флягой к мамаше Сивухе.

После этого он перевёл взгляд на Дениса, только что вошедшего следом.

- Он вообще как, смыслённый? - кивнув на Максима и подмигнув, спросил он.

- Смыслённый, - сказал Денис, шумно сглотнув.

- Ну так пускай он хватает флягу и постарается как можно скорее быть обратно. Я тут совсем запрел.

И великан задрал шапочку, чтобы утереть со лба пот.

Максим схватил с пола матёрую кожаную флягу, потемневшую от прикосновений.

- Я мигом, дяденька.

Когда они спустились с вышки и пошли по дороге вглубь поселения, Доминико грустно сказал:

- В репертуаре этих пропойц одни и те же песни. Я не должен этого замечать, но почему-то замечаю.

- Он думает, что ты знаешь, где можно взять рому, - зашептал Денис, но брат не ответил.

Максим миновал несколько домов, вихрем пронёсся по единственной улочке, заставляя капустные листья слетать со столов и грубых лавок, где хозяйки прямо на улице занимались приготовлением борща, пролетел, выкрикивая направо и налево:

- Привет, дядюшка Опи! Эй, Лисица, как поживает твоё новое платье? Маленький Джек, держу пари, ты ни разу не видел свою сестрицу на дереве, сходи посмотри! Старик Китаец, я смотрю, ты всё так же стар и узкоглаз? Спасибо за тот компот из слив, в Пустыни он подарил мне лишний день жизни!

И многие, многие, многие другие имена и клички. Каждый возглас малыша попадал точно в цель: ему вслед глазели круглые, вытянутые, белые, желтоватые, загорелые - разные лица. Многие смотрели поверх головы малыша, гадая, кто мог их позвать. Кто-то неуверенно махал. Кто-то крикнул: "Передавай привет мамаше!", и тогда широкая улыбка на лице Максима дрогнула и слегка перекосилась, как надкушенный с одной стороны ломтик дыни.

Уж конечно, его мамаша живёт где-нибудь здесь. Может, это даже Лизза Шнурочница, что ютится за углом, в тёмном переулке. У неё не то семь, не то десять ребятишек, и все наглые, просто жуть!

Селяне возвращались к своим делам и к прерванным разговорам. Снова застучали в руках хозяек ножи, зазвучала на лобном месте перед церковью перебранка. Кошки сигналят по крышам, стуча когтями и прижимая уши при виде собак, которые всё ещё сопровождали ребят. Кажется, только для хвостатых братья были здесь гостями, все же остальные... все же остальные, наверное, забудут о них уже через минуту, а если вдруг вспомнят, то будут готовы поклясться, что эти двое живут "где-то неподалёку".

- Что всё это значит? - спросил Денис. - Ты бывал здесь раньше?

- Вроде того. Во время своих странствий я заходил в каждое село, каждый форт, который встречался на моём пути. В том числе и сюда. Я знаю это место вдоль и поперёк, как-то раз даже зимовал среди этих людей, усыновлённый Стариком Китайцем. Тому толстяку, что на посту, я как-то представлялся ЕГО внучатым племянником. Видел бы ты его глаза! Правда, после этого он выгнал меня взашей, откупившись целым мешком яблок, чтобы я не вздумал раструбить о нашем родстве на всю деревню.

- А те девочки у реки? - на самом деле, Дениса интересовала только одна. - Кто она, та, с чёрными косичками?

- Варра, дочь Бренны. Тихоня и себе на уме.

- Она что, гадает по водомеркам?

- По следам от водомерок в какой-нибудь запруде или лужице. Всегда одно и то же. Она видит сильный дождь, такой, что чуть не рыбины падают с неба, и ждёт, чтобы кто-то напугал по-настоящему.

- Бедняжка, наверное, дрожит там, на дереве, как мышь, - сказал Денис.

- Уж конечно! - с удовольствием сказал Максим. - Ведь её жизнь состоит из одного страха.

- Тебе нужно прекратить издеваться над простаками, - сказал Доминико. Кажется, ему было немного жалко этих людей, несмотря на то, что они англичане. Правда, настоящую причину его жалости Денис узнал только несколькими минутами позже. - Они не виноваты, что не знают сущности вещей. Максим остановился. Лицо его на миг стало серьёзным и, прежде чем рот вновь превратился в лукавую ухмылку, сказал:

- Каждый считает себя королём и императором в одном лице. Вот, что меня веселит. Они закрываются у себя в домах, затворяют ворота и думают, что пока не рухнули стены, они в безопасности. Если бы хоть кто-то заикнулся о явлении, что управляет их жизнями, и что есть силы выше кнута и кулака, они бы подняли беднягу на смех.

- Что же поделаться, - сказал дух. - Такова природа людей.

- О чём это вы? - спросил Денис, взяв Максима за руку, чтобы тот вновь не убежал. Малыш не сопротивлялся. Он взглянул на брата снизу вверх, и Денис едва удержался от того, чтобы не разжать пальцы и отшатнуться. Вдруг стало понятно, что сейчас для него откроется одна из тайн этой земли. Ему расскажут - вот так, просто поведают посреди людной улицы - сокровенное знание, которое - в числе прочего, конечно - сделало Макса таким, какой он есть.

- Невозможно составить карту этой земли, - сказал малыш. - Она всё время разная. В какую бы сторону ты ни пошёл, ты можешь встретить на берегу моря ту же рыбацкую деревушку, которую уже видел. Каждая дырявая лодка, каждый лоскут свешивающихся с чьей-нибудь крыши водорослей будет тебе знаком. Жить там могут совершенно другие люди... а могут и те же самые. И ты снова будешь знакомиться с приветливым дедушкой, который несколько дней назад отпустил тебя в добрый путь, напоив чаем и как будто бы поверив, что ты старше чем кажешься. Он снова будет

выспрашивать, чей ты сын и не заблудился ли ты в ближайшем лесу. Снова побежишь плескаться в море с компанией детей и вновь увидишь, как одного из них уносит течением... и даже горевать не станешь.

- Потому что ты встретишь этого ребёнка вновь, - прибавил Доминико. Он висел над одной из хижин, словно столб дыма над трубой. Несмотря на то, что он говорил громче всех, никому из селян не приходило в голову посмотреть наверх. – Он будет смеяться, как ни в чём не бывало, и играть с гольшами.

- Значит, ты не можешь завести себе здесь друзей? - спросил Денис. - Стоит тебе выйти за ворота, как они тебя забывают, да?

Максим молчал так долго, что Денису стало казаться, будто он уже никогда не ответит.

- Пойдём, - наконец сказал брат. - Вечером отсюда отправляется караван в нужном нам направлении. Они надеются сделать шестьдесят миль за раз. Мы едем с ними, нужно успеть подготовить тёплое местечко. Следующие трое суток мы проведём в поле, и будем заниматься только одной... вернее, двумя вещами – набивать себе брюхо и валяться на сене.

Возле дома, пахнувшего как хлеб, в который положили слишком много хмеля... или который забродил, лёжа в тёмном красном подвале, Максим остановился и позвонил в колокольчик у двери.

- Мамаша Сивуха! - закричал он. – У дядьки в сторожке сидр закончился.

- Как же, как же! Этот Вергилий посылает гонцов уже в третий раз. Ну что ж, наших доблестных стражей нельзя оставлять алчущими и иссыхающими от жажды, тем более на таком солнце.

На пороге стояла плотная женщина, формами напоминающая прямоугольник из раздела «основы геометрии» в учебнике математики. Пахла она, впрочем, не как бумажная страница, а скорее как корзинка для пикника, в которой проливались самые разные жидкости и клались самые разные вкусы. Денис отчего-то сразу почувствовал себя дома.

Мамаша Сивуха забрала у Максима пустую флягу и вручила Денису полную.

- Ты, мальчик, отнеси это нашему великолепному толстяку – я же ничего не путаю, сегодня дежурит толстый Мо? А ты, малыш - она взъерошила Максиму волосы - заходи отведать пирога с крыжовником.

Она, насвистывая, растворилась в доме, покачивая в руках пустой бурдюк словно ребёнка. Максим подмигнул брату:

- Иногда хорошо быть маленьким. Эти пироги мамаша Сивуха печёт только для детей, и чем младше ребёнок, тем больше ему достаётся кусок. И поверь ещё в одно: вкуснее выпечки ты не найдёшь ни в лесах, ни в полях, ни на берегу моря. Иногда мне кажется, будто вкус этих пирогов с яблоками, с черникой и ежевикой, со сливами и крыжовником, создавался отдельно, в течение долгих часов. А иногда кажется, что ДРУГАЯ СТОРОНА была задумана только ради этого вкуса.

Он оборвал сам себя, перейдя на просительный тон:

- Пожалуйста, сходи, отнеси сидр нашему пухлому приятелю. А то он пойдёт нас искать. И скажи, что тринадцатого мая, то есть позавчера, мы, кажется, видели нескольких испанцев между отрогами Мёртвой Головы. Что у них было оружие и еда на четыре дня пути. И ещё, что они вели нескольких лошадей под уздцы. Ты выглядишь постарше, тебе он поверит скорее... хотя и мне тоже верил, нужно только говорить чуть более убедительным тоном и упоминать больше деталей. Не бойся, я уже проворачивал такую штуку.

- Кто, интересно, поверит детям? – пробурчал Денис, недовольный, что его отсылают в самый «вкусный» момент. – Дома мне не верили даже, что я съел всё, что мне собирали в школу на обед.

Максим нашарил на дне стоящей здесь же бочки красное яблоко, подпорченное с одного боку, и принялся с упоением грызть. Он с недетской иронией наблюдал, как Денис нюхает горлышко фляги.

- Правда? Тебе, наверное, мама с папой и сопельки вытирали своим же рукавом. Здесь всё не так. Здесь дети – лучшие разведчики и соглядатаи. Это знает каждый. Тот толстяк тебя послушает. Он спросит: хорошо ли ты запомнил этих лошадей, и ты скажешь, что лучше некуда. Что там были два чёрных мерина и один чёрный с белыми щеками. Клейма на них были, но ты не разглядел какие. Потом он скажет, что ты должен лично всё рассказать командиру в форте "Беспечный". Тогда кивай

головой и возвращайся. Прокатимся с ветерком. А я... я урву целых два куска этого волшебства и отдам один тебе.

Денис пошёл обратно, разворачивая в голове на брата настоящее наступление с боевыми слонами, с галдящими туземцами, с птицей Рух, которая, обрушиваясь на вражеские ряды, воровала круглые пончики и отчаянно-красные яблоки. В голове Дениса зрело Знание, которое заставляло губы его возмущённо шлёпать: этот прохвост съест два куска, а один, причём не самый большой, отдаст ему. Нужно быть настоящим ангелом, чтобы любить этих маленьких эгоистов, своих младших братьев, которые пользуются всеобщей любовью, а ты как будто вовсе не существуешь. А если твой младший брат успешно сочетает в себе ещё и достоинства старшего – тогда совсем беда. Он умный, командует, когда хочет, а когда хочет – валяет дурака... ладит с людьми, ест пироги, и, кроме того, у него есть ручное приведение! Пусть и довольно бесполезное – его даже дети не боятся, скорее, это он их опасается - но всё же!

Денис почти добрался до запретных, горьких, пышущих паром, как готовый стартовать по рельсам вдаль новенький паровоз, мыслей в стиле: «Зачем я вообще начал его искать!», когда под ноги, как в старом комедийном кино, попался корень или какой-то камень, что, в общем-то, не слишком важно, потому как результат один: Денис шлёпнулся, всем на потеху, на дорогу, подняв целые тучи коричневой пыли, да так смачно, что разом отшиб и колено, и грудину, и подбородок.

Охая и хватаясь за больные места, Денис поднялся. Бурдюк не пострадал. Поморгал; и когда немного улеглась пыль, перед ним появилась сторожка. Никто не смеялся; какая, однако, замечательная деревушка. Впрочем, никто, похоже, не торопился к нему и с утешениями.

Вообще никого не было вокруг. Все, должно быть, разбрелись по домам, почувствовав на своём темечке давящую ладонь полуденного солнца.

- Эй, дядя, - заорал Денис самым дурным голосом, на который был способен. - Я принёс тебе...

Стоп. Что-то не так. Почему так тихо? Почему не голоса в домах дети, не слышно больше треска разрезаемой тыквы?..

Флаг хлопал над головой, как рвущийся с цепи пёс. Во фляге пульсировала жидкость, так, будто Денис нёс не бурдюк, а завернутое в сырую кожу, всё ещё живое бычье сердце. Пальцы покалывало, на разбитом локте чувствовалась кровь.

Там, наверху, было что-то плохое. Однако откуда взялись эти стрелы с ярко-красным оперением, торчащие из перил и поддерживающих крышу столбов? Слишком короткие для английских луков, они смотрелись как дохлые хищные рыбы, вцепившиеся в приманку.

- Дяденька... - проговорил Денис, вытягивая шею, одновременно боясь увидеть и не увидеть несуразную зелёную шапку.

Везде в пыли валялись те же самые стрелы, некоторые сломаны. Окна зияют, как червоточины в яблоке: там, внутри вышки, в каждом доме - по персональной пустыне, всё живое в которой сгнило и высохло тысячи лет назад. Наполовину не то втоптаный, не то врытый в землю, лежал шлем – именно об него Денис так неловко споткнулся и полетел носом в пыль. Верхушка его смята чем-то тяжёлым, а внутри... Денис боялся наклониться и перевернуть шлем, под ним без сомнения что-то было.

- Кто-нибудь... - прошептал Денис.

Максим появился как запоздавший актёр, проспавший свой выход на сцену. Глаза его черны от эмоций, которые Денис поначалу не смог разгадать. Откуда-то вынырнул Доминико, он кутался в одежды, будто собрался выходить из-под крыши своего маяка под сильный дождь.

- Нужно посмотреть, - сказал Макс.

Братья неосознанно взяли за руки и стали шагать по ступеням; Денис подумал, что они похожи на парочку разбойников, восходящих на эшафот. Только вот Доминико никак не тянул на палача. Скорее он был похож на призрака висельника, что наблюдает за товарищами по несчастью.

Показалась зелёная шапочка; она постепенно заполняла поле зрения. Под ней было что-то похожее на хэллоуиновскую тыкву, отслужившую своё и выброшенную на помойку. Жизни там, внутри, уже не было. Плечи здоровяка были как разошедшиеся деревяшки, а одежда, казалось, вот-вот должна

была начать тлеть прямо на глазах. Денис закрыл лицо руками, но подглядывал сквозь пальцы. Он никогда не видел трупов... ну, не считая тела Максима, которое он, спотыкаясь, тащил к поселению сиу. Но, наверное, этот случай можно не брать в расчёт: мальчик же не знал, что брат мёртв.

А толстый Мо был мёртв совершенно точно.

Максим приблизился, не отрывая взгляда от торчащего из горла стражника оперения. Кираса его поблёскивала сквозь кровавую плёнку. Руке, что тянулась к арбалету, оставалось преодолеть каких-то пару сантиметров, ставших парой сантиметров вечности. Пальцы скрючены будто когти. Малыш попискивал, тихо, как мышка: поначалу Денис думал, что это и есть грызун, чудом избежавший участи быть в панике затоптанным, но, приблизившись, понял, что звуки издавал братик. Он был смертельно напуган.

Мир вокруг стремительно терял цвет. Небо вылиняло, как старая тряпка. По-прежнему ни звука, ни запаха. Воздух стал ватой, которую чьи-то грубые пальцы напихали в нос и в уши. Комом лез в рот, стоило его только открыть.

- Это она...

- Тётка с коляской? – хрипло спросил Денис.

- Кто-то сюда идёт, - с тоской в голосе сказал Доминико. Он стал ещё более блеклым, тонким, как вязальная спица.

Вдоль улицы тянулись нити тумана. Глядя на них, Денис подумал, что это, должно быть, вытекший отовсюду вокруг цвет. И ещё: нити эти до ужаса напоминали туман вокруг муравейников, едва не доведших в прошлый раз малыша Максима до нервного срыва.

Максима трясло, будто с ним, как с куклой, игрался не очень аккуратный ребёнок: дёргал за руки и за ноги, тыкал в живот и хохотал так, что волосы на затылке мальчика шевелились.

- Брат, возьми себя в руки, - как взрослый, сказал Денис. Он говорил ласково, тихо, стараясь не напугаться собственного голоса и слов, которые он произносил. - Не знаю, кто убил толстяка Мо, но пока здесь никого нет, нам нужно бежать. Сидр, наверное, можно оставить прямо здесь. А мы выйдем в эти ворота и уйдём так далеко отсюда, как только сможем. Можно переплыть реку. Ты умеешь плавать?

Макс как будто не слышал. Губы его шевельнулись, и Денис услышал:

- Сиу никогда бы не напали на этих людей.

- Понимаешь, - Денис вспоминал всё что знал и слышал когда-то о колонизации Америки: из детских книжек, мультиков и от отца, который пусть и знал историю довольно паршиво, но зато был отличным рассказчиком... конечно, когда из него удавалось вытащить эти рассказы. - Они же хозяева здесь, а англичане и испанцы приплыли на своих кораблях, и... стычки же были, с того самого момента, как первый корабль бросил якорь у этих берегов...

Говорить это и вспоминать улыбочивую, приторно-сладкую мадам Сивуху было трудно, но Денис старался держать себя в руках.

Максим поднял глаза на брата, и слова встали у того поперёк горла. Натуральный ужас, словно разволновавшееся море на скалистый берег, накатывал на его глаза, заполнял их полностью и отступал, чтобы вернуться.

Он молчал, глотая слёзы; вместо малыша ответил Доминико:

- Мы сейчас находимся в форте "Надежда". Таких, как этот форт, много разбросано по побережью и в глубине континента. Их около десятка, и ни один из них не закрывает на ночь ворота. Человеческие поселения окружили стенами, ещё не зная, что их никто никогда не будет штурмовать. Год выдался очень спокойным - сиу, даже самые воинственные племена, разобрали свои землянки и откочевали вглубь континента. И этот год повторяется снова и снова... - старик беззвучно свёл ладони и поправился: - Повторялся до сих пор. Этим счастливым временам не должен был прийти конец, и знаешь почему? Просто потому, что этого не может быть. А теперь хватай брата и бегите. Если бы я мог раздать вам подзатыльников, вы, два глупых малька, кубарем скатились бы по лестнице к воротам прямо сейчас.

Волокна тумана колыхались у первых ступеней лестницы, переползали друг через друга, будто копошащиеся в гнилом полене личинки. Денис вспомнил бесконечно вкусную сладкую вату, которой он угощался, когда его водили в парк аттракционов. Только здесь, конечно, это была не вата.

Призрак проявлял сегодня чудеса выдержки, и, глядя на него и на своего брата, которого хоть и бил мандраж, но отнюдь не разбил паралич, Макс неожиданно взял себя в руки.

- Я знаю, кому принадлежат эти стрелы – сказал он, выдернув одну, застрявшую в низком навесе. Мальчик брезгливо вертел её в руках. - Оперение знакомое. Сиу Грязного Когтя. Этот народ старается держаться обособленно. Последний раз их якобы видели десятилетие назад, когда они, собрав вигвамы, женщин и детей, откочевали в пустыню.

- Значит, теперь они вернулись, - сказал Доминико. – Для какой цели?

Пока они разговаривали, Денис почувствовал: некто и вправду приближается оттуда, из-за угла, дальше по улице. Может, это дядюшка Опи только что очнулся после солнечного удара и, сняв мокрую тряпку со лба, отправился выпить сидра? Или растяпа-цирюльник, который случайно нарезал ножницами время и теперь ходит, неприкаянный, пытаюсь найти пропавший лоскут, тот, который они с братом так неосмотрительно перешагнули, истратив прорву времени буквально за секунду.

Денис бросился бы на шею любому из этих ребят. Но наступает пора для каждого ребёнка распрощаться со сказками о всемогущих взрослых, и мальчик почувствовал, что его время пришло как раз сейчас. Эти шаги... как стук стариковского сердца. "Тук.... тук... тук..." Как бормотание сумасшедшего в тесной лесной хижине, куда уже больше двадцати лет никто не заглядывал. Как музицирование пересыхающих болот, костяной хруст сухого тростника, кашель лягушек, последних в этом лягушачьем клане... Нет, Денис не хотел со всем этим встречаться. Он хотел быть дальше... как можно дальше отсюда.

Максим тем временем соскочил с последней ступеньки и дёрнул Дениса за одежду: мол, уходим.

- Подожди! - сказал Денис. Кое-что вдруг пришло ему в голову. - А как же Варра?

- Кто?

- Ну Варра, дочь Бренны. Вдруг она и её подружки всё ещё на дереве? Тогда нам нужно их спасти.

- Их там больше нет, - сказал Максим. Очки его были как доньшки пыльных стаканов, долгие годы простоявших на верхней полке. - Никого не осталось - разве ты не видишь?

Но Денис не слушал. Денис уже бежал. Столбы, обозначающие ворота, свистнули где-то над ухом; ахнув, Денис перемахнул овражек с луковой шелухой, очистками от репы и сломанным колесом от телеги на дне, и что есть духу понёсся вниз, к берегу, к реке, которая сейчас, в бесцветном мире, выглядела так, будто ей отчаянно тесно в своём ложе.

Денис встал под ивой. Приложил ладони рупором ко рту и закричал:

- Э-э-эй... Варра! Ты там? Спускайся, мы пришли за тобой!

Но, похоже, никого и вправду не было. Налетевший непонятно откуда ветерок зашевелил длинные ивовые плети, на миг показалось, будто вся объёмистая крона стала головой девочки на шее-стволе, со слегка растрёпанными волосами, и она смотрит на него, Дениса, с надеждой и немой мольбой...

- Братец!

Денис обернулся.

Максим и Доминико стояли бок о бок в десятке шагов от него, а за их спинами из распахнутых ворот, как из глотки умирающего, отчаянно хватящего воздух и не знающего, какой из вдохов станет последним, выползало нечто... нечто, похожее на почерневший от прилива крови язык. Там, внутри, кто-то шевелился и протягивал руки. Этот язык - будто пыльный мешок, внутри которого барахтался, играл и резвился разом десяток детей. Всё, с чем он соприкасался, чернело и скукоживалось, как бумага от жара поднесённого к ней пламени, всё вокруг обвешивалось плетьюми белесого тумана. При взгляде на эту СКВЕРНУ, Денис понял, что её надо именовать не иначе как большими буквами, произносить не иначе как шёпотом, а лучше вообще молчать, не то услышит, придёт, сначала проникнув в твои сны, потом запустив лапки тумана в чашку с остатками напитка недельной давности, а потом...

Ветки дерева вдруг зашевелились. Сначала из густой кроны показались ноги - худые девчачьи лодыжки; сандаля был только на одной ступне, другая же похожа на птицу, выпорхнувшую из клетки и теперь кружащую вокруг по-прежнему пленённой товарки. Потом показалось платье, нежно-васильковое, нет, пронзительно-васильковое, потому что всё остальное было представлено сейчас только в строгой чёрно-белой расцветке, и это казалось невозможным и восхитительным одновременно.

Варра повисла на руках, беспомощно болтая ногами. Денис видел, как блестят зубы, закусившие нижнюю губу, как косы хлещут по щекам.

- Я тебя поймаю! - заорал он что есть мочи.

Конечно, он её не удержал. Вот Митяй бы, наверное, смог, а такому неуклюжему парню, как его лучший друг, удержать что-то больше кошки (или меньше футбольного мяча) можно даже не рассчитывать. Если бы он смог сплести ловчую сеть из, скажем, знаний о жизни тигров в восточной Африке или конструкции двухподвесного горного велосипеда, Варра приземлилась бы как будто в перину, но Максим не объяснил доходчиво, как пользоваться словесной магией, иначе Денис давно и вдохновенно бы что-нибудь декламировал. Так что он просто рухнул под её весом, снова переживая вспышку боли в ободранном локте и пытаясь восстановить сорванное дыхание. Что-то хрустнуло - ветка ли, кость? Чья-то боль вытекла сквозь сжатые зубы из прокушенного языка.

- Не ушиблась? - с отчаянной надеждой спросил мальчик. Он уже стоял на ногах, перепуганный, как стайка зайцев в лодке у доброго деда из сказки.

Варра сидела на земле, баюкая левую ступню. Из глаз её лились слёзы. Подбородок был испачкан в чём-то сером.

- Денис!

Судя по приближающемуся топоту, Макс и Доминико были уже рядом. И тогда, будто делая одолжение, Девочка отпустила свою многострадальную ступню и поднялась на ноги.

- Не ушиблась, - глядя прямо в глаза Денису, ответила она.

- Так нужно бежать! - возвопил Денис, тыча за спину и не оглядываясь. - Там...

- Вижу, - сказала Варра. - Вы обманули меня с потопом. Это совсем не похоже на кита.

- Не похоже, - признал Денис. - Но оно раздавит нас не хуже этого кита. Растопчет! Расплюстит! Вон, даже наше приведение его боится, а у кита оно бы каталось на хвосте, как в кресле! Так что умоляю, бежим, если ты можешь бежать. Это мой брат придумал про потоп, чтобы посмотреть, как вы лезете на дерево.

Максим был уже здесь. Он смотрел снизу вверх, поверх очков, и переводил взгляд с Дениса на Варру и обратно, словно карлик, которому неуклюжие взрослые случайно наступили на ногу и даже не извинились.

И, глядя над его плечом на ТЕНЬ, что вываливалась из ворот, Денис понял, что убежать они уже не успеют. Она росла с чудовищной скоростью, как мыльный пузырь, из тех, что выдувают на арене цирка.

- Лес! - завопил Максим и схватил Дениса за полы рубахи так рьяно и с такой мольбой, что мальчик чуть не бросился себя оглядывать в поисках этого самого леса. - Лес, такой, что достаёт до самого неба! Знаете, где он растёт? Между грядой Монтгомери и врат Надежды. Сотни гектар непролазных кущ. Птицы пролетают над верхушками тамошних деревьев за один раз и нигде не останавливаются, потому как стоит сесть на какую-нибудь ветку, они уже не смогут выбраться из леса. Теряют направление и само понятие верха и низа. Они летят вверх, к небу, но не видят неба, а видят только новые и новые деревья. Так что обитают там только кукушки, которые давно уже распрощались с самой идеей полёта.

Варра смотрела на него раскрыв рот, а потом вдруг спросила:

- Ты что нам, сказки рассказываешь?

Потом она посмотрела на селение и спросила:

- Что это?

Это почему-то очень взволновало Доминико. Он сделал вокруг девочки полный круг, разглядывая её со всех сторон, как будто искал, где у неё кнопка выключения. Максим сделал паузу в своих словесных излияниях и топнул ногой так, что на голову Денису и его новой знакомой посыпалась древесная труха.

- Помогай! Придумай что-нибудь. Помнишь про магию слов?

- Я ведь там ни разу не был, в этом твоём лесу...

- Неважно! Я рассказал всё что знаю, теперь *ты* должен дополнить. Кроме тебя никто не справится, прошу, братец, сделай что-нибудь! Я умею только рисовать, да и то, совсем чуть-чуть, а ты... ты же хотел стать писателем! Что может быть в лесу?

- Ну, звери, например. Лисы, ежи, волки и медведи...

Макс занервничал и кинулся поправлять:

- Волки и медведи там водятся, но обитают чуточку южнее. Возле реки. Да, там отличная рыба, и ходят на водопой дикие лани. Что бы им делать в густом лесу?

Денис послушал, как завывает над ухом призрак (иногда ему казалось, что у Доминико это получается произвольно; вроде как каждое уважающее себя приведение должно уметь выть, как дышать; в смысле, как человек умеет дышать), и сказал:

- Целыми днями там только и слышно, как падает вниз хвоя и хрустят ветки.

Первая проба слова была удачной; лицо Максима просветлело. Денис вдохновенно продолжил:

- Иногда, когда никого нет, камни переворачиваются с одного бока на другой и слизняки лениво ползут вниз, к земле. Иногда там проходит олень – такой огромный, что в расстояние между его следами укладывается с десять человеческих шагов, и можно идти следом и собирать с земли шишки, которые он стряхнул с высоких крон рогами. А зачем тебе...

Максим больше не слушал. Он закрыл глаза. На губах его появилась дрожащая улыбка, будто бы кричащая: «Мы выкарабкаемся!»

- Я вижу его, братец. Вижу, как скользят по траве яркие солнечные пятна, о Господи! Мы не здесь. Мы - там! ТАМ!

Денис почувствовал в своей руке маленькую руку брата. Ладонь его была скользкой, и Денис сжал пальцы, опасаясь потерять её, думая о том, что глупо было, наверное, злиться на маленького мальчика из-за каких-то несчастных сладостей. Пусть даже вкуснейших сладостей на земле. Он вдруг подумал, что снова не понимает, кто из них младший брат. Наверное, братья - такие странные создания, и между ними постоянно идёт соревнование, кто окажется сильнее, кто умнее и находчивее... в этот раз он готов был отдать безоговорочную победу по всем номинациям Максу.

В другой руке внезапно тоже оказалась чья-то ладонь. Узкая девчачья ладонь с маленькими круглыми, как монетки, ногтями (Варра во все глаза смотрела на чёрный язык, уже подобравшийся к ним вплотную). Это совершенно расстроило мысли Дениса, разбрызгало и раскидало, как мяч грязную лужу.

Он успел испугаться, что теперь не случится того, чему так радовался Макс, тёмная материя пережует их и проглотит, не выплюнув ни очков, ни пуговиц с одежды, когда весь мир завертелся и пропал, как будто из воздушного шарика спустили воздух.

15.

Денис с перепугу потерял контроль над веками - они захлопнулись, будто жалюзи на окнах. Однако прочие чувства исправно донесли: всё пропало и появилось вновь, но только другое. И когда он открыл глаза, то увидел именно то, что ожидал.

Лес. Пятна света, скользящие по земле от кутающегося в кронах деревьев солнца.

Силы оставили Дениса, и он плюхнулся на колени, что мальчишка, увидевший в траве огромного жука. Только никакого жука не было. Да и не до жуков сейчас.

Максим в свою очередь тоже опустился на колени, превращая штаны в подобие ежовой шкуры: всё вокруг было устлано хвоей. Братья встретились носами, изумлённо поглядели друг на друга и расхохотались. Хохотали так, что казалось сейчас по миру, как по стеклу, побегут трещинки. Возвращался цвет. Нет, не так, здесь он никуда не пропадал, он возвращался в глаза, или мозг, или где там для него подходящие сосуды? Вливался тонкой струйкой, будто ты - водоросль в пересохшем пруде, который дождик, прошедший впервые за много-много дней, вновь наполняет влагой.

- Что это у вас тут? - послышался над их головами тихий голос. - Волшебство? Неужели кто-то из вас сын Мерлина?

Денис, потупившись, смотрел на свою ладонь.

Он ещё ни разу не держал девочку за руку, и даже не задумывался, зачем это нужно. Некоторые девочки могут быть отличными друзьями. Митяй утверждал, что никогда не женится и навечно останется бродячим ковбоем и покорителем женских сердец, каждое из которых он непременно оставит позади, а когда неизведанные земли кончатся и круг замкнётся, уйдёт на другую планету, чтобы не встречаться второй раз с теми, кому он уже отказал. Денис был более осторожен в своих суждениях. В мозгу его давно уже крутилось подозрение, что люди женятся не просто так. "В этом, наверное, есть какой-то глубокий потаённый смысл, который сам собой раскрывается по прошествии времени".

- Мы братья, - сказал он, смущаясь.

Денис вдруг подумал про отца, вспомнил, какая у него была борода. У Мерлина - каким его знал он из книжек и фильмов - конечно, борода была шикарнее, да ещё седая, но ведь и папа не старик!

Девочка выпятила нижнюю губу.

- Я думала, сыновья Мерлина уже взрослые.

- Да мы, положим, не хотим взрослеть, - пробурчал Максим.

Он поднялся на ноги, бросил озабоченный взгляд по сторонам. ТЬМЫ нигде не было видно. В один момент Денис испугался: а где же ещё один их спутник? Но, конечно, призрак-испанец был здесь. Он кутался в тени и загадочно прорезал мерцанием глаз, будто маячками на крыльях самолёта, сумрак.

- Где мы, Доминико? - спросил Макс.

Вместо ответа дух завёл песенку, чудом попадая в такт стучащим веткам. В песенке говорилось о некой женщине, которая, заблудившись, устроила себе дом под шляпкой исполинского гриба. Песенка была не очень-то весёлая, и Денис ни за что бы не решился её воспроизвести. Однако в песне, как и везде вокруг, фигурировал лес. Непонятно было, где кончается лес из песенки, а где начинается настоящий. Возможно, этой границы и вовсе не было.

Варра завертела головой, и Денис понял, что она не видит их мрачного спутника.

- Доминико, нам важно знать хотя бы в какую сторону идти, - спрашивал тем временем Максим.

- Идёмте в любую, а я буду просить всех на свете дохлых рыб, чтобы сторона оказалась верной. Ты сам нас сюда перенёс, великий морской капитан.

- Иногда ты просто несносен, старик с маяка.

- Ну, простите великодушно старого пердуна, который хоть и помер, но всё же сохранил каким-то образом зачатки здравого смысла, - сказал он, надувшись как снегирь. - Я предлагал исчезать сразу. Но когда этот шалопай бросился со всех ног спасать глупую картинку, ты, вместо того чтобы выручать нас с тобой, зачем-то побежал за ним.

Девочка была теперь тише воды ниже травы; она поглядывала на мальчишек как на два разговоровившихся посреди ночи цветочных горшка... словно металась между желанием немедленно себя ущипнуть и проснуться или послушать ещё.

- Оно больше за нами не гонится? - несмело вмешался в разговор Денис.

- "Оно", - фыркнул дух. - Что ты скажешь на то, что даже я, пропащий по сути человек, боюсь эту штуку до колик. Оно! Её следовало называть ОНО, и только так. Даже океаны трепещут перед тем, что она из себя представляет. А благодаря тебе эта ржавчина выела из нашего мира порядочный кусок. Видел эту пустоту? Видел, какая она *пустая*?

Денис сглотнул. Да, там, за рваными лоскутами ДРУГОЙ СТОРОНЫ, не было ничего. Топот ног, этот вальс слепцов, когда неумелые партнёры только и делают, что наступают друг другу на ноги, казался эхом чего-то невыразимо далёкого, словно блеск звезды в космическом пространстве.

- ОНО, как ты изволил выразиться, теперь навсегда останется там, - Доминико раздулся от злости, словно тот же снегирь под пронизывающим ветром. - Если бы мы вовремя запрягли ездовых дельфинов, то сохранили этот дьяволов чертог. Пусть англичане и простоваты, толсты и глупы; они думают, что приплыли выращивать яблони да табак, да стричь овец, а не нести слово Божие через сумеречный мир, они всё-таки люди. Теперь, когда бы мы туда не вернулись, мы найдём то, что оставили.

- Успокойся, - Макс один, похоже, дышал более или менее ровно. Впрочем, говорил он без особой уверенности. - Мы во всём разберёмся. ТЕНЬ наверняка и без того нашла бы способ получить нужный ей кусок мира. Ты видел те стрелы, и видел тело толстяка Мо.

- Хо-хо, - сказал бывший смотритель маяка. - Три раза "хо"! Ты лучше меня знаешь, что вовремя закрытые глаза и заткнутые уши спасают здесь от многих бед.

- Что? - закричал Денис. - Вы здесь затыкаете уши, чтобы спастись от бед?

- И закрываем глаза, - важно заявил Доминико. - Но этого мало. Нужно очень-очень сильно захотеть оказаться в другом месте. Однажды, когда Максим уронил в Бесконечное озеро свой медальон из ласковых прикосновений и нырнул за ним... Помнишь, Макс? Оказалось, ты не умеешь плавать. Вот умора! Я тогда хохотал так, что - клянусь русалочьей чешуёй - вспугнул стаю ворон! А медальон он так и не достал.

- Что за медальон? - спросил Денис. Он уселся прямо на хвойные иголки, вытянув ноги, и запоздало понял, что земля отнюдь не сухая. Кажется, здесь не так давно прошёл дождь. Или, может, давно, но свет так редко проникал сюда, что ему было не до сырой земли. Ему, одинокой, заблудшей душе, поскорее бы вырваться на волю.

- То был не медальон, а что-то вроде бус. У меня были камушки, которые я давал подержать всем людям, которые были добры ко мне все эти годы, - хмуро, немного смущаясь, произнёс Максим. - Я продел их сквозь нитку и носил на шее. Но они утонули, и я переболел этим, так что не расстраиваюсь. Так, а к чему ты затеял все эти байки? А? Не лучше ли тебе было просто помолчать?

- Ах, да, - Доминико зыркнул на Дениса. - Я говорю всё это для того, чтобы твой недоверчивый братец понял, как устроен мир. Слушай и внимай! Тогда, оказавшись под водой Бесконечного озера и не в силах вынырнуть на поверхность, Макс зажмурился, и... расскажи, Макс! Там самое интересное.

Максим пожал плечами.

- Я просто переместился на сушу. Упал на песок прямо с неба, примерно как мы сейчас. Не слишком хотелось умирать. *Снова* умирать.

- Так только маленькие дети делают, - сказал Денис. - Закрывают глаза, когда видят что-то страшное. Бегут от опасности.

- Я рассказывал тебе, сколько раз я... исчезал и появлялся вновь?

Но Денис уже пристыжено замолчал. Он вспомнил всё сам.

Максим с полминуты помолчал, а потом сказал, подбирая каждое слово:

- Далеко не всегда удаётся нарисовать внутри себя подходящую картинку. Далеко не всегда удаётся подобрать слова так, чтобы они образовали крепкую цепь, которая не стремится разорваться от первого же рывка. Чаще всего слова просто-напросто удирают от тебя со всех ног. Ты сидишь посреди бескрайней пустыни и умираешь от жары, не в силах проползти ещё даже метр, а в голове пустота и завывает ветер. В голове - та же самая пустыня, что и вокруг. Как тебе такое? А? Ты чувствуешь, что умираешь, и не в состоянии сочинить даже что-то вроде: "По лесу прыгал зайчик - ушиб об камень пальчик".

Максим помолчал ещё несколько долгих секунд, в процессе которых все, кто был вокруг, потупясь, выискивали в земле занятных жучков и червячков, а потом взглянул на Дениса почти ласково:

- Мы с тобой настоящие молодцы. Я был вовсе не уверен, что у нас получится. Если бы мы провалились в ту дыру... если бы *она* до нас добралась... не знаю, что бы случилось. Это совсем другое, нежели чем умереть от честной стрелы или от зубов хищника, или упасть с большой высоты. Эта неизвестность пугает больше всего.

Денис задохнулся. Он вскочил, грозя кулаками невидимому сейчас небу, хвойным лапам, как будто ждущим зимы, цепочке муравьёв, чему-то незримому и загадочному, своим страхам и желаниям - всему, что может обидеть его брата и заставить его плакать.

- Мы обязательно дойдём до маяка! Если ты думаешь, что там действительно что-то есть, что-то очень важное, мы обязательно туда доберёмся! Ты - Фродо, а я буду твоим Сэмом, и если ты упадёшь, я понесу тебя на руках.

- Я никуда не собираюсь падать, - сказал Максим. - Мы просто дойдём до этого маяка и посмотрим, кто там зажёт огонь.

Собрались, рассеянные, думающие каждый о своём, и тронулись в путь. Было очень трудно понять, день сейчас или уже вечер, или, может быть, утро следующего дня, но никого это особенно не волновало. Пока хоть немного светло, можно идти.

Впрочем, после первых же шагов стало понятно, что дело это отнюдь не лёгкое. Идти, в смысле. Трава высокая, как забор, и крепкая, как деревья, а деревья росли часто, как трава. Доминико прошивал их легко, как нитка игольное ушко, и, возвращаясь, нетерпеливо смотрел на путников, которые, не успев сделать и десятка шагов, потирали многочисленные царапины на локтях и коленках.

Про Варру все давно забыли. Но она про них не забыла. Следовала за мальчиками неслышно, как, бывает, выброшенная кем-то газета с новостью о том, что в город приезжает бродячий цирк, и эта новость преследует тебя по продуваемой всеми ветрами улице и даже переходит следом за тобой дорогу.

- Вы, наверное, бесноватые, - сказала она, словно по секрету, Денису. - Дети лесных ведьм и сиу. Вы видите духов и разговариваете с ними. Только ведьмы так могут.

- Не духов, а всего одного, - благосклонно разъяснил Денис.

- Мои родители, наверное, погибли, да? - спросила она.

На этот вопрос Денис не нашёлся с ответом. Зато нашёлся его брат:

- Считай, что их никогда не было.

- Я могла бы погадать на их жизни, но мне нужна вода. Хоть лужа. Только с водомерками или с водяными комарами.

Максим ничего не сказал. Денис поглядывал на их новую спутницу искоса: он поворачивал глаза так, что они грозили вскоре с хрустом сломаться. Ему было интересно - не блеснёт ли слеза? Не начнут ли дрожать и дёргаться от рвущихся наружу переживаний носовые пазухи? Но лицо её оставалось спокойным, только, может, более задумчивым.

- Что ты коллекционируешь теперь? - тихо-тихо спросила Варра.

- Чего? - переспросил Максим.

- Что ты коллекционируешь теперь, когда твоего медальона нет?

- Коллекционирую людей, - буркнул он.

Он старался не смотреть на девочку и как будто бы сильно удивлялся каждый раз, когда она подавала голос или хотя бы наступала на веточку. Доминико же, напротив, изучал её с таким видом, с каким, наверное, энтомолог пялится на ранее незнакомый вид бабочек, редкий представитель которых порхает сейчас перед его лицом.

Скоро они вообще упёрлись в живую стену из зарослей. Денис попробовал пробиться через неё с разбегу, но гибкие ветви оттолкнули его, хлестнув по щёке.

- Да, братец. Ну ты и наколдовал.

Максим обиделся.

- Я всего лишь придумал, куда мы должны попасть. Словесная магия, она работает куда мудрёнее, чем почеркушки. Почеркушки - просто баловство, а мой меч - *карандаш*, как ты его называешь - во многих ситуациях значит не больше, чем карманный ножик.

- А кто говорил про птиц, которые залетают сюда и не могут вылететь? - Денис протянул руку и переломил ветку какого-то куста. Но таких веток было видимо-невидимо, некоторые даже с шипами. Там, в глубине зарослей, жили маленькие коричневые зверьки с белой грудкой, они смотрели на людей из сплетения ветвей, но убежать не торопились. Знали, что далеко такому неповоротливому существу не забраться.

Максим надулся.

- Я не виноват, что у меня лучше получаются мрачные места. Когда я начинаю про них говорить, они расцветают в голове. Если бы я описывал полянку с бабочками и котёл с похлёбкой, сваренной для нас лесными белочками, ничего бы не получилось. Кроме того, здесь и вправду довольно дикие места.

- Почему бы тебе не описать тогда какую-нибудь дорогу... - в голову Денису пришла сумасшедшая мысль, и он подпрыгнул, тыча в брата пальцем: - Или маяк! Да, маяк! Если ты так же опишешь окрестности маяка, нам не придётся никуда идти.

Максим с Доминико переглянулись.

- Это можно, но... мы так не поступим.

- Не поступим, - откликнулся Доминико, как эхо.

- Но почему же?

- На то есть причины. Прости меня, братец, но я не могу тебе рассказать всё. Из всех возможных шансов, самые большие для нас - угодить прямиком в капкан. Видишь ли, цель нашего путешествия слишком очевидна. Что касается дорог, вполне возможно, что там нас тоже будут ждать неприятности. Нет уж, лучше держаться глухих мест. Я бы лучше предпочёл копать тоннель из пустыни, чем идти по дороге.

- Наше путешествие - самое ненужное путешествие на свете, - в сердцах сказал Денис. Он вскочил, посмотрел с бессильной злостью на живую изгородь, сел снова. - Зачем же мы вообще туда идём? Быть может, она, эта дама (за что бы она на тебя не разозлилась) сама зажгла огонь, чтобы ты увидел и шёл к нему.

- Быть может, - сказал Максим. - Она или её слуги. Но... у меня просто нет выбора. *У нас с Доминико* нет выбора. Помнишь, что я говорил про круги и про то, что всё заканчивается там, где началось? Так вот, с маяка когда-то началось наше путешествие, вполне логично, если он и станет в нём конечной точкой. Это большой круг, очень большой. Но и он должен замкнуться.

Денис надолго замолчал. В голосе брата ему чудилась страшная неизбежность. Сначала он назвал её про себя покорностью, но потом понял - никакая это не покорность. Максим не собирался быть покорным штуке, которая за ним охотится (если она действительно охотится за ним), он будет брыкаться и кусаться, пока не останется без сил.

Максим лёг на спину. В стёклах его очков, будто коралловые заросли в глубоком озере, отражалось фигурно нарезанное небо.

- Я бы сейчас с удовольствием что-нибудь съел.

- Ты что же, не хочешь оказаться там как можно скорее? Слушай, может, это лучший наш шанс вернуться к маме и папе. Ты снова их увидишь. Посмотришь, какая у мамы забавная привычка - зевать, смущённо улыбаясь, будто это вышло случайно! Неужели тебе на самом деле *нравится* здесь жить?

Доминико торчал рядом, как несуразное пугало, которое зачем-то воткнули посреди леса. Он взирал на Дениса с любопытством и одновременно лёгким укором... словно на нелюдимуую, дикую кошку, которая внезапно разбудила тебя среди ночи, устроившись на груди.

Речь Максима будто превратилась в патоку. Хотелось ткнуть в неё пальцем и смотреть, как она медленно, сонно стягивает края.

- Хочу. Ещё хочу чего-нибудь съесть. Доминико, моя мачта и грот-марсель, поищи нам что-нибудь поесть.

Варра подошла, робко теребя подол своего передника. На нём были фиолетовые пятна от раздавленных ягод, один рукав порван - видно, пострадал в боях с ветвями самой большой в мире ивы. Ногти девочка старалась не показывать, но Денис видел, что они обломаны, ободраны едва не до крови. В косах, похожих на сплётшихся друг с другом забавных ящерок - она заплела их только что - застряли ивовые листья.

- Когда мы шли, я видела белую морковь, - сказала она. - Она вкусная, если очистить от кожуры и дать немного полежать. Давайте, я принесу вам немного. Только... скажите мне, куда полетел этот дух, с которым вы всё время разговариваете? Я боюсь, что не готова оставаться с потусторонними силами наедине... *совсем* наедине. Когда я гадала на лапках паучков или обращалась к своей двоюродной тётке, которая уже покинула этот мир, поблизости всегда был кто-то из подружек. Или братец. Или родители.

Доминико хмыкнул, шевельнул пальцами, такими длинными, что при правильном освещении тень от них была бы выше церквушки в только что оставленном ими форте. И что-то произошло. Нет, фигура его не стала более или менее чёткой, но глаза Варры расширились. Они больше не смотрели *сквозь*, они смотрели *на*.

- Наслаждайся, девочка, - сказал он. - Если что, я отправлюсь вон в ту сторону. Кажется, я слышал там лесных куропаток.

- Ой, - Варра прикрыла рот ладонью. - Вы и вправду великие шаманы, если сумели призвать самого Пелайо, грозного короля Астурии, далёкой старой земли на юге среди кипарисов, откуда приплыли испанцы. У нас, британцев, ходят легенды об этом человеке. При жизни он рубил головы мусульманам, а после смерти являлся к нерадивым своим наследникам в виде страшного призрака. Говорят, многие седели после встречи с ним. Я слишком маленькая, чтобы помнить старую землю и её легенды, но мама достаточно мне их пересказывала.

Кажется, Доминику это польстило.

- Я всего лишь скромный смотритель маяка.

Он шевельнул полами одежд и стал частью хитрого, как один из множества морских узлов, союза жухлого света и мягкой, как будто акварелью нарисованной, тени.

Скоро мальчишки остались одни. Максим, похоже, дремал. Денис, поняв, что всё ещё сжимает кулаки и как спортсмен на старте готов по какому-то неведомому сигналу бежать к горизонту, расслабился и плюхнулся рядом.

- Ты говорил, что я не могу завести себе здесь друзей, помнишь? - не открывая глаз, сказал Максим. Это было так неожиданно, что Денис вздрогнул. - Ты прав, братец. Но только частично. Всё гораздо... глубже. Однажды я пытался бросить странствовать и поселился в одном милом месте среди скал на западе, рядом с водопадом, под флагом британской короны. Оно называется "форт "Орлиное гнездо", и люди там смешные и громкоголосые. Они любят, склонив голову, слушать эхо от собственных голосов и хохотать, умножая этот звук до бесконечности. Дети лазают по скалистым отрогам, что горные козлы. Они считают, что сиу - даже то враждебное племя с красными носами, что обитало по другую сторону гор и без разговоров пускало стрелы в каждого встречного - ни за что не решатся напасть на "Орлиное гнездо", потому что думали, что у них на макушке сидит сам Христос вместе с другими богами старой земли, и все они изрыгают проклятья напололам с лавинами. Там есть одна женщина, мадам Туча, наполовину испанка. Сама печёт хлеб, ругается грубым, моряцким басом... И я прибил к ней, как заблудившийся оленёнок. Сначала просто сидел под крыльцом, там, где меня никто не видел, и смотрел на толстые её лодыжки, когда она сновала по двору. Потом породнился с четырьмя её детьми. Они стали мне как братья и сёстры. Её муж не отличал меня от остальных, хотя то не удивительно: этот растяпа вряд ли отличил бы собственных детей от пересекающих двор собак. Я стал жить в их доме, и мадам Туча называла меня мотыльком, которого волею судеб прибило к её лампе... а она и вправду вся светилась как лампа.

- Что же случилось потом? - спросил Денис, тшась предугадать какие-нибудь ужасные события и одновременно страхась их. - Ты оттуда ушёл? Напали сиу?

Максим мотнул головой.

- Здесь никто ни на кого не нападает. Просто я однажды услышал, как Туча распекала своего среднего сына за разбитый горшок. Она говорила, что это её любимый горшок... ровный, с синей полосой возле горлышка. В нём всегда стояли горные маки и пустоцветы, которые две дочери приносили с полей. Он был настолько широк, что муж, возвращаясь со службы, ради потехи ставил в него пучок стрел. Только вот незадача - этот горшок уже когда-то разбивал я. Мадам Туча бранила меня теми же самыми словами, а я, стоя перед ней и краснея, думал, что распекают меня как родного сына, и это, чёрт возьми, жуть как приятно. Старый горшок заменили другим, но этот другой постепенно - очень незаметно - приобрёл очертания прежнего. После этого я стал внимательно смотреть по сторонам. Как будто пелена спала с глаз. И увидел... много всего увидел. У детей были одни и те же забавы, даже если эти забавы были из разряда тех, о которых никогда не рассказывают взрослым, и даже между собой - шёпотом. Вроде, сходить побить камнями мальчика сиу, который, видно, когда-то потерялся из своего стойбища и с тех пор жил в пещере, таская из гнёзд яйца. Знал бы ты, сколько раз я слышал, что мол "Дориан насмерть забил его камнями". Один раз даже сам пошёл, любопытства ради... Лошади помирали и вновь возникали в конюшне: одни и те же лошади с теми же самыми кличками. Возле медовой лавки дрались одни и те же пропойцы, женщины кидались разнимать их с одними и теми же криками. Всё повторялось. Всё. Когда горшок разбили в третий раз, я ушёл.

Но ушёл не сразу. Сначала я попытался увести всех жителей прочь из форта, в низину. Я подумал, что, может, так что-то изменится. Что это...ну, вроде как выбить колесо телеги из колеи.

- Ага, - поддакнул Денис. - Столкнуть трамвай с рельс.

Максим странно посмотрел на брата и ничего ему не ответил.

- Я ушёл в горы и устроил небольшое землетрясение. Не сильное, но такое, чтоб в стены постучали камешки, а часовые мгновенно протрезвели. А после прибежал и давай кричать, что видел, как с гор идёт лавина. Что нужно прямо сейчас, ПРЯМО СЕЙЧАС, НЕ МЕШКАЯ, хватать всё, что есть под рукой и бежать прочь.

- Он голосил как курица, на которую насаждают еноты, - с удовольствием сказал вернувшийся Доминик. - Я слышал его с другого конца мира. Своды пещер крысиного черепа тряслись так, что летучие мыши попадали оттуда и разбились насмерть.

- Они тебя не послушались?

- Послушались. Мы отправились в путь, в низину. Надо было видеть их лица. Бледные щёки женщин, дрожащие подбородки мужчин. Они говорили друг другу, что это всё проделки сиу, которые решили выжить заморских людей со стратегически важной высоты, и нужно нынешней же ночью повернуть назад и прочесать скалы. Реки соплей из носов детей - сразу дюжина рассказала родителям об убийстве мальчишки-сиу (в том числе и сам Дориан, который, плача, утверждал, что это его дух танцевал на кучах камня и горных склонах по ночам, чем и вызвал обвал). Я ликовал! Всё сдвинулось с мёртвой точки. Теперь мы построим новую крепость, британский флаг взвьётся над новыми воротами, и всё так же будет по-новому, как если бы вместо сорной травы на полянке рядом с отхожим местом вдруг взошла капуста. Ещё бы - впервые за четыре года эти люди вели себя по-другому. Какими бы ни были правила ДРУГОЙ СТОРОНЫ, я думал, что мне удалось их сломать.

Я не сразу заметил, что происходит что-то ещё. Что-то вроде подводного течения, которое вдруг проявилось на поверхности. ДРУГАЯ СТОРОНА стала действовать в открытую. Ну... почти в открытую. Люди вдруг стали исчезать. Я не сразу заметил, просто в какой-то момент осознал, что нас стало меньше. Потом - ещё меньше. Когда я бросал взгляд в сторону, а потом оборачивался - кто-нибудь исчезал. Оставшиеся ничего не замечали; они по-прежнему продолжали строить скорбные лица. Когда я обратил внимание мадам Тучи, что нет уже больше чем половины отряда, она просто не стала меня слушать. Даже не обернулась посмотреть. Потом осталась только моя новообретённая семья, и я уже не отрывал от них глаз. Шёл сзади, как пастух за похудевшим,

поредевшим овечьим стадом, большую часть которого изорвали волки. Потом я моргнул, и все исчезли.

Некоторое время Максим молча смотрел себе под ноги. Денис не смел пошевелиться, чтобы не влипнуть ненароком в разлитую горечь, как муха в варенье.

- Когда я вернулся в форт, там всё было по-прежнему. Меня никто не помнил, а муж мадам Тучи сказал: "Из этого пацана, может, воина и не выйдет, но посмотри какая у него голова! Отдам мизинец на отсечение, что он умеет считать". Точно такие слова он говорил, когда увидел меня в первый раз. ДРУГАЯ СТОРОНА не хочет, чтобы её меняли. Внешне она поддаётся изменениям, но всегда возвращается на круги своя. Как...

- Как резиновый мячик, который сдавливаешь пальцами, - сказал Денис. Ему было грустно.

- Может быть. Ты хочешь знать, что было дальше? Дальше я позвал Доминико и мы ушли.

Доминико покивал. На фоне чёрных стволов он выглядел мазком густой краски. Сказал Денису:

- Сначала я думал, что ты, малёк, тоже из таких. Но потом, когда ты стал с поразительной быстротой схватывать нюансы здешнего существования - не то, что здешние болваны, которые на следующий же день уже себя не помнят - я изменил мнение. Морские черти тебя знают, в общем. Должно быть, ты такой же, как Макс, а я был не прав.

- Почему ты всё это время был не с Максимом? - спросил Денис.

- У меня же должен быть отпуск. Всё что я сделал за шестьдесят лет жизни, это изо дня в день поддерживал огонь в лампе, рядом с которой так жарко, что кожа в уголках губ лопается. Копался в привозимых раз в неделю продуктах в поисках письма от старых друзей (или хотя бы благодарственной весточки от моряков, которым мой путеводный свет помог глубокой безлунной ночью... или, напротив, гневной, от тех, кто получил пробоину в ту единственную зимнюю ночь, когда я свалился с температурой и проспал всю ночь, подбрасывая дрова только в своих грёзах). Самое время посмотреть мир хотя бы в нынешнем моём состоянии. Если б я знал заранее, что так получится, я бы однажды оставил эту каменную бандуру и отправился в какое-нибудь село, развлекаться с симпатичной селяночкой... Впрочем, это совсем другая история, и вовсе не для детей. Когда Доминико замолчал, на некоторое время наступила тишина, нарушаемая лишь вздохами Варры где-то в отдалении, да вознёй Дениса, который никак не мог найти себе места и смотрел на брата (тот закрыл глаза и, кажется, вновь задремал) почти с завистью. Что случилось с этим человечком, что, даже пройдя через множество страстей, пережив вереницу волшебных событий, он может так вот просто спать на жёсткой подстилке? Удивительный, удивительный братец - сейчас Денис искренне им восхищался. Если бы случилось нечто подобное в его жизни (сейчас, оглядываясь назад, мальчик видел её почти сравнимой с жизнью постельного клопа), Денис бы просто сдетонировал от переполняющих его эмоций, засыпав всё вокруг разноцветным конфетти, как в мультиках.

Он сделал сто пятнадцать глубоких вдохов и уже почти присмотрел себе единственное на километры леса вокруг удобное местечко - на моховой кочке под раскидистым дубом (Денис был уверен, что сможет просидеть там спокойно минуты три с половиной, а вот насчёт четвёртой серьёзно сомневался) - когда прямо над головой кто-то громко произнёс:

- Ку-ку.

Так навязчиво, будто постучал по макушке.

16.

Сначала Денис решил, что это птица. Когда он поднял голову, чтобы посмотреть наверх, то действительно увидел птицу. "Что же, ну птица и птица, - сказал бы Митяй, если бы Денису выпал шанс поведать об их с Максимом приключениях. - Теперь что ли на каждую птаху в лесу по полчаса тарашиться?"

Но Денис не мог оторвать от неё глаз, не мог упасть, потому что под копчик его мягко ударила кочка, и, наконец, не мог даже засмеяться, потому как более несуразной птицы ему в жизни не приходилось встречать.

В роду у этой явно были кукушки. О том свидетельствовала рябая окраска, большая голова с изящным, слегка вытянутым клювом, толстая шея, укутанная как шарфом гладкими серыми перьями, а ещё - чёрные, блестящие, словно бусины, глаза, заключённые в жёлтую оправу. Кукушки водились во множестве под окнами их дома в Выборге, Денис насмотрелся на них с высоты своего второго этажа и давно уже не путал этих больших, местами неуклюжих птиц с ястребами, как, бывало, делали малыши.

- Кукукушечки-куку, - повторила нараспев кукушка и покачала головой совершенно человеческим движением. Впрочем, получилось это у неё совсем не так дико, как вы, быть может, представили: человеком эта кукушка была в той же степени, что и птицей. И кукукала она тоже не совсем как обыкновенная кукушка. Клюв распахивался (так он казался прямо-таки огромным), грудь ходила ходуном, будто кто-то очень большой пытался надуть воздушный шарик. И поэтому Денис не слишком удивился, когда следом за характерными птичьими звуками послышалась вполне различимая человеческая речь. - Как же вас занесло в такую глухомань, дорогие путешественники?

Пришла Варра с пучками белой моркови в каждой руке, она смотрела на птицу запрокинув голову и молчала. Вполне человеческие на вид кисти рук являлись продолжением мощных крыльев, таких, какими обладали первые птицы, наверное, в доисторические времена. Ниже пояса, кажется, перьев не было вовсе, хотя понять наверняка было трудно. Кукушка была облачена в нечто, напоминающее пурпурный жилет с торчащей из-под него рубашкой. Всё было скроено достаточно неряшливо, однако, носилось не без некоторого лоска. Воротничок стоял как каменный - у папы никогда так не получалось, как бы ни старалась мама. На голове была пузатая шляпа - кажется, такие называют котелками - которую, когда четыре пары глаз (пришелец, конечно, подозревал только о трёх) уставились на него, он вежливо приподнял. Денису показалось, что там, внутри, что-то было. Наверное, эта диковинная птица - что-то вроде местного, лесного фокусника, чем отчасти могут и объясняться все эти перья.

Она сидела на ветке, непринуждённо придерживаясь одной рукой и поджав под себя огромные птичьи лапы. Выглядело это настолько нелепо, что Денис едва не рассмеялся.

- Вот, - сказал Максим и рывком сел. Он лучился энтузиазмом. - Вот этого-то мы и ждали. Собираемся! Все здесь?

Он обвёл глазами свою разросшуюся команду, и глаза эти были - как внезапно понял Денис - глазами морского капитана, который после долгих лет разлуки с морем готовится выйти из порта. Удивительно думать, что всего несколько дней назад, и год до этого, и два года назад, он путешествовал почти совсем один, маленький путник в стоптанных сапогах. Максим, кажется, ни капельки ни удивлялся появлению странного существа. Он принимал всё как должное. Ну, или, во всяком случае, старался.

Посмотрев на Дениса, он сказал:

- Если тебя связали, незачем рваться и терять силы. Просто посиди и посмотри, что будет дальше. А вдруг, что-нибудь хорошее? Например, прилетит ворон и расклюёт твои путы. Тогда тебе понадобятся все силы, чтобы сбежать.

Человек-кукушка внимательно выслушал Максима, смешно щёлкнул клювом. Максим, вытянувшись по струнке, будто перед Дедом Морозом, глядя снизу вверх, продекламировал:

- Мы, господин кукушка, заблудились в этом вашем лесу. Всё такое колючее, будто идёшь по спине огромного ежа, вокруг, куда ни взглянешь, деревья, север перепутался с западом, а восток с югом. Откуда мы пришли? Где выход на опушку? Не могли бы вы нас посадить - мы бы поглядели, где кончается лес, к примеру, с верхушки во-он той сосны.

- Ах, детки! - пропело это странное существо. - Неужели потерялись? Так кукушачье племя не даст вас в обиду... хоть про нас и говорят, что мы в трёх дубах заблудимся, оттого и орём на всю округу, в этом есть мало смысла. Лес - наш дом! А орём мы потому, что очень уж любим поговорить... Так где, говорите, ваши родители?

Денис не глядя протянул руку и подёргал Максима за рукав.

- Это же просто маска, - прошептал он. - Ай! Ты мне на палец наступил!

Максим расстроился.

- Слишком поздно наступил.

Человек-кукушка, поворачивая голову на птичий манер, смотрел теперь на большого брата. Глаза его светились самым настоящим человеческим интересом - человеческое куда. Конечно, про слух кукушачий Максим ничего не знал. Откуда бы? Он же, высунувшись из окна своей комнаты, не вступал с ними в долгие пространные споры, к которым заунывные кукушачьи крики, кажется, располагали, и даже не кричал им дразнилки. Зачем? Это же всего лишь птицы.

- Ты думаешь, что я просто приоделся, прежде чем тебе показаться, детёныш человека? - ласково спросил человек-кукушка - а на самом деле я кто? Лесной человечек с таким смешным обезьяньим лицом, как у тебя? Ответ же, мне до жути интересно.

Денис молчал, как будто во рту у него плескались целые океаны. Но пришлось их проглотить, когда Максим толкнул его локтем под рёбра. Мол, отвечай теперь. Что будет, то будет.

- Ну, да... - пролепетал Денис. - Вы, наверное, какие-нибудь лесные сиу. Я читал про людей, которых ещё детьми бросали в чаще родители, и если те выживали, они становились лесными людьми и жили с дикими зверьми. Качались на лианах, как обезьяны. В древности такое часто случалось. Даже книга про это написана.

Человек-кукушка ничего не отвечал, и Денис продолжил, ободрённый:

- Я всё время думал, почему они не покричат в лесу, что-то вроде "ау", чтобы найти друг друга? Ведь компанией жить гораздо интереснее, чем с ручными обезьянами?

Человек-кукушка покачнулся на дереве, так, что мальчикам показалось, что он сейчас свалиться. Но он не свалился. Он вдруг хлопнул в ладоши раз, другой, и скоро весь лес звучал, как две столкнувшиеся тучи. Молнии также были, они сверкали в голове напуганного Дениса.

- Обожаю, когда насчёт нас строят догадки. И вдвойне удивительно, когда они оказываются хотя бы чуть-чуть верными! Да, маленький человек, я ношу маску.

Человек-кукушка погрузил руки куда-то под подбородок (они исчезли за стоячим воротником), и птичья голова вместе с обширным воротом, клювом, глазными отверстиями и дурацким головным убором осталась висеть у него в руках. Денис не мог удержаться от глупого смешка. Максим скорчил рожу из разряда "а я уж было почувствовал себя в дураках".

Под маской оказалась другая птичья голова - почти такая же, как предыдущая, только чуточку поменьше. И клюв отливал приятной синевой, а не казался концом старой кочерги, да зоб ходил ходуном при дыхании чуть более заметно.

- Здравствуйте, господин кукушка, - от растерянности поздоровался Денис.

Человек-кукушка самодовольно произнёс:

- Привет и тебе, маленький гладкий человечек. Я смотрю, вы заблудились?.. Так то дело поправимое. И всё же, для чего вы отдыхаете в таком неудобном месте? Есть ли в этом какой-то сокровенный смысл?

Прежде, чем Денис успел ляпнуть что-то ещё, в разговор вмешался Максим:

- Никакого. У людей так часто случается. Особенно у маленьких. Когда ты оказываешься в безвыходном положении и к тому же - как раз наш случай - не помнишь дороги обратно, мы просто садимся или ложимся где попало и ждём, пока кто-нибудь нас найдёт. Иногда плачем. Но в этот раз,

- Максим посмотрел на брата и на Варру, - никто не плакал.

- Что же, вас нашли. Что дальше? - человек-кукушка наклонил голову. Денис вдруг понял, что даже не может определить, какого он пола. - Будете вытворять всякие человечьи штуки, которым вас, несомненно, научили отцы? Метать в нас стрелы? Стрелять из громких палок?

Максим помотал головой. У него было лицо человека, который пытается играть в игру, правила которой не до конца ясны.

- Не-а. Попросим вас спуститься и быть здесь, на этой полянке, нашими гостями. Как у себя дома. Вот у нас есть белая морковь. Не изволите ли присесть на эту кочку или на тот большой гриб? Я приглашаю всех, до последней кукушки, - прибавил Максим и многозначительно подвигал подбородком.

"Здесь есть и другие", - понял Денис. Он медленно поворачивался вокруг своей оси, пока не закружилась голова. А потом посмотрел на Варру и увидел, что она неотрывно смотрит в одну точку. Стоило изрядных усилий заметить там, в этой точке, блеск глаз-бусинок. А вон там ещё свешивается чья-то лапа, похожая на толстую лозу выюнка или хвост древесной гадюки.

Господи, да их здесь десятки!

Кукушка как будто заволновалась. Лапы её сжимались и разжимались.

- Но это наш лес.

Максим изобразил удивление.

- Правда? Вот так сюрприз! Я, наверное, пропустил вывеску и коврик у порога. Что же, тогда, значит, мы ваши гости, и это вы должны кормить нас морковью. Экая незадача! Впрочем, эту морковь мы можем предложить вам к общему столу.

- Гости, - произнёс человек-кукушка, будто пробуя это слово на вкус. - Так, говорите, маленькие человеческие птенчики, вы потерялись и готовы даже заплакать?

- Заплакать, - подтвердил Максим и пустил слезу. Денис тоже на всякий случай хотел прослезиться, но ничего не получалось. Глаза оставались отчаянно-сухими и видели всё больше людей-кукушек, будто орган зрения украл у мальчика кто-то более серьёзный и внимательный.

Но это не понадобилось. Люди-птицы вдруг как будто сошли с ума, они падали с деревьев как перезрелые яблоки. Кажется, среди них назревало некое соревнование, правил которого дети не понимали. Денис решил, что сейчас твёрдый как камень клюв оборвёт его жизнь. Он зажмурился, но вместо боли вдруг почувствовал прикосновение жёсткого ветра к щекам. Огромные крылья, будто два пляжных зонта, распахнулись, жёсткие когти сжали его плечи, а в следующее мгновение ноги перестали доставать до земли.

Всё было совсем не так, как полёты во сне. Ветви летели мимо, словно огромные зелёные щупальца морского гада. Денис неосмотрительно распахнул рот, и вместе с комом воздуха туда влетели желуди, вертолетики и прочие древесные семена. Оставалось только надеяться, что среди этого мусора не было жука-оленья: проглотить большого жука было одним из главных Денисовых кошмаров детства.

Доминико летел следом, издевательски хохоча. Денис готов был спорить на что угодно, что в данный момент призрак вовсе не хотел быть живым.

Детей окунули в кроны, как в огромное шелестящее море. Там, внутри, оказались целые поселения этих странных созданий, и Денис потом, бродя среди их исполинских, неряшливых гнёзд, долго удивлялся: как они не заметили всё это снизу, с земли?

В каждом человеке-кукушке была фабрика по производству звуков, вроде "Ку", "Ух", "Чх" и "Х", и эти звуки окружали троих детей и Доминико, словно назойливые насекомые. Птицы выглядывали из гнёзд, собирались в гомонящие рои, в которых из сотни глаз пятьдесят смотрели на пришельцев, рассыпались и уносились по своим делам. Красноротые птенцы с тонкими, как ветки, крылышками-ручками сидели в гнёздах, качая непропорционально большими головами, которые не слушались их, и тогда маленькие ладошки поднимались, чтобы поддержать и повернуть неказистую, похожую на подъёмный кран, голову.

- Не плачьте, ребята, - зычным голосом провозгласил человек-кукушка. Должно быть, тот, который с ними разговаривал; внешне люди-птицы отличались только одежкой. - Как когда-то о наших предках заботились другие птахи, не в силах иногда даже прокормить такую громадину, так теперь большая птаха позаботится о вас.

- Но кто вы такие? – не смог удержаться от вопроса Денис. Он сидел на ветке, обхватив её ногами, и пытался достать из-за ушей застрявшие там пучки листьев. – У меня на родине кукушки – это большие глупые птицы, которые разбрасывают своих птенцов по чужим гнёздам.

- Кажется, мы ещё не имели чести представиться друг другу? Раз вы видите моё настоящее лицо, почему бы вам не называть меня Кукушем? Наши настоящие имена для вашего слуха неразборчивы, а язык скорее усохнет и отвалится, чем сможет что-нибудь такое выговорить. Вполне возможно, что

чутьочку попозже вы познакомитесь с добрым десятком других Кукушей, - он оглянулся на своих товарищей, - так что потрудитесь как-нибудь нас различать.

Теперь человек-кукушка обращался к Денису.

- Видно, ты пришёл издалека, маленький человеческий ребёнок. Великая эволюция кукушек – событие, настолько исключительное, настолько восхитительное по своей сути, что не могло случиться везде и сразу. Прежде всего, нам с вами, двум цивилизованным народам, требуется выпить по чашке чая.

Этот чай немедленно вручили им в хрупких маленьких чашках из слежавшихся листьев. Он был холодным и кислым, и совсем не напоминал чай из жестяной банки, который заваривала дома мама.

Денис просто захлёбывался от любопытства, так, что чашка сразу сломалась у него в пальцах.

- Вы что, просто взяли и отрастили себе большие пальцы?

Доминико кружил перед ним и отчаянно махал руками, призывая замолчать. Кукушки призрака не видели.

Однако Кукуш был сама снисходительность.

- Ценю твоё любопытство, мальчик. Что же, любая маленькая тайна тянет за собой большую. Так вот тебе новый повод удивляться: на самом деле наш род ведётся от наших отцов и матерей. Да, у каждого из нас, кукушек, были *родные* мама и папа. Для тебя это может быть очевидно, но только не для нас. Испокон веков каждый из наших предков рос в отдельном, чужом гнезде. Иные гнёзда были большие, иные такие маленькие, что бедняга-птенец выпадал из него раньше времени. Иные были дуплами, иные - открыты всем ветрам. Иные в траве, иные на верхушке высоченного дерева. Так мы приобрели зачатки индивидуальности. Наши предки не знали настоящих матерей, и со своими детьми поступали точно так же - подкидывали яйца в чужие гнёзда. Но всему приходит конец. Вскормыши разных гнёзд, мы, в конце концов, задумались: а кто мы на самом деле? Существует ли наш вид? Можем ли мы гордиться собой, если не имеем ни истории, ни сообщества? Забегая вперёд, скажу тебе, что в основе и прежде этих понятий идёт то, что мы приобрели каждый сам по себе – индивидуальность. Так или иначе, настало время для великого кукушачьего совета. О, это было великое время! Мы целый год разыскивали взрослых кукушек по всему свету, от начала и до края мира. Был большой собор, который накрыл весь дремучий лес на западе и частично лес голубых ручьев чуть восточнее, сороки-посыльные носились в воздухе, как стрелы чокнутых сиу. И было решено там больше никогда не оставлять детёнышей в чужих гнёздах, чтобы отныне слова "кукушонок" и "подкидыш" больше никогда не ставились рядом. После этого слёта мы странным образом начали чувствовать в себе перемены.

Человек-кукушка выразительно посмотрел на свои руки.

- Это выражалось не только в телесных изменениях. Мы учились мыслить шире. Мы разработали свой язык, стали понимать языки других существ, в том числе и язык ваших отцов, малыши. Теперь давно уже всё по-другому. В знак того, что мы помним о нашем прошлом и знаем, кто породил нас на свет, мы носим маски из лиц наших матерей. Когда родитель умирает от старости, когда соблюдены все ритуалы и из головы его изготовлена маска, только тогда птенец может считаться взрослым.

- Подыгрывай, подыгрывай! - сказал под ухом Макс, так, что Денис вздрогнул.

- Ну, это... довольно мерзко, - сказал он. - Ой!

- Ничего, ничего, - снисходительно сказал человек-кукушка. - Я понимаю, что на ваш, человеческий взгляд это несколько экстравагантно. Лучше хлебни ещё чаю, это успокоит нервы.

17.

- Оставайся ребёнком, что бы ни случилось, - сказал Максим Денису, когда они, наконец, остались в относительном одиночестве. - Эти существа снисходительны только к детям. Взрослых они убивают.

- Я и так ребёнок, - огрызнулся Денис, ошарашенный всем произошедшим. - В отличие от некоторых.

- Но и слишком по-детски не вздумай себя вести, - продолжал поучать Максим. - Они подумают, что ты пытаешься их обмануть. Они набрасываются скопом и способны разорвать человека на части за несколько минут. В их владения не суётся ни одно племя сиу, а в английских и испанских поселениях ходят слухи, что в лесных чащобах водятся звери, способные противостоять любому человеческому оружию. Редко когда посланные туда отряды возвращаются. Иногда - просто ради развлечения - кукушки не нападают на разведчиков, а пугают их до полусмерти, прыгая по кронам, роняя на головы шишки. Показываются на мгновение-другое вдалеке, среди деревьев, и исчезают, как будто их и не было. Разыгрывают настоящий театр теней. Чаще всего после такого представления люди теряют всякое понятие направления и разбегаются в разные стороны. После чего тихо умирают, блуждая по бесконечному лесу в поисках тропы.

- А что дети?

- От детёнышей всех родов и видов они без ума, - сказал Максим. - Но это ты и сам уже заметил.

Поселение кукушек могло сойти за нечто, что могло присниться школьнику после кропотливого изучения учебника истории средних веков и учебника орнитологии. Видно, что к тому, чтобы вить настоящие гнёзда, эти существа были непривычны, однако, старание их было видно невооружённым глазом. Всё, до чего могли дотянуться эти очеловеченные конечности, теперь служило одной, поистине царившей в пернатых головах цели – обустройству домашнего очага. На высоте в десять метров от земли раскачивались поразительные в своей неловкой очаровательности гнёзда, сложенные из высохших веток (иногда даже брёвен), связанных разноцветными тряпками и лоскутами, укрепленных покорёженным железом: щитами, кирасами, насквозь проржавевшими ружейными стволами. Сверху всё это напоминало бобровые плотины, призванные удерживать всякий здравый смысл от проникновения внутрь этих поселений. Располагались такие гнёзда на разных уровнях. Может, люди-кукушки летали достаточно тяжело, но лазали по-прежнему очень ловко, и царили над тобой, просовывая головы в просветы в листве и выкрикивая приветствия, от которых кожу пробирал мороз.

Развлечений и дел у кукушачьего племени была уйма – несколько раз в день что-нибудь непременно обрушивалось и какой-нибудь кукушонок летел вниз, истошно вопя, хлопая крыльями и стараясь уцепиться за встречные ветки. Ценный строительный материал, который перестал быть конструкцией, за считанные минуты растаскивался по соседним гнёздам, ещё больше утяжеляя их и превращая в авиационные бомбы, висящие в паутине.

Гостеприимство также было весьма странным. Из гнезда в гнездо ребят носили исключительно в когтях. То и дело появлялись новые особи, принося какую-нибудь снедь, съедобную (и вонючую), но чаще несъедобную, так и норовя сунуть её детям прямо в рот. Те защищались как могли: Денис отчаянно зажимал рот, Варра молотила руками по сторонам и кричала, что она не хочет есть, а Максим, скрестив ноги и сложив на груди руки, с видом маленького императора принимал одни подношения и отвергал другие, сжимая губы и качая головой. То, от чего он отказывался, шептуньи кукушки тут же пытались предложить его брату и девочке.

Денис с подозрением принимался к тряпью, которое ему дали чтобы защититься от холода, думая, что эти лоскуты, возможно, прежде были платьем какого-то бедняги. В конструкции некоторых гнёзд были заметны пронзительно-белые или же жёлтые кости. Денис боялся узнать в них очертания человеческого черепа.

Максим пытался заговаривать с каждым, кто приближался к детям, но отвечали далеко не все. Наверное, немногие знали человеческий язык; в общении между собой они ограничивались криками, напоминающими звук пилы.

Отличить кукушек-женщин от кукушек-мужчин было очень просто. Первые носили длинные шуршащие платья, сшитые из чего попало, и та, у которой платье состояло из большего количества лоскутов, имела полное право задирать клюв перед соседками. Варра, глядя на них, прикрывала рот ладошкой, мальчишки хихикали в кулак.

Встречаясь на узкой тропке, кукушки раскланивались друг с другом и расходились, как могли. Например, одна повисала на руках на древесном стволе, а другая степенно проходила дальше. В

гнездах они распивали из неказистых глиняных кружек свой странный напиток (в основе его, как вскоре узнали дети, был берёзовый и ягодный сок) с таким видом, будто это чай высшей пробы.

Когда появился Кукуш, благожелательно щёлкающий клювом (дети узнали его по покрою невозможного камзола), и спросил, как себя чувствуют гости, Максим осторожно сказал:

- Нам скоро пора будет отправляться в путь.

- Зачем? - всполошился человек-кукушка. - Неужели вам у нас плохо? Тогда скажите, что нужно? Может, больше еды?

Макс обернулся на своих спутников, увидев как Денис медленно зеленел лицом, сказал:

- Нет, с этим всё в порядке. Спасибо. Нигде нас ещё так хорошо не кормили.

Кукуш надулся от гордости. Собирались другие птицы; понимали они человеческий язык или нет, но на лесть и похвалу были падки не хуже некоторых заботливых бабушек.

- Видите ли, достопочтимая кукушка, - начал Максим очень осторожно. - У меня есть папа...

- То есть как, ты не сирота?

Максим бросил взгляд на обломок стрелы из форта, который он на верёвочке укрепил у себя на шее.

- У меня *был* папа. Точнее, я был у папы. Но потом кое-что произошло и мы разделились. Он остался там, я появился здесь... И теперь я больше всего хочу его найти. Вы, сами когда-то брошенные дети своими родителями, должны понять.

Денис наблюдал за Максимом очень внимательно. В его голосе была скорбь, но какая-то застарелая, покрытая плесенью. Первый раз он сам заговорил об отце, звучало это не слишком правдоподобно. Малыш старался быть естественным, но ключевое слово здесь вовсе не "естественный", а - "старание". Это старание, этот внимательный, пристальный, направленный на себя взгляд, казалось, видят все вокруг. Может, Денис заметил это потому, что общался с братом уже несколько дней и прекрасно научился отличать настоящие чувства от ложных.

Настораживало что-то и в поведении кукушек. Эмоции этих полуптиц сложно было сопоставить с человеческими, но то, что он видел, явно не походило на благожелательное сочувствие. Перья вокруг ноздрей Кукуша распушились, глаза сверкали от еле сдерживаемых эмоций... понять бы ещё, что это за эмоции.

- То есть вас никто не бросал?

Птицы смотрели на Дениса, видно, ожидая, что он, как старший брат, возьмёт слово. Под этими взыскательными взглядами он решился пискнуть:

- Мы потерялись.

Денис чувствовал, что что-то не так, но вот что - объяснить себе не мог. Да, конечно, еда у людей-птиц ужасна, и сложно представить существо, которому были бы удобны эти гнезда, забота навязчива, но поистине удивительно, что на пути им ещё не повстречался кто-то, кто хотел бы причинить ребятам вред. Сиу, люди за стенами форта, теперь же странные создания в глубине лесной чащи - все стремились обласкать их, накормить, выслушать или же рассказать какую-нибудь занятную байку.

- У нас с братцем есть вот это, - Максим приподнял обломок стрелы и все взгляды вернулись к нему.

- Мне нужно найти этих сиу, и тогда, возможно, моя дорога станет чуть более ясной. Это племя Грязного Когтя.

Среди людей-кукушек прошёл шепоток, похожий, правда, на чириканье засевших в кустах воробьёв, которые боятся разбудить прикорнувшего на подоконнике над ними кота.

- О племени Грязного Когтя ничего не слышно уже очень давно. По слухам, они ушли в Пустынь почти четыре десятка лет назад. Мы знаем обо всех племенах сиу, но это племя - загадка загадок. - Человек-кукушка хлопнул в ладоши и, сделав кульбит, вдруг повис на ветке вниз головой, глядя на братьев и девочку блестящими как маслины глазами. Даже тон его голоса переменился. - Ах, на самом деле ты - сын мужчины этого племени и женщины из заморских краёв.

Шёпот кукушечьих голосов всё нарастал, потом взвился в экстазе и в следующую минуту превратился в грохот несущегося по рельсам поезда, от которого, казалось, грозили лопнуть перепонки. Перст Кукуша будто приоткрывал завесу тайны над чем-то поистине великим.

- Ты бастард, изгнанный из человеческого форта, бежал, захватив своего брата-дурачка и какую-то девчонку, нашёл подземный ход древних грибных гномов, которых-уже-нет, и, пройдя по нему, оказался в нашем лесу.

Несмотря на то, что его называли дурачком (что, скорее всего, было вызвано молчаливостью и тем, как серьёзно и продуманно звучала речь Максима по сравнению с нескладными репликами Дениса; вряд ли кукушки имели большой опыт общения с человеческими детьми и знали, какая речь для них характерна), Денис с трудом удержался от того, чтобы ухмыльнуться. Кажется, люди-кукушки - любители сентиментальных историй, вроде тех, которые мама читает по пять десятков за год, а ему, Денису, приходится выносить потом эту гору макулатуры на книжный рынок.

- Не совсем так, - сказал Максим осторожно. - Это свежий обломок. Этой стрелой совсем недавно был убит стражник форта "Надежда".

Гомон на мгновение затих совсем, а потом обрушился на головы с новой силой. Варра, словно стесняясь что её поймут не так, заткнула одно ухо и сделала вид, что готова услышать из птичьих ртов что-то важное.

Но всё что они сказали было: "Значит, всё было не так! Значит, сиу напали... сиу убили всех и ранили твоего папу, а потом забрали его в плен. А вы трое выжили и идёте теперь по следу".

- Ну и опасное же предприятие вы выбрали, человеческие детёныши! - с чувством сказал Кукуш.

Этим птицам, - понял Денис, - что глупым толстым голубям, достаточно кинуть горсть крошек, и они вообразят тебя ходячим батоном.

Максим не стал ничего отрицать. Он опустил голову, как будто не хотел, чтобы кто-то видел, как дрожит подбородок, как собираются в уголках глаз слёзы. Хотя Денису не хотелось снова оказаться центром неуклюжей птичьей жалости, он тоже склонил голову.

Впрочем, люди-птицы на них не смотрели. Они затеяли оживлённую дискуссию, хлопая крыльями и треща ветками, прыгая друг к другу, запинаясь и падая, и мимолётом хлопая кого-нибудь из детей по голове.

Наконец, Кукуш сказал:

- Хорошо, дети! Мы тотчас же вышлем разведчиков во всех направлениях. Будем искать племя Грязного Когтя - если нападение случилось недавно, значит, они не могли далеко уйти. А вы располагайтесь поудобнее. Занимайте любые гнёзда, которые вам приглянутся.

По горящим глазам Максима было понятно, что он готов двинуться в путь прямо сегодня - знать бы куда? - и только излишне навязчивое гостеприимство людей-кукушек, которое стало для них чем-то сродни дыханию, удерживает его. Ну, кроме выбора направления, конечно. А Денис с нарастающим волнением подумал, что эти неизвестные никому сиу вряд ли будут столь же дружелюбны, как остальные.

Но странный коллективный разум людей-кукушек, кажется, имел на этот счёт своё мнение.

- Мы вас не отпустим, дети, в лапы опасности. Кто знает, что на уме этих сиу, теперь, когда они вернулись из своего добровольного отшельничества, - человек-кукушка произнёс это с придыханием, так, что Денис снова вспомнил о маминых книжках. - Мы принимаем тяжесть вашего воспитания на свои плечи! Да! Закончились времена, когда кукушки бросали своих детей! Теперь они будут принимать чужих! Однако нужно заметить, что вести, которые вы принесли, вселяют некоторое беспокойство. Редко когда степные стычки и даже войны срывают с одеяния леса хоть листок, но нужно быть глупцом, чтобы не следить и не интересоваться тем, что происходит вокруг - как очень близко, так и очень далеко. Ведь любой дым, который еле виден на горизонте, может через несколько суток обернуться пожаром у тебя под носом.

Ноздри малыша раздувались. Казалось, он прямо сейчас готов намотать весь их шаткий город себе на указательный палец. Чтобы перевести тему и избежать взрыва (братик явно был немного не в себе, он терпеть не мог, когда что-то шло наперекор его планам), Денис поспешно сказал:

- А можно такие, где нет костей? Гнёзда, я имею в виду!

- Конечно же! - Кукуш был само миролюбие. - Какие вы пожелаете? Из болотной трясины? Из соломы? Есть одно железное, может, оно вам понравится? Сделано из котелка, в котором человеческая хозяйка варила борщ - до сих пор стоит запах такой, что слюнки текут!

- Любые, лишь бы без костей, и не развалились, - робко сказал Денис.

- Выбирайте, какие больше по нраву! - Кукуш распахнул объятия, словно собираясь их, всех троих, обнять, - Я сейчас же отдам распоряжение, чтобы все кости были вынуты из всех гнёзд и убраны долой с ваших впечатлительных глаз.

Сразу же за этим упало ещё несколько гнёзд. Наверное, кости играли в них роль каркаса.

Когда их отпустили выбирать себе гнездо, возник вопрос, что же делать дальше. Варра сказала, испуганно и очень тихо:

- Я не хочу больше есть.

Максим скосил на неё глаза. Его злость на кукушек ещё не утихла.

- Значит, нам нужно поменьше сидеть на одном месте.

И они отправились бродить по птичьему городу. После справедливого ходатайства Макса об ослаблении режима их содержания: "Ну куда мы, в самом деле, денемся? У нас же нет таких прекрасных крыльев, как у вас", детям разрешили свободное передвижение по стволам деревьев и навесным мостикам с верёвочными бортами. Поселение располагалось на разных ярусах, но стоило лишь посмотреть наверх, как тут же находился с десяток желающих помочь, и детей, истошно хлопая крыльями и роняя перья, поднимали на нужную высоту.

Смешно было наблюдать, как разевают рты птенцы, пытаясь дотянуться до пролетающего мимо жука-бронзовки. Варра увидела внизу царственного оленя, который слизывал мох с бока поваленного дерева, а чуть поодаль - всё его семейство. Олениха следила, как делают первые осторожные шаги тонконогие оленята, как они скачут, каждый раз отрываясь от земли так, будто собираются взмыть в небо, и поддерживала когда нужно собственным носом. Животные даже не подозревали о близком соседстве, а между тем, если бы Денис свесился вниз, он бы, может, дотронулся до ветвистых его рогов. Они казались мягкими, тёплыми, как батарея, и красноватыми, как цветущая вишня на закате. Ребята пихали друг друга локтями, стараясь не шуметь, а потом Максим вскочил и закричал во всю глотку что-то нечленораздельное, и - как ветер, что почувствовал вдруг волю к движению! - оленьё семейство испарилось. Хлопая несуразными своими крыльями, сбежались кукушки и стали предлагать человеческим птенцам еду, но они захлопнули рты и споро затерялись в подступающей темноте. Наверху как капельки росы проступали звёзды, воздух похолодел и посвежел. Стало немножко страшно оступить в темноте, но только Денис об этом подумал, как в дуплах и глубоких расселинах в глубине древесных стволов зажглись личинки светлячков. Зеленоватый свет выхватывал из темноты контуры рукотворных и нерукотворных тропинок птичьего царства.

Они не говорили в этот вечер ни о том, что их ждёт, ни о том, через что они уже прошли, ни о том, о чём Денис всегда был готов поговорить - о родном доме. Много смеялись, бегали, так, что где-то в отдалении слышался грохот катастрофы. Дурачились. Когда Денис, неловко упав с ветки, приземлился прямо на шею человеку-кукушке ярусом ниже, а тот, глупо кукукая, принялся возить его туда и сюда, Максим, сняв очки, долго и со вкусом хохотал. Даже на лице Варры вылупилась робкая, похожая на убывающую луну, улыбка. Под конец они танцевали под странную птичью музыку, которую кукушачий оркестр играл, щёлкая клювами, издавая горлом мелодичные ритмичные звуки и наигрывая на палках, на каждой из которых была натянута единственная струна, настроенная каждая на свой лад. Потом катались на самодельных качелях, что обнаружили на самом верхнем ярусе. Когда, сильно раскачавшись, взмываешь в небо, кажется, будто сердце сейчас оборвётся. Когда Денис посреди одного такого полёта поднял веки, то увидел близко-близко перед собой бледное лицо Доминико, сквозь которого он летел. Это стало кульминацией вечера. Отсмеявшись, они отправились спать, выбрав для этой цели просторное жилище, устланное пухом (из толщи его выглядывал испуганный птенец; Денис подумал, что голый лоб его блестит как отцовский нательный крестик).

Денису не спалось. Когда установилась относительная тишина и поводов для веселья больше не осталось, из своих тайных убежищ снова выползли призраки. Не такие, как Доминико, но не менее реальные: вопрошающие, зовущие, напоминающие, рассказывающие прямо на ухо страшные истории. Отмахиваться от них было бесполезно - всё равно, что от комаров. Мальчик пялился в темноту, наблюдая за ленивым перемещением звёзд по небосводу, а потом задал тревожащий его вопрос:

- Что мы будем делать дальше? Снова ждать?

Он слышал, как зашевелился брат. Варра, судя по мерному глубокому дыханию, спала. Она очень странная, эта девочка.

- Надеюсь, не слишком долго. Нам нельзя терять время. То, что ТЕНЬ начинает менять места - более чем плохой знак. Значит, скоро она распространится везде. Значит, скоро доберётся и сюда.

Максим был серьёзен. Мокрое от пота веселье он повесил сушиться на верёвочные бортики гнезда.

- Что же она такое? Значит, она была и раньше?

- Что-то не от этого мира. Говорят, на западе, за великой Пустыней, есть целый океан ТЕНИ, но это не более чем легенды сиу, которые передаются из уст в уста. Эти легенды изобилуют упоминанием о драгоценных металлах, золоте и серебре, которые выступают из песка, словно огромные острова посреди океана. Их беспрестанно полирует ветер, а оправой им служит туман. Испанцы, наверное, единственная нация, кто (кроме, конечно, самих рассказчиков) воспринял эти легенды всерьёз. Они отправили в Пустыню несколько караванов, но ни один до сих пор не вернулся. Зато теперь ТЕНЬ пришла сюда. Её признаки можно встретить вдоль дорог, на вершинах холмов и на болотах. Сначала это было просто пятно абсолютного *ничего*, вроде как лужицы разлитого молока, но потом... Я уже смирился с тем, что ДРУГАЯ СТОРОНА - упрямец, каких поискать. Она очень не любит меняться. Но ТЕНЬ сильнее ДРУГОЙ СТОРОНЫ. Она не играет по правилам. Я мало что о ней знаю. Не знаю в том числе, насколько она разумна. Ты сам видел этот силуэт. Он должен что-то значить.

Денису стало жутко. Он вспоминал муравейники. Они были похожи на неразорвавшиеся бомбы, зарывшиеся тупым носом в землю, в то время как из сопел их сочился дым.

Максим отыскал глазами Доминико. Словно подменяя на дежурстве ночное небесное светило, он парил высоко вверху.

- Ты можешь как-нибудь нам помочь выбраться отсюда? - спросил он.

- Если я покажусь им, они попытаются выклевать мне глаза и повесить на какой-нибудь сосне, что в принципе невозможно, - голос призрака напоминал брюзжание старика, которому прислали из лавки молоко не той жирности. - Даже не знаю, как вам это поможет.

- Нужно как можно быстрее добраться до маяка. И... выяснить, какую роль во всём происходящем играют эти сиу. Грязный Коготь. Слышал что-нибудь о них?

- Не больше твоего. Пернатые не сказали ничего нового. Это, наверное, самый загадочный клан перевёрнутолицых. Испанская корона не видела в них ничего интересного - бедные, как последний нищий на улицах Барселоны. И ничего такого, что хотелось бы отгадывать, в них не было. Они просто нелюдимы. Вот как. Да, было дело, когда они, следуя не то каким-то своим поверьям, не то в поисках неких забытых богов, не то просто от скуки, удалились в Пустыню. И карась меня разрази, если нашёлся хоть один человек, последовавший за ними! И вот теперь, стало быть, вернулись. Зачем? Кто их разберёт.

- Значит, ты должен слетать и разобраться, пока мы не найдём способа отсюда вырваться.

Доминико мигом растерял весь свой пыл.

- Я? Слетать к этим головорезам и убийцам?

- Вот именно. Тем более потерять голову тебе не грозит. А мы пока будем сидеть в гнезде и наблюдать.

Макс задумчиво посмотрел на брата.

- Отныне принимаем с благодарной улыбкой всё, чем захотят поделиться с нами эти кукушки. Нужно усыпить их бдительность.

Денис поморщился. Играть в дочки-матери - не его стихия.

- А ты не хочешь прочитать какой-нибудь стишок, - спросил он, - Что-нибудь, чтобы мы оказались далеко-далеко отсюда.

- Время ещё есть, - сказал Максим. Потом посмотрел на брата и снизошёл до короткого объяснения: - Возможно, наши исчезновения в одном месте и появления в другом, наши игры с ДРУГОЙ СТОРОНОЙ - что "кис-кис-кис" для тигра-ТЕНИ. Нельзя обзывать случайностью то, что мы - именно мы - видели её за последние два дня уже дважды... и в последний раз она едва нас не схватила.

- Ты думаешь, она придёт и сюда?

- ТЕНЬ - это дыра. Прореха. Я хочу сохранить полотно этого мира как можно более целым. Я, видишь ли, к нему привык. Если ТЕНЬ реагирует на словесную магию или мой карандаш, тогда я поостерегусь ими пользоваться без острой на то необходимости. Если она реагирует на само наше присутствие - тогда нужно просто подождать, и она сама придёт сюда. Тогда эта необходимость возникнет.

Денис поёжился, бросив взгляд вниз, туда, где между древесными стволами сгущался сумрак. Но это был обычный сумрак - ни намёка на ту пронзительную, глубокую, как колодец, черноту, что таит в себе что-то... что-то...

- Если *уже* не пришла, - сказал Доминико.

Они с Максимом уставились друг на друга так, будто вместе совершили налёт на конфетный магазин и теперь ждут, что их вот-вот раскроют. Денис терпеть не мог подобных недомолвок.

- Это Варра, правильно? - спросил он, вызвав недовольный взгляд призрака.

Впрочем, Макс, похоже, не прочь был изложить свои мысли.

- Я знаком с такими, как Варра. Доминико, как ты их называешь?

- Болванчики, - с нескрываемым удовольствием сообщил смотритель маяка.

- Всегда была такой, - продолжил Максим. - Я видел этот её день - один и тот же - по крайней мере несколько раз.

Денис вспомнил, как малыш отводил глаза во время их короткой прогулки по лесу.

- Ты не смотрел на неё днём, думая, что она исчезнет так же, как и все остальные.

Максим покивал.

- Столько детей вокруг, - пробормотал Доминико. - Это начинает нервировать.

- Может, она обычный человек, а вовсе не болванчик, - сказал Денис. Ему было обидно думать, что человек, которого он спас от... смерти? Исчезновения? Что там ТЕНЬ делает со своими жертвами - кто бы знал... В общем, если бы девочка исчезла, он бы расстроился.

Максим смерил брата взглядом.

- Так не бывает. Настоящие здесь только мы с тобой, да ещё Доминико. Доминико - бог его знает, почему, а мы с тобой здесь в гостях. Гостям, особенно если они дети, разрешено всё.

- Может, она - лазутчик ТЕНИ, - вдруг сказал старик. - Кто бы ОНА ни была, ОНА отнюдь не глупа. Почувствовала, что мы всё равно улизнём, и как только этот глупыш поддался сентиментальным настроениям, решила подсунуть нам *своего* болванчика. Тебя не удивило, малёк, что других детей рядом не оказалось? Что с дерева спустилась только она? Почему? Она ничем ото всех остальных не отличалась. Знаешь что, Макс, я, наверное, не буду спускаться с неё глаз.

Денис густо покраснел.

- Не стыдно тебе подглядывать за девочками?

- Оставь, - рассеянно сказал Макс. - У тебя уже есть поручение, оно куда важнее. Племя Грязных Когтей... что за секреты оно скрывает?

- Но девчонка...

- Девчонка или исчезнет или никуда не денется. Если ТЕНЬ захочет нас найти, она найдёт нас и без посторонней пары глаз. Это так же просто, как найти ракушку в кувшине с морской водой.

- В один прекрасный момент вы вспомните, что я вас предупреждал, - пробурчал Доминико, растворяясь в воздухе.

Варра всхлипнула и проснулась, будто почувствовала, что стала целью всеобщего внимания. Братья мигом замолкли; впрочем, тихоню, похоже, это не смутило. Мальчишки есть мальчишки. У них свои секреты, хотя, конечно, куда мальчишечьим глупым мыслям до девчачьих, которые охватывают разом весь мир и одновременно каждую травинку?

- Никогда не видела таких существ, - пробормотала она. Пока звучал тихий её голос, даже назойливые насекомые старались гудеть потише, но Денис всё равно наклонял голову на одну сторону: так, казалось ему, он слышит лучше. - У нас говорили, что глубоко в лесах обитает сама смерть, и те, кто вздумал провести гружёные золотом обозы через чащу, никогда не возвращались. Но эти люди-кукушки довольно милые, хоть и назойливые. А это всё правда, что ты им говорил про своего отца?

- Вроде того, - буркнул Максим. Не отрывая глаз, он смотрел в ту сторону, где свернулась калачиком девочка, как будто пытался прожечь взглядом в её лбу дыру. Она, казалось, не чувствовала взгляда; подбородок её, освещённый проглядывающей сквозь листья луной, казался левитирующим покатым речным камушком, который устал лежать на одном боку и вспомнил уроки, который папа-чародей давал возле реки своим деткам.

- И всё же, - сказала она без тени слёз в голосе, но с тягучей задумчивостью, - я хотела бы быть с мамой и папой. Где бы они сейчас ни находились.

Максим опустил взгляд, а Денис почувствовал, как к горлу подступает комок слёз.

Баюкая каждый свою тень, они уснули.

18.

Как бы ни была утомительна и навязчива забота кукушечьего племени, это всё-таки забота. Поэтому когда всё вдруг изменилось, это было для Дениса как ушат холодной воды на голову. Люди-кукушки бросались от них врассыпную как от хищных кошек, выглядывали из-за древесных стволов, из вороха кленовых листьев, блестя злыми глазами. Когти их отливали ржавчиной, перья на шее топорщились, как закрылки самолёта.

- Что с вами случилось? - кричал им Максим, а Денис без толку разевал рот. Он хотел есть.

Пришёл Кукуш; устроился в одном из гнёзд чуть выше ярусом. Он казался чересчур грустным, хотя котелок на макушке блестел по-прежнему строго, а воротник камзола походил на лезвие топора. Приобнял их, всех троих, своим загадочным взглядом, но даже не подумал спуститься, чтобы обнять на самом деле. Максим смотрел на человека-кукушку во все четыре глаза, не отрываясь и не говоря ни слова. Уже вернулись гонцы? Что они узнали? И правда - так быстро новости не прибывают даже в крошечном мире, где сутки едва ли составляют половину нормальных, земных суток. Особенно учитывая, что леса здесь такие же огромные, как и в обычном мире, что поля простираются до самого горизонта (хотя этот горизонт иногда, казалось, сам к тебе подкрадывается, как голодная рысь).

Наконец, Кукуш сказал:

- Мои птицы летали на запад и восток, север и юг. С севера и востока они пока не вернулись, но пришёл гонец с юга.

- Зачем же он вернулся? Куда он успел добраться? Небось, даже не увидел края леса. Отошли его обратно.

Человек-кукушка встопорщил перья вокруг ноздрей, что на птичьем языке обозначало улыбку.

- Это очень старый гонец, и очень забывчивый. Он - ветеран нашей разведки, прыгал по веткам и наблюдал макушки заморских людей или подбородки сиу ещё тогда, когда я птенчиком еле мог разделаться с комаром. Он вернулся, потому что вспомнил, что он уже видел тебя однажды.

Максим, собиравшийся ещё что-то сказать, промолчал, лицо его было так по-детски угрюмо, что даже самое холодное сердце во всём Выборге, наверное, отрядило бы малышу конфету. Но не Кукуш. Он продолжил:

- Ты - ребёнок-юноша, ребёнок-мужчина, ребёнок-старец. Подумать только, что мы открыли наши секреты, приютили тебя в своём гнезде и кормили, как собственных птенцов. Легенды о тебе бродят среди многих племён и народностей.

- Ну, положим, я не такой старый, - пробурчал Максим, а Денис рассердился:

- Это мой старший брат! Может, он и выглядит как сопливый малыш, но до взрослого ему ещё далеко. Я-то знаю! Я видел, как вчера он хохотал над такими вещами, которых взрослый даже не поймёт. Как он играл и дурачился, и качался на качелях. Просто он слишком многое пережил - столько дети не должны переживать. Я видел только краешек, слышал только пересказы, но у меня зубы сводит от одной мысли, если, к примеру, всё это происходило бы со мной... А вообще-то он никогда не станет взрослым.

- Тем хуже, - хладнокровно ответил Кукуш. - Моим братьям очень не понравилось, что вы посмели нас обмануть. Вчера вы ползали здесь и что-то разнюхивали... для каких чёрных дел? Что это, про отца, которого ты потерял, всё враки? Поговаривают о тёмной магии, которая, как хвост за птицей, следует за ребёнком-стариком. Тебя боятся.

Максим ошарашено хлопал глазами и, наверное, думал о том, как так получилось, что в бумажном мире, все попытки изменить который с треском проваливались, вдруг возникли *легенды*, которые якобы *бродят среди многих племён и народностей*.

- Меня везде встречают с радушием, - сказал он. - Моё появление ещё никогда никому не вредило...

Он вдруг замолк, вспомнив, как только что они удирали из английского форта. Так или иначе, Кукуш, похоже, не собирался менять своего решения.

- Мои кукушки очень напуганы.

Он стянул с головы цилиндр, достал из него штуку похожую на пистолет. По крайней мере, у неё было дуло, сильно расширяющееся к концу. Крайне тщательно осмотрел ствол, всыпал в него из маленького мешочка порох, после чего зарядил серым шариком.

- Говорят, что ты бессмертен, малыш-старик. Тем лучше для тебя. Уж, пожалуйста, в следующий раз, как окажешься в этих краях, воздержись от визита вежливости...

- Пойдите! - сказала Варра. Она выступила вперёд. - Господин Кукуш...

- Я не тот Кукуш, - оскорблённо сказала птица. И когда Варра принялась вертеть головой в поисках *вчерашнего* Кукуша, он смилостивился: - Не тот, к которому ты обращаешься. Добавь больше уважения. Тогда я стану *тем самым* Кукушем.

Девочка набрала полную грудь воздуха и выпалила:

- Глубокоуважаемый ГОСПОДИН Кукуш!

- Ну, тут, положим, ты немного переборщила, - пробормотал Кукуш. Он выглядел слегка польщённым. - Да, девочка. Я слушаю.

- Но я ведь на самом деле потеряла родителей. Я не знаю, что с ними случилось. Наверное, я теперь круглая сирота.

Денис подумал, что, должно быть, она ещё не до конца осознала произошедшее. Ведь прошли всего-то сутки, а девочка ходит всё время такая задумчивая... такое бывает, например, когда меняешься во дворе игрушками. Только что выменьянная машинка уже не приносит радости, а игрушечный крыс, которого только вчера считал похожим на половую тряпку, вдруг обретает в твоей голове характер и превращается в могучего, бесстрашного пирата, с которым непременно хочется дружить. Но поздно: пират уже отправился в плаванье, и никогда больше его корабль не причалит к твоим берегам.

- Круглая?

- Как обод твоей кружки.

Кукуш глянул на кружку, мирно стоящую на бортике гнезда, как на что-то, что пыталось убедить его застрелить собственную матушку.

- Тебе нужна забота. Одна-одинёшенька ты в лесу не выживешь, маленькая леди.

Варра обняла себя за локти.

- Было бы прекрасно, если бы вы, достоверные господа и дамы, заботились обо мне как мама и папа... но!

- Но? - послушно и вяло, будто загипнотизированный, переспросил Куруш. Из кустов отовсюду смотрели блестящие бусинки-глаза, и все они были направлены на девочку. Казалось, птицы ждут только его команды, чтобы броситься к Варре с кормом в клювах и одеялами в лапах, а кукушки-женщины уже приготовили носовые платки, оторвав их от своих платьев.

- Но я не останусь, если вы убьёте мальчиков. Они хорошие, правда-правда! Максим самый умный, а Денис спас меня от смерти, хотя совсем меня не знал. Он очень смелый.

- Ну, ладно, - после долгой, томительной минуты (в течение которой он остервенело скрёб свой затылок, будто пытаясь заставить соображалку работать быстрее, чем она может) сказал Кукуш. - Так и будет, дитя. Прощайся со своими друзьями. Может статься, ты не скоро их увидишь. Дорога для них сюда закрыта навечно.

- Спасибо! - хором выдохнули мальчишки. Денис так переволновался, что ставшие ватными ноги едва не сослужили ему дурную службу, отправив с дерева напрямиком на землю. Почти десять секунд мальчишки наблюдали поочерёдно то один глаз Кукуша, то другой. Он о чём-то крепко задумался. И вдруг сказал:

- Учтывая то, что мы навряд ли свидимся, будет нелишним сказать одну вещь: вообще-то разведчик, тот Кукуш, который вспомнил тебя, малыш-старик, принёс кое-какие сведения о сиу. Он показал крылом на самодельный амулет на шее Максима.

- Наткнулся на их лагерь.

Максим вздёрнул нос, как охотничий пёс.

- Где это было?

- Как я уже сказал, на юге. Там, откуда ветер иногда доносит вонь пустыни. Он видел на лесной опушке шатры, похожие цветом и состоянием на протухшее мясо. Видел отличительные знаки Грязного Когтя. Это дурной знак. Надеюсь, эти сиу не пойдут глубже в лес. Впрочем, даже в этом случае у нас есть, чем их встретить. А теперь - ну что же вы стоите! - прощайтесь и прощайте.

Максим повернулся к Варре. Губы его дрожали, а потому речь получилась сбивчивая:

- Ты... я... спасибо! Мы вернёмся... я буду посылать Доминико, узнать, как у тебя дела, а потом мы тебя спасём...

Максим хранил на лице ошарашенное выражение. Кажется, оно стало чем-то вроде маски, которую носил каждый уважающий себя человек-кукушка.

- Просто идите, - шепнула она, глядя на Дениса. - Пока они не передумали - идите!

Максим повернулся и, шагая как деревянный солдатик, пошёл прочь. Глядя на его затылок, Денис вдруг подумал, что перед ним вовсе не ребёнок, как он сам только что утверждал, а... мужчина, пусть даже завёрнутый в такую забавную обёртку. Его на самом деле поразило то, что сказала Варра. Здесь, на ДРУГОЙ СТОРОНЕ, для него ещё никто и никогда не делал ничего подобного. После Выборга, тенистого двора в оправе из светлых крон черёмухи, когда папа и мама готовы за тебя в огонь и воду, а ты - знай капризничай и играй со своими игрушками, законы ДРУГОЙ СТОРОНЫ, наверное, показались Максу ведром холодной воды на голову.

Никто не помог им спуститься на землю, но не тут-то было! - у мальчишек лазанье по деревьям в крови. Денис слышал что-то о касте неприкасаемых - это такие люди, вроде бы в Индии, к которым другим людям запрещено прикасаться. Он всё думал - почему же? Может, они больны какой-то заразной болезнью? Или очень боятся щекотки? Теперь всё стало ясно. Неприкасаемые - люди, которых откуда-то выгнали. Изгой, на которых иногда боятся даже посмотреть.

Теперь они сами стали неприкасаемыми для птичьего племени.

Несмотря на горечь от обиды, которую он почувствовал на языке, коснуться ногами земли было непередаваемо приятно. Если бы все люди переселились на небо, паломничество на землю стало бы для них сродни путешествию на самый дорогой и привлекательный курорт. Она душистая, как слегка залежавшийся хлеб, хрустяще-мягкая, тёплая... восхитительная.

- У меня, наверное, морская болезнь, - рассеянно сообщил он брату. - Я скучаю без твёрдой земли.

- Морская болезнь - это совсем другое, - ответил Максим. - Это когда терпеть не можешь морскую воду.

Он вдруг ударил себя по лбу.

- Как мы найдём юг? Мы забыли спросить, в какой стороне юг, а солнце здесь из-за густого леса не видно. Даже не сразу заметишь, взошло оно или село. Эй, слышите, кукушки? Скажите, в какую сторону нам идти!

Но набухшие семенами кроны какого-то большого дерева только просыпали на голову лесной мусор. Где-то насмешливо стрекотала белка. Прислушавшись, можно было различить далёкое: "Ку-ку... Ку-ку". Только и оставалось, что признаться самому себе: они просто задремали, укутанные в лесной сумрак, как в пуховые одеяла. А Варра - та просто ещё не вернулась со своей охоты за ягодами.

Денис сказал:

- Ты, наверное, научился читать по мху или по тому, как дует ветер. По звёздам, в конце концов. Звёзды мельче солнца, их, наверное, можно будет разглядеть сквозь листву. По звёздам умеет читать любой герой из книжек о приключениях. Моби Дик, опять же.

На лице Макса была растерянность.

- Обычно я спрашивал у Доминико. А на судне у нас был корабельный компас. Такая здоровенная штукавина, рядом с которой запрещено было даже дышать громко.

- Так позови его. Ты же можешь, правда? Мы уже знаем, где стоят эти *"Грязные Ногти"*.

Денису не хотелось смеяться над собственной шуткой. Ему было страшно. Если эти сиу и вправду кого-то убили, может, стоит обойти их стороной?

- Уже позвал. Если он успел отлететь достаточно далеко, он...

- Да здесь я, здесь, - пробурчал Доминико, возникая у них за спиной. - Зачем так кричать, Макс? У меня из ушей едва вода не полилась.

Денис готов был броситься духу на шею. Максим же взгляделся в бумажное лицо (сейчас измятое так, будто из него кто-то неумелый пытался сложить журавлика) и вдруг спросил:

- И далёко же ты летал?

- Конечно! - ворчливо сказал дух. - Парил над облаками.

- Ты никуда не летал.

Призрак несколько секунд раздумывал, что бы такое сказать, а потом признался:

- Я испугался. Ты хотел сделать из старого смотрителя маяка военного разведчика? А вдруг *они* и вправду как-то связаны с ТЬМОЙ? Всё это время я сидел в кустах, смотрел как вы развлекаетесь. Когда запахло жареным, хотел было припугнуть твоих ненаглядных кукушек, но тогда благодаря этой странной девочке всё обошлось. Ну не смотри на меня так, Макс! В конце концов, тебе всё равно едва не пальцем ткнули в этих сиу. И если хочешь знать моё мнение, нам не стоит...

- Покажи мне, куда идти, - грозно сказал Максим. - И если вдруг мы не найдём их лагерь, тебе лучше бы держаться от меня подальше.

- Хорошо, - понуро сказал призрак. - Только не кипятись, пожалуйста. Мне кажется, тебе неплохо было бы поучиться манерам общения у твоих новых пернатых друзей. Ты заметил, с какой безукоризненной вежливостью он собирался тебя застрелить?

Он простёр руки к Денису, будто требуя у него поддержки:

- Вот что значит детская попа, выросшая без ремня! Суёт пальцы в огонь. Кричит на старших и к тому же мёртвых людей. Никакого сладу нет.

Но какими бы ни были душещипательными стенания Доминико, скоро маленький отряд снова отправился в путь. Старик показывал, где лучше пройти; Денис боялся, что вскоре они снова наткнутся на изгородь из колючих кустов или чего похуже, но спустились они на твёрдую почву совсем в другом месте: гуляя по тропкам птичьего города, нюхая растущие в самодельных горшках полевые цветы, можно было одолеть порядочные расстояния. По счастью, рядом оказалась речка, пыхтя и выдыхая тучи брызг, она прокладывала себе путь через низко склонившиеся деревья, иногда с ворчанием перелезая через их корни. Над водой носились серебристые птицы.

Идти было трудно. Земля стонала и грозила ссыпаться в воду даже под весом Максима. Кусты волчьих ягод глядели на них налитыми глазами. Речушку то и дело приходилось переходить по сваленным стволам деревьев с одного берега на другой. Денис чуть было не свалился в воду трижды, Максим едва не потерял очки, вовремя подхватив их у самой воды.

Зато здесь было солнце, оно ступало по водной глади и, отражаясь, направляло свои лучи, будто несущие благодать стрелы, в лесную чащобу. Верхушки растущих у самой воды лопухов выгорели до белизны.

- Как ты думаешь, что будет с Варрой? – спросил Денис.

- Имеешь ввиду, если она не растворилась в воздухе, как только мы спустились на землю?

- Я верю, что так и есть.

- Ты плохо знаешь этот мир.

- Похоже, мы с тобой тоже его не очень хорошо знаем, - сказал Доминико.

На это у Максима не нашлось аргумента.

Возле одной из запруд, где течение более или менее успокаивалось, Денис остановился, чтобы взглянуть на собственное отражение. Что сказали бы родители, увидь они его сейчас, загорелого, с облупившимся кончиком носа, с волосами, которые напоминают подстилку для хомяка? С царапинами на шее, и губами, прежде пухлыми (особенно выделялась нижняя губа), а теперь – высохшими и истончившимися, как полоса песка во время прилива?.. По пухлой нижней губе раньше узнавали маминых сынков, холёных малышей, которые режут и зовут родителей по самому малому поводу. Денис никогда себя к таким не относил, но только теперь понял - он *был* маменькиным сынком. Все мы маменькины сынки, пока не оставим родительский дом и не попытаемся жить более или менее самостоятельно.

Конечно, он ужасно скучал по тёплому, пропахшему пылью и собачьей шерстью, но такому родному домашнему настроению.

Что сказал бы теперь папа? - Денис выпятил подбородок, проверяя, стал ли он более угловатым и мужественным. - Уж теперь-то у них нашлось, о чём поговорить.

Например, о Максе.

Водная гладь подёрнулась рябью. Опустившись на корточки, Максим набрал воды в ладони и жадно стал пить. Денис, скосив глаза, некоторое время смотрел, с каким удовольствием брат пьёт, потом спросил:

- Что там были за записи, как ты думаешь? Отец мечтал написать книгу... он даже стол купил, как у настоящего писателя, на какой-то распродаже. Видел бы этот стол! Он похож на трансформера, который трансформируется... ну, в ДРУГУЮ СТОРОНУ, например. Может, это и была его книга? Книга, которую он начал писать и не закончил? Ты говорил, что она стала для меня воротами на ДРУГУЮ СТОРОНУ... так что же, это произошло само по себе? А вдруг папа какой-то особенный писатель, и вместо книжки создал дыру в другой мир?

Максим оторвался от воды. Он молчал, наблюдая брата, как профессор наблюдает за экспериментом всей своей жизни, который отнял от этой жизни уже как минимум половину. Поблёскивая очками, он походил на неуклюжую бескрылую стрекозу, которая захотела попробовать, каково это, быть человеком.

- Это неправильный вопрос, - наконец сказал он.

- Чем же он неправильный? - возмутился Денис. - Должны же мы понять, почему вдруг здесь оказались?

- Я тебе уже говорил.

- Ну, хорошо, - Денис наморщил лоб. - Я здесь очутился потому, что хотел найти тебя. А как здесь очутился ты? Ты что, когда-то пошёл гулять и заблудился? Или ты тоже забрался к папе на чердак без спросу и залез в его записки? Неужели ты уже тогда умел читать?

- Не-а. Не умел.

Максим повёл подбородком - осторожно, бережно, будто смотритель музея, который переносит с хранилища на центральный стенд в самой-большой-зале хрустальную вазу, гордость какой-нибудь

китайской династии. Как умеет только он. Макс сказал, что давно уже забыл лица папы и мамы... Интересно, помнят ли в таком случае *они* хоть что-нибудь? Хотя бы эти характерные движения и ужимки, которые могут принадлежать только одному человеку, и никому другому.

И тут Денис начал понимать.

- Как ты здесь очутился? Скажи мне.

- Это правильный вопрос.

- Ну, так ответь!

Денису вдруг почудилось, что он стоит перед огромной, окованной железом с искусным литьём, дверью, за которой... за которой прячется *ничто*. И есть дорога назад, но нет другой *верной* дороги, кроме как вперёд. И он готов взяться за дверной молоток и постучать.

Дверь распахнулась прямо ему навстречу. Максим моргнул, и в его глазах вдруг мелькнуло детское выражение. Взгляд, которым может смотреть на мир испуганный маленький мальчик.

- Я... умирал не единожды, - сказал он. - Но ты никогда не спрашивал, как я умер в первый раз. Иногда я думал, что хочу тебе рассказать сам, иногда, что нет. Но сейчас, похоже, придётся.

- Это что, очень смешно? Или глупо? Ты с горы, что ли, свалился? Или ловил лягушку и случайно утонул в болоте? Или переодевался, и как раз надевал майку, когда из лесу выбежали волки и съели тебя?

- Это было не здесь. Это было там, - Макс ткнул пальцем себе под ноги, - в нашем с тобой настоящем мире. Меня сбила машина. Я играл с мячом на подъездной дорожке, когда мама сдавала задом на своей девятке и не заметила, как я переползал дорогу. Наверное, когда она вылезла из машины и меня увидела, то подумала что задавила котёнка. Я играл на газоне и был грязный, как чёртик из табакерки.

- Что было потом? - тихо-тихо спросил Денис.

- Я проснулся на ДРУГОЙ СТОРОНЕ. Что было там, я не знаю.

- Мама не водит машину.

- С тех пор, наверное, не водит.

Вдруг всё встало на свои места. И странное поведение родителей, когда Денис расспрашивал их о брате, и сопли воспитательницы... тётя Тамара наверняка помнит малыша Максима, она рассказывала, что начала работать в детском саду ещё будучи студенткой. И всё-всё-всё.

Денис скрипел зубами. Он вдруг вспомнил своё детское возмущение, когда тётя Тамара поведала ему о брате. Сейчас возмущение было другим. Взрослым. Злым, как у побитой, загнанной в угол собачонки. Не находилось слов, кроме самых обычных, обрыдлых и глупых.

- Почему... почему мне они ничего не рассказывали?

В голосе клокотали слёзы. Денис не собирался их стыдиться. Он лишь хотел узнать правду. Макс передёрнул тощими плечами. Казалось, серебристые солнечные копыя пронизывали его хлипкое, почти невесомое тело насквозь. Захотелось протянуть руку и почувствовать тепло, чтобы удостовериться, что оно никуда не утекло из этой разрисованной непонятно кем маски. Удивительно, как она похожа на того, кого призвана изображать! Удивительно, как правдоподобна эта пародия на жизнь.

Денис вдруг до хруста в зубах захотел домой.

- Ну, знаешь, я ничего не знаю о человеческих отношениях, - рассеянно сказал Макс. - Может, хотели поскорее забыть... Этот рассказ, что папа хранил на чердаке - он про меня. Про мальчика, который был капитаном корабля. Папа рассказывал, что пишет книгу. Раз пятьдесят, наверное, пересказывал начало: как в шторм корабль идёт на свет маяка, но маяк вдруг гаснет, и корабль нарывается на рифы. Малыш-капитан (он говорил, что этот малыш - я) единственный добирается до твёрдой земли, используя обломок носовой части, как плот. Он поднимается на потухший маяк и находит там умирающего зрителя.

Денис посмотрел на Доминико, который, печально качая головой, внимательно слушал рассказ малыша.

- Смотритель умирает на руках у мальчика, и в благодарность за поднесённый напоследок стакан воды смотритель остаётся помогать малышу даже после смерти. Папа рассказывал мне этот отрывок перед сном много-много раз. А потом я засыпал, так что не знаю, что было дальше. Глаза у него горели как звёзды, и я, засыпая, совершал путешествие к этим звёздам на парусной бригантине. Я так его любил.

- Я не успел прочитать и десятой части, - сказал Денис. - Но знаешь что? Отец так и не дописал этот роман. Он убрал его в стол. Наверное, ты по-прежнему жив для него там, на страницах... но братец! Мы обязательно вернёмся домой! Мы... они обязательно снова тебя увидят!

Максим не выказывал особенного энтузиазма. Он вытерпел объёты Дениса, как и слёзы, что капали за шиворот, а потом сказал:

- Сначала нужно добраться до маяка.

Пусть Макс и утверждал обратное (больно много он знает!), но Денис отныне был уверен - братья каким-то образом очутились в книжке. Подумать только - несколько скупых абзацев превратились в целый мир! По нему можно путешествовать долгие годы, знакомясь с мирными и не очень, кочующими и осёдлыми племенами, под липким дождём минуя затерянные среди холмов селения. Отец придумал и описал гордых, величественных, вечно пьяных "цивилизованных людей с большой земли", которые только и спрашивают, где здесь можно взять специй. И карандашная рисовка вокруг, и *ничегошеньки*, которую брат с призраком так любят, (Денис был уверен, если ещё представится возможность на неё взглянуть, он непременно разглядит желтоватую текстуру старой бумаги, а может, протянув руку, даже ощутит её шершавость).

- Интересно, а лица у этих сиу... - произнёс Денис. - Папа их такими и задумывал?

- Одна из загадок ДРУГОЙ СТОРОНЫ, которая никогда не будет разгадана.

- Мы обязательно спросим у отца, как только вернёмся домой.

Максим не стал говорить что-то вроде: "Если вернёмся". Мальчики просто поднялись и плечом к плечу последовали дальше, с таким видом, будто в случае необходимости, если лес, к примеру, станет непроходимым, продолжат свой путь прямо по водной глади.

19.

- Тсс! Ты слышишь? Как будто песок сыпется! - сказал Денис.

Они шли уже достаточно долго. Солнечные лучи, натурально видимые в дрожащем над водой воздухе, окрасились в багровые тона. Речушка значительно расширилась в своих берегах и превратилась в довольно-таки полноценную реку. Большой удачей было то, что путникам с ней было пока по пути; если бы они говорили с речкой на одном языке, то могли бы идти рука об руку и весело болтать.

Впрочем, после откровенного разговора, состоявшегося между братьями, Денису болтать не хотелось.

Тогда-то он и услышал этот странный звук; зародившийся где-то за гранью внимания, он постепенно становился всё громче. Даже шум воды не мог его заглушить. Денис посмотрел налево: кажется, источник был там, в стороне от реки, где кроны деревьев смыкались, как вечные, надменные стражи сумрака, и расступались вновь, не в силах устоять перед очарованием небольшой полянки. Розовую эту проплешину, похожую на родимое пятно, ровным слоем покрывали ромашки и колокольчики, и какие-то безмянные жёлтые цветы. Престарелый отец полянки – могучий ясень, что упал в незапамятные времена, – до сих пор догнивал там, посередине, поблёскивая влажной корой и выдыхая к вечеру тучи комаров. Земля по краям разбросана и разрыта: барсуки или еноты, должно быть, приходили сюда искать червей.

И что-то ещё лежало рядом с останками дерева. Что-то невнятное, большое, рыхлое, кажется, мохнатое. И совершенно недвижимое.

- Доминико, что это там? – спросил Максим.

Но Доминико пропал, будто его и не было.

- Не представляю, как этот трус исчезал, когда ещё не был бесплотным, - в сердцах пробурчал Максим. - Наверное, он для того и жил так высоко в маяке, чтобы реже показываться кому-то на глаза.

Денис вдруг обнаружил источник звука прямо под ногами. Он присел, окликнув Максима.

В прелой листве тут и виднелись кучки коричневого песка. Так, будто он просыпался из дырявого мешка или кто-то вытряхнул его из своего сапога. Песок всё время звучал так, будто куда-то сыпался, даже если при этом спокойно лежал на одном месте.

- Что бы это могло быть? - спросил Денис. Он проделал в кучке пальцем отверстие. Песок был холодным и неприятным на ощупь, будто прибыл в эту влажную страну из самых древних на свете пирамид. Потом посмотрел вверх, в небо, гадая, откуда тот мог просыпаться. Он слышал, что бывают такие дожди, когда с неба падают рыбы. Может, бывают и такие, когда вместо воды льётся песок? Может, его приносят медного цвета тучи со стороны пустыни?

- Это то, что осыпалось с их сапог... - шёпотом произнёс Максим. Глаза его расширились, казалось, во все стёкла очков.

- С чьих сапог?

- С сапог сиу Грязного Когтя. Они пришли из пустыни напрямик сюда и принесли на сапогах песок... отвернись! Не смотри вниз!

Денис послушно отвернулся. Он и так уже тёр глаза. Когда смотришь на песок, казалось, перед глазами встаёт пелена, вязкая, мутная, как слюна больного старика.

Он очень хотел, взглянув вновь на брата, увидеть ХРАБРОГО Максима. Но здесь был только испуганный мальчик. Тогда он поймал маленькую вспотевшую ладонь и шагнул в сторону от реки, по направлению к рыхлой груде возле упавшего дерева на полянке. Нужно было что-то делать. Нельзя было так просто развернуться и уйти.

Неподвижно, будто комок в манной каше, в воздухе висел запах. С каждым шагом он становился всё тяжелее. Возле поваленного ясеня мальчик разглядел округлости ноздрей, язык с белым налётом, высывающийся из пасти... недвижимый язык. Медведь - не медведь - то было нечто среднее между грозой лесов и огромным барсуком. Так или иначе, зверь был мёртв, а из бока, чуть выше правой передней лапы, торчала стрела с красным оперением. Ещё две или три торчали из шеи; они были сломаны.

- Она здесь! - пискнул Максим.

Но ТЬМОЙ не пахло. Мир по-прежнему радовал красками, хотя заботы до них у мальчишек сейчас не было. Хоть бы и правда всё стало чёрно-белым, нарисованным на полях тетрадки, так, чтобы можно было взять карандаш и заштриховать, зачеркнуть всё неуютное. Или раздобыть ножницы и изрезать на клочки осточертевший лес, вырваться наконец на простор, где можно закрыв глаза и распахнув руки бежать навстречу ветру.

- Доминико, - позвал Денис, не особенно рассчитывая на ответ.

- Ну и что ты разорался, мальчик? - сказал призрак, выныривая из какого-то дупла. - Здесь я.

- Струхнул?

- Не без этого, - признался призрак. - Но ЕЁ здесь нет.

- Видел что-нибудь интересное? Что нам делать?

Доминико покачал головой.

- Мне бы за фонарём следить... смотреть на горизонт, запирать дверь на ночь, бросаться в альбатросов кожурой от семечек тыквы и лениво размышлять: "Кто же в этом месяце принесёт из деревни еду?" Откуда я знаю, что нам делать? Вон там, дальше, ещё дохлые звери. И сзади. В воде полно дохлой рыбы. Единственное, что я могу посоветовать, это расправить плавники и смыться отсюда, пока ОНА не вернулась.

Дети повернули обратно, к реке, молча, но торопливо, не обращая уже внимания на промокшие ноги, на царапины, полученные от хищных лап шиповника. Денис крепко держал Максима за руку. Доминико парил посередине реки, словно опасаясь, что с какого-нибудь берега на него кинутся порождения безлунной ночи.

Даже вода теперь шумела не так, с каким-то стеклянным звуком. Казалось, если бросить в поток что-нибудь тяжёлое, по ней побежит трещина. Но Денис не решился швырять ничего в воду. Это заведомо казалось очень глупым, как если бы ты, едва умеющий плавать, решил искупаться в затаянном ряской водоёме без дна. Солнце скрылось за тучами, по ногам побежал холодок.

Берега, свободные (или почти свободные) от растительности, впрочем, расширились. Доминико сказал, что идти осталось не так далеко.

Мёртвые звери встречались тут и там. Отвратительный запах плыл среди деревьев, и Денис с осторожностью дышал ему навстречу, делая короткие отчаянные вдохи ртом и как можно более продолжительные выдохи. Это, впрочем, не слишком помогало. Запах будто пропитывал тебя насквозь. Мёртвые птицы висели на ветвях деревьев, бессильно раскинув крылья, лежали меховыми комочками на земле. В груди у них были стрелы. Олениха лежала, как будто запутавшись в собственных ногах. Она не шевелилась. И рядом с ней тоже маячило красное оперение, будто красивое, но смертельно ядовитое насекомое. Кроваво-крылые бабочки смерти. Каждое тело дети обходили за десяток шагов. То тут, то там под ногами слышался скрип песка, то загадочный, то резкий, как боевой клич. Так или иначе, этот звук заставлял детей трястись от страха.

О том, чтобы встать на ночлег, не было даже речи. Денис, дыша как загнанная лошадь, думал, что не остановится, даже если они вдруг набредут на поляну, полную сладкой клубники, и Максим, похоже, считал так же. У них есть вполне надёжный проводник. Если, конечно, очередные мрачные предчувствия не заставят его спрятаться в панцирь матушки-земли - кажется, именно туда он прячется, когда дело начинает пахнуть жареным. Как страус, только целиком. Для призрака это раз плюнуть.

Чащобу как будто окунули в стакан с крепким чёрным чаем. Пошёл дождь и почти сразу прекратился, тем не менее, усугубив сумрак. Доминико маячил впереди большим, едва светящимся пятном. Он аккуратно вёл их в обход больших скоплений мохнатых тел, но всё равно их было прекрасно видно.

Один раз Денис, подняв глаза, не увидел перед собой статную фигуру призрака и устало подумал: "Вот оно, началось". Но не успел он сказать об этом Максиму, как Доминико вернулся, представ перед ними вырывающимся из-под земли паром.

- Там, впереди, кое-что *другое*. Вам лучше посмотреть самим.

Братья снова взялись за руки, и пошли в указанную сторону. Никому этого не хотелось, но ещё меньше хотелось поддаваться мольбам уставших коленей, которые говорили: "Не ходи больше никуда!".

Снова тушка зверька, на этот раз дикобраза. Но вместо стрелы в его боку был какой-то странный предмет. Его прекрасно было видно в кольцах белого тумана, нити которого путались в длинных чёрных иглах. Денис наклонился ниже, не веря своим глазам.

- Я первый раз вижу такое оружие, - пробубнил за их спинами дух. - Эта штука не из этого мира.

- Это же отвёртка. Оттуда, откуда мы с Максимом родом.

Да, обыкновенная отвёртка. Потёртая пластиковая её ручка, не то синего, не то зелёного цвета, говорила о том, что инструмент часто был в пользовании.

Денис протянул руку, но братик звонко шлёпнул по ней ладонью.

- Не трогай!

- Но это отвёртка! У папы была похожая в его сундучке инструментов. Только, кажется, поменьше. Что это значит?

- Знаю, что это может значить только одно, - сказал Максим. - ТЕНЬ близко. Она здесь недавно побывала, но это не значит, что она не вернётся. Идёмте, идёмте же скорее, нам нельзя останавливаться.

Увидев, как подавлен малыш, Денис решил не спорить. Он и сам чувствовал себя не лучше.

Теперь туман был виден невооружённым глазом. Белая его пряжа стелилась между чёрными громадами стволов. Ночные птицы молчали, только светляки ползали в расселинах и трещинах, да на фоне неба иногда можно было заметить силуэт мотылька.

Следом за отвёрткой была найдена шариковая ручка, застрявшая в грудной клетке какой-то мелкой птички, ножницы, связка ключей, стариковская трость. Последняя выразительно торчала из ствола могучего дуба, как будто упала с неба и едва не перешибла огромное дерево пополам. Потом река внезапно, как голодная пантера, взревела на порогах бурным, бурлящим потоком.

- Там кто-то живой, - кричал Макс, размахивая руками и дёргая брата за рукав. - Видишь? На другом берегу.

- Что? - переспросил Денис. Вода шумела, будто оркестр, состоящий из одних барабанщиков. Но он тоже заметил движение.

Этот "кто-то" тоже их увидел. Он прыгнул в воду и почти полминуты боролся с течением. Вот он уже на середине, вот выплыл на спокойное место рядом с берегом, послышалось шумное, протяжное дыхание. Ноздри, наполовину погруженные в воду, надували множество маленьких чёрных пузырьков. Мальчишки ждали, схватившись друг за друга. От существа, как от плывущей утки, клином расходились волны, и что-то ещё. Что-то тёмное, что Денис сперва принял за поднятый со дна ил.

- Кто-то всё-таки выжил, - радостно сказал Макс.

Впрочем, вскоре этот повод для радости показался Денису весьма сомнительным.

Поднимая тучи брызг, на берег выбралась настоящая гора и, оскальзываясь, полезла по крутому берегу вверх. Кусты, за которые медведь (а это был он) пытался уцепиться, с корнями вылезали из земли. В боку у него зияла рана, в которой застряла стрела и что-то похожее на черенок от лопаты. Кажется, именно это и нарушило душевное равновесие могучего зверя.

Денис схватился за голову.

- Зачем ты засунул медведя к реке?

Максим тоже прижал руки к голове.

- Но мне же нужно было куда-то их деть? Ты хотел населить ими весь лес! Бежим!

Они бросились к чаще, почти не разбирая дороги. Доминико на этот раз не исчез (не удивительно, ведь непосредственно ему зверь ничем не угрожал) и витал впереди, показывая наиболее удобную дорогу.

Но медведь есть медведь. Когда он ломится через заросли с энергией урагана, а у тебя всего лишь пара не слишком-то длинных ног, несложно будет посчитать свои шансы.

Здесь Макс споткнулся и едва не полетел кувырком через тушу медвежонка. Видно, маленький и большой медведи состояли в непосредственном родстве, потому как за спиной послышался взбешённый рёв. Денис очень живо представил, как недобитый родитель рыщет впотьмах и, истекая кровью, ищет хоть кого-то живого, чтобы отомстить за малыша. Уж конечно, он считал, что всё, что передвигается на двух ногах, заслуживает его ненависти.

Денис не мог найти слов, чтобы переубедить медведя. Опустив глаза, он увидел, что в боку бедняги-медвежонка торчал зонт. С погнутыми спицами, с весящей, словно перья у старого ворона, лохмотьями материей.

Денис потянулся, чтобы схватить зонт. Не ахти, какое оружие, но Макс растянулся по земле, а время стремительно убывает, как дождь, впитывающийся в засушливую почву.

- Нет, не трогай! - завопил Максим. - Пусть лучше...

Но пальцы Дениса уже сомкнулись на изогнутой в форме вопросительного знака ручке. В голове всё уже случилось: медведь выскочил из кустов, и смертоносное остриё чёрного зонта-трости впилося ему в грудь, выпуская, как воздух из воздушного шарика, остатки жизни. Но случилось только в голове. Вместо этого какую-то часть жизни потерял сам Денис.

На секунду показалось, что рука пропала вовсе, только пустой рукав полощется на ветру. Потом - что рука на месте, но зонт, как меч-в-камне, который взялся вытащить самонадеянный мальчишка, окатил его волной холодного презрения: "Ты ли будешь мною сражаться?". Потом презрение исчезло, исчезли и туша медвежонка, и крик Макса, и отчаянный треск веток. Остался только холод, который полз от предплечья выше, к плечу, выше, к шее, сковывал зубы, язык, трахею. И всё это

исчезало, так как вокруг, везде, был только лёд, бесконечные ледяные просторы, а как отличить один лёд (пусть когда-то он был человеком) от любого другого?..

Когда всё вернулось, Денис мог делать только одну вещь - бесконечно впускать в лёгкие воздух. Он вдыхал и выдыхал - казалось, место в груди не закончится никогда. Зонта больше не было в руках: им теперь владела Варра, щуплая девочка и по совместительству истинный король Артур этих лесных краёв.

Она даже не думала исчезать. Зверь вырвался из подлеска, закрутился на месте, потеряв ориентацию. Потом маленькие, налитые кровью глазки нашли врага. Зонт в руках Варры со щелчком раскрылся прямо в медвежью морду, брезент ударил его по нижней челюсти, и... нижней челюсти не стало. Какое-то мгновение братья созерцали беспомощно болтающийся язык и красное небо, а потом медведь просто пропал. Запах из его пасти ещё ощущался в воздухе. От оставшихся на земле кровавых следов шёл пар.

- Варра, - сказал Денис. - Ты...

Девочка повернулась к ним, всё ещё сжимая в руках зонт. Мальчишки бросились врассыпную, как испуганные мыши. Казалось, она не знала, что делать дальше.

- Там, дальше, на ручке, есть кнопка, - подсказал Денис. - Нажми её, и зонт сложится.

- Что такое зонт?

- То, что ты держишь в руках. Он должен защищать от дождя, но я ещё ни разу не слышал, чтобы он защищал от медведей.

Дениса трясло; всё ещё чувствовался холод, пустота вместо конечностей, и слова, свободно лившиеся сейчас изо рта, помогали ему ощущать себя живым.

Купол зонта закрылся. Глаза Варры были ровно булавки.

- Как ты от них сбежала? - спросил Денис, помогая брату встать на ноги. - Как ты уговорила их тебя отпустить?

Девочка бурлила праведным гневом, как чайник, который забыли снять с огня.

- Кого отпустить? Кто отпустить? Вы просто бросили меня в лесу! Сбежали, как самые настоящие трусы, пока я собирала ягоды. Впрочем, что ещё ожидать от мальчишек? Когда я вернулась, то увидела, что вас нет. Тогда я пошла по следам. Слава Господу, это было легко. Топтать-то вы горазды.

- А как же люди-кукушки?

- Какие ещё кукушки? - спросила Варра. - Ты не видишь, что всё вокруг мертво? Кукушек, наверное, тоже кто-то застрелил.

Денис беспомощно оглянулся на Максима. Тот не казался слишком удивлённым. Скорее он казался человеком, получившим подтверждение тому, что правила привычного ему мира ещё так или иначе работают. Куда больше его беспокоил зонт, которым Варра небрежно поигрывала. Он всё ещё казался чужеродным, как наклеенная поверх раскраски картинка. Где-то рядом был туман. Он тянул тонкие свои усики к зонту и отдёргивал их, когда Варра в сердцах топала ногой.

- Мне не стоило вас спасать. Пусть бы вас лучше задрал медведь, - она посмотрела на Доминико, который крутился тут же. - Как ты, старый мёртвый человек, мог такое допустить?

"Старый мёртвый человек" пробурчал, что умер в самом расцвете сил, но больше ничего не сказал.

Мальчишкам только и оставалось, что уныло кивать головами. Денис хотел рассказать девочке про людей-кукушек, - не может быть, чтобы её слова: "Максим самый умный, а Денис спас меня от смерти, хотя совсем меня не знал" так просто канули в небытие. Это казалось жутко неправильным. Но Максим взял брата за руку, тем самым связав ему язык.

- А ягоды я съела! - сказала, наконец, Варра. - Все, до единой. Так и знайте.

Она посмотрела по очереди сначала на одного, потом на второго брата.

- Что ж, если у вас нет в планах немедленно погнать меня прочь, мы можем идти дальше. Лес скоро кончится. Я чувствую движение воздуха. Всё так смердит, но я чувствую. Мама мне всегда говорила, что у меня хороший, "верный" нос. Кто, однако, убил всех этих зверушек?

Максим, наконец, подал голос:

- Послушай, ты не могла бы выбросить эту штуку? Она опасна.

Варра презрительно поджала губы.

- Ни за что. Я пойду впереди и буду вас, малыши, защищать.

Денис покачал головой:

- И как ты не испугалась, когда бросилась отбивать нас у медведя?

Варра на мгновение замерла. Потом призналась:

- Очень, очень испугалась. Но ещё больше я испугалась, когда увидела, что ты схватился за эту штуку и вдруг начал исчезать. Ты стал выглядеть даже бледнее, чем этот прозрачный господин. И я больше не думала. Я вырвала у тебя зонт, а дальше всё случилось как-то само.

- Но с тобой всё в порядке...

Девочка пожала плечами.

- Наверное, я сделана из какого-то другого мяса. Меня, вместе с братьями и сёстрами, родили мои мама и папа, а вас двоих - ваши. Чему же тут удивляться? Если бы у нас было время, я бы на чём-нибудь погадала. Спросила бы у букашек, почему так, а не иначе. Но если вы хотите знать моё мнение - здесь просто ужасно. Лучше убраться подобру-поздорову.

Откровенно говоря, после всех этих переживаний братья готовы были грохнуться на землю прямо здесь и уснуть самым крепким из всех возможных снов. Но попробуй не согласиться с человеком, в руках у которого оружие! Даже если это оружие - просто зонт.

И они двинулись вслед за Варрой. Доминико заставил своё тело мягко светиться и стал похож в своих одеяниях на огромный ночник, привносящий в полный горестно заломленных ветвей лес частичку домашнего уюта. Всё вокруг было похоже на театральные декорации, оставленные на ночь для утреннего спектакля. Когда Денис оборачивался, он видел катившийся следом за ними туман - единственное проявление жизни в смертельно раненой роще. Словно висящая на стене добрую половину твоей жизни картина, на которой вдруг задвигалось, зашевелилось... нечто. Да ещё река, которая теперь никуда не торопилась, а текла тихо, почти вкрадчиво. Там отражалось чёрное, затянутое низкими облаками небо. Ровно потолок. Денис вспоминал, как они с отцом однажды после прогулки не пошли домой, а принялись гулять по стремительно вечеряющему Выборгу, а потом по Выборгу ночному. Гуляли и болтали о том, почему звёзды падают с неба, почему луна круглая, как кромка стакана, почему некоторые птицы ночью не спят, а поют и забавляются в садах, словом - о всяком, и мама звонила папе, она не ложилась до их возвращения, а пекла ватрушки с сахаром. И совсем не ругалась. Максим тоже что-то вспоминал, но по лицу его нельзя было понять, что именно. Когда становилось трудно идти и деревья выступали на них плотным строем, укрепляя свои ряды молодой порослью, Варра тыкала перед собой сложенным зонтиком. Денису мерещилось, будто трость в её руках превращалась в косу, а то - в копьё или пику, и лес расступался, будто орда ночных кошмаров перед сочащимся сквозь веки светом утра. Дышать становилось легче.

- Ничего тут страшного и нет, - обыкновенно говорила Варра. Голос у неё был усталый, но по прямой спине Денис имел возможность созерцать её упрямство. - Видите? Вы, мальчишки, поразительно неловки. Стоит пустить вас вперёд, как забредёте в такую чащу, из которой только женщина может вывести.

Мальчики не спорили. Они просто шли за Варрой, мечтая удержаться на ногах хотя бы до утра.

20.

Шатры Грязного Когтя ждали их прямо на опушке. Один за другим дети выстроились перед ними в линейку. Жилища сиу выглядели как вещь, утерянная нерадивым хозяином так давно, что вряд ли этот хозяин впоследствии о ней вспомнит. Если спросят, он улыбнётся и скажет: "Неет, не было у меня никаких красных шатров. На кой они мне сдались? И вот этой хрупкой конструкции для сушки рыбы и разделки туш тоже не было. И коз, которые обглодали этот куст облепихи. И холмиков песка везде вокруг, выглядящих как не выстоявшие против жары и ветра песчаные замки".

- Это их стрелы были везде там, в лесу? - спросила Варра.

Максим кивнул, и тогда она прибавила:

- Значит, и у нас в форте были их стрелы. Значит, если мама и папа по-настоящему мертвы, - вот те, кто в этом виноват.

Максим покосился на зонт в руках девочки.

- Может быть, твоя палка не причинит им вреда.

- Это не простая палка, - сказала Варра. - Это от дождя!

Как бы то ни было, они взялись за руки и вышли на открытое место. Среди шатров там бродили люди, их перевёрнутые лица выглядели седым пеплом над остывающим костром. Они не были заняты обычными для *сиу* делами - теми непонятными для постороннего глаза мелочами, которые, по некоторым поверьям, приводят в движение механизм, который вновь и вновь поднимает солнце в небо. Они просто-напросто шатались без дела. Голые ступни шуршали по песку. На сушилке для рыб болталось несколько рыбьих скелетов, с глухим звуком стукались они головами. В черепе мёртвого буйвола жили гадюки, никто не подумал убрать их подальше от детей, которые тоже бродили здесь, будто отбившиеся от стада животные.

Солнце бросалось на детские глаза как разъярённый россомаха.

Денис ожидал увидеть луки, из которых выпускали *те* стрелы, но руки перевёрнутолицых, кажется, были пусты. Из их колчанов, сделанных из сыромятной кожи, просыпался лишь мусор, когда те стукались друг об друга.

- Они какие-то... жалкие, - сказала Варра. Зонтик она всё ещё держала наизготовку.

- Посмотри на их глаза, - сказал Максим.

Но Денис уже и сам видел. Там была темнота, как в глазницах театральной маски, которую Денис однажды видел в питерском музее. Из ртов показывал свои длинные щупальца туман. Сами *сиу* выглядели как тени, неразумно выползшие на солнце.

- Они прокляты, - шумел за их спинами Доминико. - Порождения ТЕНИ! Разве вы не видите? Зачем мы вообще сюда пришли?

- У Варры есть оружие, - сказал Денис ему. - И мой брат тоже кое-что умеет. Если они вдруг нападут на нас, мы...

Максим, ни слова не говоря, пошёл вперёд, и Денис, схватившись за голову, последовал за ним. Он ожидал в любой момент окрика на птичьем языке *сиу* (или какой язык у этих пустынных жителей? Змеиный?), но не дождался. Десять шагов... Пятнадцать... Он смотрел вниз. Когда в воздухе послышался слабый запах каких-то пряностей, Денис поднял голову. Люди исчезли. Шатры были похожи на аттракционы заброшенного парка развлечений, которые издали выглядят что надо, и даже вывеска, кажется, вот-вот загорится приветливым неоном, но ты подходишь ближе и видишь, что у гигантской статуи Деда Мороза отсутствует добрая половина корпуса, а внутри свили гнёзда воробьи, да торчат во все стороны ржавые арматурины. Что американские горки больше похожи на останки динозавра. Что на обрывках газет, которые раньше ютились в будке билетёра, а теперь разбросаны всюду вокруг, можно разглядеть дату за добрых пять лет до нынешнего дня. И невольно начинаешь задумываться: "Где я был пять лет назад, когда это чудное место встретило свой конец?" Каркасы шатров давно уже разошлись и походили на старых голубей, которые только и могут, топорща перья, хранить остатки тепла и с тоской смотреть в синее небо. Каждый порыв ветра, который срывался отсюда в путешествие по степи, на мгновение возвращал лагерь к жизни: хлопали пороги шатров, слышались скрипы, трески, шуршания, которые при большой доле фантазии можно было принять за тихий людской разговор. Кое-где валялись кости; сложно было определить, человеческие они или звериные. Максим, наверное, мог бы сказать. И Доминико мог. Но они молчали.

Доминико всё не мог успокоиться. Он летал кругом и заглядывал в каждый шатёр. Отлетал к опушке, с минуту разглядывал лагерь индейцев, а потом с воем бросался обратно, и всё начиналось сначала. Он не мог понять, как это на свете могут существовать такие приведения, которых нельзя поймать, посадить на краешек луны или в любимом подземелье и поговорить по душам, как и полагается двум добрым мертвякам.

- Пойдёмте отсюда, - в конце концов взмолился он. - Здесь жутко!

- Эти люди стали ЕЁ жертвой. Они исполнили ЕЁ волю и исчезли, - пробормотал Максим. - Мир сходит с ума. Люди не должны так запросто пропадать из него, он не может всего этого понять.

Братья вдруг почувствовали небывалое умиротворение. Денис нашёл старое кострище и просто вдыхал его запах. Максим бродил всюду кругом, будто здороваясь с бывшими обитателями сего места. Варра наконец оставила зонтик - она каким-то совершенно привычным движением раскрыла его и положила как будто бы сушиться - и вернулась к своему обычному меланхоличному настроению.

- Сюда ОНА больше не вернётся, мой дорогой призрак, - сказал Максим. - Разве ты не чувствуешь? Это место - как пустая... пустая...

- Обёртка от шоколадки, - пришёл на помощь Денис. - Выброшенная прочь обёртка. Значит, здесь безопасно будет отдохнуть?

- Прислушайся к своим ощущениям.

Денис боялся, что если он прислушается к своим ощущениям, то грохнется спать прямо здесь, где стоял. Спать рядом с золой и видеть во сне, что она ещё тёплая - что может быть лучше?

Варра тихо всхлипывала. Она зачем-то нацепила на голову перья сиу, и теперь придерживала их рукой, чтобы не унесло ветром. С уголков глаз срывались слёзы, и это вдруг сделало её в глазах мальчиков куда более человечной, чем раньше.

- Я была готова подраться с этими сиу, хотя никогда в жизни не дралась, - сказала она. - Не знаю, где сейчас мама с папой, но надеюсь, им так же спокойно, как и мне. Эти сиу, даже если и виноваты, знают момент, когда нужно уйти навсегда.

Она села возле потухшего костра, а потом легла на спину.

- Никуда больше не пойду. Хочу остаться здесь.

Как маленькие кутята дети подползли друг к другу, прижались и, свернувшись калачиком, уснули.

ТЕНЬ поджидала по ту сторону бодрствования.

Во всяком случае, Дениса.

Она пришла в облиии Варры, будто девочка поняла правила этой игры и теперь легко, словно перебрасывая из ладони в ладонь мячик, путешествовала по чужим снам. Но то была другая Варра.

- Вернулся, братец? - спросила она приветливо.

От неожиданности Денис застыл, в нерешительности покачиваясь с носка на пятку, и вдруг обнаружил себя в дверном проёме. Варра стояла по ту сторону и смотрела на него, вытирая руки о передник.

- У меня нет сестры, - сказал Денис. Это было единственное, что он мог утверждать со всей уверенностью в данных обстоятельствах, когда даже входная дверь вела не в прихожую, а напрямик на кухню, как будто он, Денис, вошёл с улицы через окно.

Он неловко вылез из кед, наступая себе на пятки.

- Ты, наверное, соскучился по домашней еде, - сказала девочка. - Проходи, присаживайся. Я нагадала тебе гуляш с гречневой кашей.

Денис попытался, и не смог вспомнить, где он успел отвыкнуть от гречневой каши. Кажется, он питался огромными костями, иные из которых были тебе по пояс, а до иных ещё нужно допрыгнуть, глодал их где-то в пустыне, среди пирамид. Он почувствовал зверский голод, но решил поосторожничать и прежде поинтересоваться, где родители.

- Я их не видел, кажется, целую вечность, - признался Денис и замолчал, глядя через плечо девочки. В зале, освещённом так, как будто там сияет на новогодней ёлке гирлянда и отсветы от разноцветных шаров плывут по стенам и потолку, мельтешили чьи-то тени. Он узнал широкие плечи отца, его кудлатую бороду. Где-то за ним скорее чувствовались, чем наблюдались, плавные мамины движения.

Денис сразу успокоился. Плюхнулся на стул, заглядывая в тарелку и заранее предвкушая гору распаренной, вкусной каши, непременно с маслом и с веточкой укропа, как делала мама. Варра укроп не положила, но, в конце концов, это не обязательно. Не сказать, что прежде он был в восторге

от этого кушанья - как и любой ребёнок, Денис предпочитал шоколадные батончики – но, как альтернатива большим костям (которые, наверное, приходилось разгрызать, чтобы добраться до костного мозга), содержимое тарелки просто не имело цены. Когда мальчик окунул в тарелку ложку, крупа застучала, как речные камешки. "Это и есть речные камешки", - понял мальчик. Полная тарелка. Чтобы не расстраивать новоявленную сестру, Денис сделал вид, что так и должно быть, но только он поднёс ложку ко рту, кто-то сказал маминым голосом:

- Варра, девочка! Кто это?

Варра положила на столешницу нож, которым чистила от кожуры луковицу, посмотрела на Дениса и подмигнула.

- Кто? Не знаю. Кто-то из будущего.

Денис открыл рот, но не смог сказать ни слова: из его рта с грохотом посыпались гольши. В дверях стояла мама и смотрела на него, как на приبلудившегося пса. Мальчик поднял руку чтобы пригладить волосы - возможно, дело в том, что его шевелюра не касалась расчёски уже довольно долгое время, - и уколол руку о еловые иголки и репы. Вдруг всполошившись, окончательно уверился в том, что родители его не узнают. Он что, теперь всегда будет чужаком в этой семье?

"Это она здесь самозванка", - хотел закричать Денис, но не смог. Взгляд в панике метался по строгому маминому лицу. Вот он опустил ниже, на раздутый, выпирающий из-под платья её живот, полный чего-то тёмного, вязкого...

Денис зажмурился крепко-крепко, как умеют только дети, когда играют в прятки и хотят, чтобы их не нашли. Вспомнил о магии слов, вдруг ни с того ни с сего решив, что это магия мысли. Закричал внутри своей головы: "Это она здесь самозванка!!!!".

Мама исчезла, исчезла кухня, исчезла тарелка с камнями, и дверь, через которую он вошёл и за которой, на самом деле, была улица. Осталась только Варра; она улыбалась. Меж внезапно ставших редкими зубов клубился туман. Лицо её стремительно чернело; оно будто высыхало под безжалостным пустынным солнцем, и кожа слезала с него прямо на глазах, а под ней, а под ней, а под ней...

ТЕНЬ.

Когда Денис, весь в холодном поту, открыл глаза, первое что он увидел - влагу под носом у младшего-старшего брата. На стёклах его очков также блестели капли, а нижняя губа нервно подрагивала.

- Ты кричал, - сказал мальчик, с испугом уставившись на брата.

- Дурной сон, - хмуро ответил Денис, садясь и отряхиваясь, как притащившая только что из болота подстреленную хозяином утку охотничья собака. Плечи ныли от неудобной позы, в которой пришлось спать, икры болели от изнурительного путешествия по лесам. Кострище больше не пахло чем-то родным и домашним. Оно было не более чем неприятной, душной горкой пыли. Денису хотелось чихнуть, но он побоялся, что эта малость разнесёт пыль по всей округе.

- Ты мне снилась, - сообщил он Варре, которая подняла голову и смотрела по сторонам, явно не понимая, где находится. – Я пришёл домой, и Мама с папой не узнали меня, как будто я им чужой. Ты была на нашей кухне и готовила еду, а потом растворилась в чёрной черноте. Вроде той, которой боится Доминико.

- Я и сама от неё не в восторге, - пробурчала девочка. Ямочки на её щеках углубились, превратившись в натуральные волчьи ямы, а в глазах... Денис готов был поклясться, что видит там позавчерашний день.

Она сочла необходимым оправдаться:

- И я не хотела похищать твоих родителей. Просто у меня теперь нет своих, наверное, поэтому ты видел меня у себя дома. Но мне ничего такого не снилось. А какие они, ваши родители?

- Папа с такой огромной курчавой бородой. Чёрной, как вакса. А мама тонкая и строгая. Правда, постоянно всё забывает. И читает слишком много детективных романов в мягкой обложке.

Денис поглядел на Максима, и ему не в первый раз показалось странным: почему братец не спрашивает о родителях? Он же их совсем не помнит – сам признавался. Разве не великая это штука – помнить? Когда ты такой молодой, ты запоминаешь каждую мелочь. Всё вокруг как само собой разумеющееся, и само собой разумеющиеся вещи – что солнечные зайчики, которые знай себе исчезают из твоей головы, отправляясь на прогулку, короткую, только до двора и обратно, или неизмеримо долгую, как у Снусмумрика. Только когда встречаешь человека, ребёнка, который растерял всех своих солнечных зайчиков, понимаешь, насколько важная это вещь.

Денис был широкой души человек, поэтому он махнул рукой, отмахнувшись вместе с тем и от сложных мыслей.

- Ладно уж. Это всё равно всего лишь сон. Заглядывай иногда. Только, пожалуйста, делай так, чтобы я был дома, а ты будто только что пришла.

Кажется, эти слова понравились Варре, хоть она и сказала: "Всё это, наверное, тебе нашептали здешние призраки". Однако его самого всё ещё бросало в дрожь при воспоминаниях о тумане, который, будто дым из жерла вулкана, валил изо рта девочки. И как потом её лицо стало чёрным, как угли. И как глядела мама – так, будто первый раз его видит, будто Денис ей неприятен... или это только так показалось?

На лицо Макса вернулись привычные краски. Видя, что с братом всё в порядке и что ему ничего не угрожает, он направил взгляд к горизонту. Смеркалось, и, судя по решительно сжатым губам малыша, им снова предстоит идти ночью.

Кажется, накануне, грохнувшись спать, Денис забыл подумать об окружающем пейзаже – о том, как рад он был после тесноты леса, похожей на пыльный мешок, в который складывали землю, снова увидеть простор, до края которого не долетит ни одна стрела. И Денис готов был поклясться, что видит здесь если не стрелу, то лук уж точно. Лук – огромная дуга неба над головой, и стоит протянуть руку, как ощутишь пальцами биение тетивы – горизонта. Ну а стрелой... стрелой пускай будешь ты сам.

Денис был готов лететь вперёд, без завтрака, без того, чтобы найти ручеёк и немного взбодриться, поплескав на лицо. Без того, чтобы проверить, в каком состоянии обувь и не собирается ли она развалиться прямо сейчас – а, между прочим, в шатрах племени Грязного Когтя можно было найти иголки и нитки. Маму бы разозлило такое легкомысленное отношение к еде и собственному здоровью, но сейчас Денис старался не думать о маме. Нет, он по-прежнему скучал, но стоило закрыть глаза, как кожей начинал чувствоваться этот чужой, чуть ли не враждебный взгляд.

- В темноте будет отлично видно путеводный огонь, - сказал Максим, снова будто разговаривая сам с собой. - Когда мы дойдём... если мы дойдём, мы, наверное, найдём там что-то восхитительное. Или не найдём ничего. И тогда это путешествие, как я и говорил, станет самым ненужным путешествием на свете.

- Это я говорил, вообще-то, - встрял Денис.

Максим окинул его отсутствующим взглядом. Ковыряясь в носу, он выглядел отнюдь не глупо: словно генерал, на закате тяжёлого, кровопролитного боя, в котором полегли почти все его солдаты, который размышляет, каким бы из героических способов ему умереть. Денис почувствовал лёгкую зависть: хотел бы он уметь так же!

- Что ж, пусть ты. Не видел Доминико?

- Наверное, улетел к маяку, на разведку.

- Он не мог. В маяк должны войти мы вместе. Если он вернётся туда один, то случится нечто непоправимое. Быть может, он исчезнет, как будто его и не было.

- А ты? – спросил Денис.

- Я не исчезну, - самоуверенно сказал Максим. – Я буду всегда.

Дениса не слишком волновала судьба приведения. В конце концов, на то он и бесплотен, чтобы меньше попадать в неприятности! Мальчик оглядывался по сторонам: возможно, в одном из этих шатров могла остаться еда, но даже если так, вряд ли она способна возбудить аппетит даже у трёх голодных детей. Порыв немедленно сорваться с места, как соскучившаяся по полёту птица, уже прошёл, зато дало о себе знать кусачее живое существо, что живёт внутри, прямо за пупком, и смотрит, должно быть, через него на мир, как в дверной глазок.

- Сейчас, сейчас, - бормотал Денис, пытаясь успокоить своего дракончика, и беспомощно оглядывался по сторонам.

Он бы съел сейчас даже гречневые гольшки из сна.

Мысль о Варре в переднике заставила его нос чувствовать в воздухе фантомные запахи не то жареной, не то пареной пищи. Денис готов был съесть даже варёную свеклу, которую дома не жаловал.

- Варра, - спросил он, найдя глазами девочку. - Что у нас на завтрак?

- Скорее, на ужин, - заметила Варра. Она не любила размытые определения и всегда стремилась внести точность.

Денис воспрял духом.

- Тогда - на ужин!

- Ничего. Ты что, не видишь, какая вокруг пустота?

Денис разочарованно выпятил нижнюю губу.

- Мы можем вернуться в лес, и...

Он вспомнил о мёртвых зверюшках, свалывшуюся шерсть и слипшиеся перья, и сглотнул слюну, которая вдруг показалась горькой. Как он мог даже о таком подумать?

- Какая мерзость! - воскликнула Варра. - Ты хочешь, чтобы мы *ещё раз* убили тех бедных зверей?

- Мясо уже вряд ли к чему-то пригодно, - заметил Макс. - Времени прошло достаточно.

- Может, тогда, ягоды или грибы... - беспомощно сказал Денис.

Он оглянулся на лес (который окрестил про себя кукушкиным) и окончательно отказался от этой идеи. Ветви качались на фоне чернеющего неба, будто пытаясь отчиститься таким образом от какой-то липкой грязи. Иногда движение воздуха вдруг приносило со стороны чащи зловоние. И, в конце концов, Денис в отчаянии воскликнул:

- Ну приготовь что-нибудь! Ты же женщина.

- А ты должен быть добытчиком, - хладнокровно парировала Варра.

Денис хлопнул себя по лбу.

- А как же волшебство? Так это я мигом.

Он ненадолго сосредоточился, потом принялся извлекать из воздуха булочки для тостов, грецкие орехи, листья салата, молоко в стакане (которое, как оказалось позже, нельзя было ни выпить, ни вылить), помидоры, такие красные, будто они собирались вот-вот детонировать, огурцы, похожие на рвущиеся в небеса ракеты. Мяса не было: каждый раз, когда Денис брался описывать куриную ногу, перед глазами вставали мёртвые зверюшки. Свалывшаяся шерсть их пахла нафталином и как будто щекотала горло, отчего у мальчика начинались рвотные позывы.

Впрочем, и того, что он смог описать, было более чем достаточно.

К изумлению всех действующих лиц (и в особенности скептического наблюдателя - Макса), получилось довольно неплохо. Варра покрошила все ингредиенты на листья салата, сдобрила горошковым перцем, который рос прямо здесь, между двух шатров. Даже картонный привкус отошёл на задний план, напоминая о себе разве что угловатостью очередной булочки. Тем не менее, девочка осталась недовольна:

- Тебе стоит ещё попрактиковаться в волшебстве. Всё это, похоже, нигде не росло. Я даже боюсь предположить, откуда оно могло появиться.

Ужин завершился, когда окончательно стемнело и от бывшего стойбища сиу остались только силуэты, которые, кажется, можно было легко повалить, задев ногой. А то и пройти насквозь.

Неуютное ощущение, будто вокруг декорации спектаклей, которые больше никогда не будут поставлены, не покидало Дениса.

Пора было трогаться в путь. Теперь этого хотели все. Холодный ЗОВУЩИЙ СВЕТ мерцал на горизонте. Он казался значительно ближе, пламенел, как налившаяся соком винограда и притягивал все взгляды. Ни Денис, ни его брат не могли сказать, когда он зажётся. Или, может, огонь там, на маяке, горел весь день, просто из-за яркого солнца его не было видно?

- Расскажите мне об этом огне, - попросила Варра. Она очень точно угадала по лицам мальчиков, что у них на уме.

Ребята ответили одновременно:

- Это что-то, что, может, вернёт нас домой, - сказал Денис.

- Это что-то, что может спасти этот мир, - задумчиво сказал Максим.

Денис, посмотрев на брата, неуверенно засмеялся, но Макс не ответил. Серьёзный, он восседал на камне, на котором, наверное, точили сиу свои ножи и копья, как малолетний король.

- Спасти от этого? - спросила Варра, не уточняя, что имеет в виду. Каждый в этом маленьком кругу был в курсе происходящего. - А зачем ОНА съела всех этих сиу? Они что, не подчинились?

Денис задумался: откуда девочка знает, что ТЕНЬ предпочитает женское обличье? Макс, кажется, ничего не заметил, а вот Доминико исполнился бы подозрениями, если б только не исчез без следа.

- Всё очень сложно, девочка, - осознанно или неосознанно копируя интонации взрослого, сказал Макс. Варра посмотрела на него, как на своего младшего брата, но что-то заставило её придержать вертевшуюся на языке ехидную фразу про малышей, которые думают, что они самые умные на белом свете. - Представь, что всё на свете - не такое, каким является. Люди, которые живут в своём крошечном мирке, думают, что разбираются в том, как надо жить и как надо умирать... Во всяком случае, в своей-то жизни точно разбираются. Глупыши! Знанию, когда и что сеять, чем болеет скот и о чём секретничают дети, далеко до знания законов вселенной.

- А ты как будто всё знаешь.

- Я ничего не знаю и мало что понимаю, - спокойно ответил Макс. - Но зато я не боюсь это признать.

Он огляделся, окинув лагерь равнодушным взглядом.

- Кстати, я всё ещё не слышу этого несносного испанского брюзгу.

Денис понял: где бы ни был Доминико, он бы не потерпел такого к себе обращения и через секунду появился бы перед ними, выговаривая малолетним спутникам всё, что о них думает.

Наверное, заблудился, - сказала Варра.

- Доминико знает этот мир лучше любого старика сиу. У старика сиу была всего одна жизнь, у Доминико - две, пусть одну он и просидел на одном месте. Зато теперь навёрстывает упущенное, как может.

- Может, он совсем рядом, - Варра ткнула пальцем себе под ноги. - Заблудился здесь, как те тени.

Посоветовавшись, они отправились на поиски, разбрелись в разные стороны, напряжённо вглядываясь в пространство. В быстро сгущающихся сумерках было трудно что-то различить. Денису казалось, что любой шаг может прийти в кроличью нору, а потом все исчезнут, и ты будешь лежать здесь со сломанной ногой, взывая о помощи долгие часы до утра. Тем не менее, он почти не боялся. Сиу больше не опасны (иначе они, уж конечно, воспользовались бы своим шансом и напали на детей, пока те спали), и ни одного живого существа на много километров вокруг, будто двое мальчишек и девочка прозевали нарисованную мелом черту, которая предупреждала о смертельной опасности. Ну и кого, спрашивается, теперь бояться, как не самих себя?

Как раз, когда Денис обдумывал эту мысль, слева раздался голос Варры:

- Это он! Вон он, я его вижу.

Сначала Денис ничего не мог разглядеть. Он поймал себя на мысли, что больше не может понять, с какой стороны они пришли и куда направляются, но потом отыскал огонёк маяка и успокоился. Такой тёплый! Там обязательно должно быть что-то хорошее.

Но потом он понял, о чём говорит Варра. По тарелке степи бродили слабо светящиеся фигуры. Наверное, вблизи их не разглядеть: они же просто как слегка светящийся туман, ты можешь принять его, например, за сигналы, которыми голодный желудок пытается дать знать о своей проблеме. Среди них одна как будто бы светила ярче остальных. Она была выше и размахом плеч напоминала пропавшего призрака.

Макс был тут как тут; он приложил ко рту руки и закричал:

- Эй, Доминико! Что ты там делаешь?

Но столб белого тумана даже не шевельнулся. Он напоминал дым от свечи, горящей в абсолютном безветрии.

- Он как-то попался в ловушку, - Макс бегло оглядел своих спутников. Указательный палец правой руки он держал возле рта, как будто хотел сказать: "Шшш..." - Повезло, что не попались мы. Наверное, Доминико был ближе *физически* к этим существам, и, пока мы спали, они утащили его к себе.

- К себе - это куда? - спросил Денис. - И как нам ему помочь?

- Кто знает? - ответил Макс сразу на оба вопроса.

- Тогда как ты собрался его вызволять?

- Я не знаю, как эти тени соотносятся с ДРУГОЙ СТОРОНОЙ, - сказал Максим. - Я могу случайно выпустить их к нам, сюда, а могу напротив, поместить нас троих в эту ловушку. Маяк уже так близко, что я просто не могу рисковать.

- То есть мы просто пойдём дальше, бросив его там? - вмешалась Варра. Она обняла себя за плечи и ошутимо дрожала, хотя вечер был абсолютно безветренным и тёплым.

- Может, после того, как мы доберёмся до места назначения, я придумаю способ вытащить этого старого испанца, - неохотно сказал Максим.

Денис смотрел на брата во все глаза. Стёкла очков малыша сверкали строго и непреклонно. Это ли его всемогущий брат, могучий малолетний волшебник? Как могло так получиться, что он бросает на произвол судьбы единственного друга? Но в глазах Макса теперь был только свет маяка. Он словно мотылёк, позабывший обо всём на свете, готов насадить своё брюшко на шаровую молнию раскалённой лампы и познать блаженство, пусть даже на секунду перед смертью.

Денис не мог с этим согласиться. Вонзив ногти в ладонь, он воскликнул:

- Чепуха! Я отправлюсь туда и спасу его.

- Как же ты это сделаешь? - спросила Варра.

- Как раз плюнуть, - обнадежил её мальчик и, посмотрев на Максима, едва не сел в траву.

Перед глазами вдруг встало самое сильное, наверное, жизненное переживание. Вспыхнуло ярко, как лампочка посреди тёмной комнаты: он, Денис, ещё малявка, выросший на мультфильмах и считающий, что дельфины и в самом деле спасают людей с тонущих кораблей и водят возле морского дна хоромы вокруг морской ёлки, поскользнулся на траве и рухнул в пруд, уйдя под воду с головой. Когда открыл в воде глаза (папа уже бежал к берегу, на ходу сбрасывая ботинки), подёрнутое иссиня-чёрной мутью дно приближалось, медленно раскачиваясь, словно делая робкие шаги в сторону малыша. Мальчик не пытался выплыть: он наблюдал огромную рыбину, которая, лениво двигая плавниками, подплыла так близко, что, кажется, могла ущипнуть его за нос. Денис готов был поклясться - размером она была с настоящего Флиппера! Он уже собирался ухватиться за верхний плавник, чтобы рыбина доставила его прямо к поверхности, когда понял, что она не собирается его спасать. Она хотела только посмотреть, что можно будет отщипнуть от обитателя поверхности, когда он перестанет дёргаться и станет кучкой ила на озёрном дне. Мальчик приготовился открыть рот, чтобы закричать и при этом наверняка захлебнуться, когда рука отца порвала плёнку водной глади и ухватила его за волосы.

Такие же глаза, как у той рыбины, были сейчас у Максима. Там не было страха за жизнь брата, не было готовности помочь. Он хотел только одного - отправиться в дорогу, да поскорее. Как Гарри Поттер, ждущий возле своего окна сову с письмом из Хогвартса и готовый при первом же знаке

броситься собирать вещи, не взглянув даже на скучную престарелую мать и собаку, которая давно уже выросла из смешного щенячьего возраста и смертельно надоела.

Денис не хотел видеть таким Макса и потому зажмурился.

- Я смогу, - сказал он, но никто не собирался его переубеждать. Впрочем, и Денис говорил это больше для себя. - Дай мне карандаш.

У него была безумная идея. Наверное, Макс не воспринял бы её серьёзно, а Доминико раскритиковал, со свойственным ему скепсисом сообщив, что в этом уголке мира так не принято, но Денис был готов её воплотить. Во всяком случае, попробовать.

Макс отдал ему волшебную палочку и отступил, с бесстрастным выражением наблюдая за братом. Казалось, будто ноги его уже далеко: приминая высокую траву, а иногда скрываясь в ней почти полностью, они спешили к маяку.

Денис взял карандаш поудобнее, подумал, как бы упростилась задача, если бы перед ним был холст. Или хотя бы тетрадный лист, вроде того, на котором он привык рисовать. А потом решил, что весь этот мир вполне себе походит на раскраску, книжку с картинками, к которой так и хочется добавить сообразно размаху своего воображения множество замечательных деталей.

И когда мальчик так подумал, он вдруг почувствовал под грифелем поверхность, на которой можно рисовать. Высунув от усердия язык, он выстроил первую линию. Она дрожала в воздухе и совершенно не походила на что-то, что не смочено утренней росой, или что не порвёт, пролетая мимо, своим крылом мотылёк. Но Денис решил, что времени ему хватит. Рядом с первой вертикальной линией он провёл вторую, потом сверху, на уровне своей макушки, нарисовал между ними перемычку. Темнота, полная колышущейся травы, вдруг взволновалась, как волчица, почувствовавшая приближение кого-то постороннего. Или лучше сказать - *потустороннего*? Денис не видел луну, её отсутствие его не больно-то заботило, но он вдруг понял, что чувствует, какой эта луна распространяет запах. Это было, как... сыр. Да, пахло, словно на кухне где творится таинство утреннего завтрака, где из-под маминого ножа выходят аккуратные ломтики чеддера.

Денис зажмурился и заставил карандаш в своей руке довершить манёвр. Что-то явно произошло, какая-то магия свершилась, и он бы очень хотел, открыв глаза, увидеть перед собой Доминико с его всегдашним скорбным выражением лица.

Но увидел только арку из ажурного железа, такую, будто она, созданная в прошлом веке умелым кузнецом, затонула много лет назад и теперь лежит на дне прозрачного озера, отвечая на приветствие солнечных лучей.

- Это будет дверь в мир духов, - услышал Денис свой голос. Он не собирался озвучивать свои мысли, но понял, что так будет правильно. Таким образом он закрепил хрупкую постройку в этом мире, и, возможно, она продержится несколько дольше, чем два с половиной вдоха. - Через неё я втащу обратно нашего друга Доминико.

Варра хихикнула, но почти сразу, осознав серьёзность ситуации, зажала себе рот руками. В её глазах - Денис смотрел в них немного снизу вверх - появилось пламя разгорающегося огня. Будто кто-то подул на угли, покрывшиеся уже пеплом... Он кивнул девочке и вошёл в дверной проём.

Что ждало его там?

В первую очередь, как ни парадоксально, ждало его там напряжённое ожидание. Это ожидание клубилось тут и там едкой дымкой, изменяло всё вокруг, как сливочное масло изменяет вкус ржаного хлеба. Наверное, не будь напряжённого этого ожидания, всё было бы просто, как пять копеек: подойти к высокой тени, взять за руку и вывести Доминико в более привычное для него состояние. Но нет - собственное ожидание чего-то ужасного, ожидание сопротивления, ободранных коленей и саднящих локтей делали мир вокруг Дениса как будто состоящим из осколков стекла. Варра пропала, Макс со страдающим лицом - тоже.

- Доминико! - закричал он. - Ты здесь? Отзовись же, создание ночи, выйди со мной на связь!

- Я что, настолько поганно выгляжу? - обидчиво сказал Доминико, - К чему этот тон?

Мальчик не стал рассказывать призраку про серию мультиков о собаке охотника за тайнами, из которой он взял эту фразу - всё равно строгий испанец не так его поймёт. Он был рад, что не

придётся искать Доминико на ощупь, блуждая по миру мёртвых и шарахаясь от неясного ощущения угрозы, сформировавшейся в нечто более или менее зримое.

- Ты где? - спросил он.

- Здесь, прямо перед тобой, - сказал он. - Я не могу пошевелиться. Зачем ты за мной полез в этот колодец, мальчик? Я даже не представляю, как ты можешь мне помочь.

Денис протянул ладонь.

- Дай мне руку!

- Чем ты слушаешь? - разозлился дух. - Я потерял тело... даже ту малость, что оставалась после смерти. Выпал из него, как мокрая нога из сандалии.

Денис старался не терять присутствия духа. По крайней мере, эта раздражительность осталась при Доминико. А если она осталась, значит, получится вернуть и всё остальное. Ведь все эти едкие слова, определения и комментарии составляли большую часть сущности Доминико. Кроме этого, да ещё бессмысленных воспоминаний, у призрака ничего не было.

- У меня есть карандаш, - сказал мальчик. - Я нарисую тебя заново, как нарисовал эту дверь.

Глаза привыкли (не то к темноте, не то к тому состоянию, в котором всё вокруг находится), и Денис увидел перед собой силуэт вполне человеческих очертаний. Он радостно потянулся к нему карандашом, одним движением нарисовал туловище, голову, похожую формой на каплю, длинные несуразные руки с множеством пальцев (Денису некогда было считать, поэтому на каждой руке теперь красовалось разное их количество), ноги с хорошо видимыми, выдающимися суставами. Ноги он рисовал последними: они получились особенно здорово! Жалко, что Доминико ими не воспользуется.

- Тебе не щекотно? - спросил мальчик.

- Если бы я что-то почувствовал, я был бы счастливейшим существом на земле, - с неожиданной откровенностью сказал Доминико. Денис подумал, что он, должно быть, устал от самого себя - так говорила мама, когда кто-то из телевизионных героев становился сам на себя не похожим.

- Но ты двигаешься, - сдерживая радость, сказал Денис. - Значит, работает! Ты сейчас рассматриваешь собственные руки. Прости, что они такие... просто я торопился. Нам нужно выбираться отсюда. Я даже не нарисовал себе скафандр, вдруг, если долго дышать этим воздухом, я сам стану таким, как ты?

- Но это не я. Ты, наверное, нарисовал одного из этих краснокожих. Попробуй ещё раз.

Денис схватился за голову.

- Почему ты раньше не сказал!

- Разрази меня морской скат, если я понимаю, что конкретно ты сейчас делаешь, - принялся оправдываться Доминико. - Ты как будто водишь этим своим жезлом в воздухе.

Денис огляделся, заметив теперь, бесплотных, беспомощных существ вокруг было гораздо больше, чем ему хотелось. Взгляд надолго замирал на каждой фигуре. Вблизи все они казались одинаковыми, точно речные камни, собравшиеся на ежевечерний перестук боками. Призрак сказал, что мальчик стоит "прямо перед ним", но Денис видел перед собой два или три столба дыма, точно аист, наблюдающий с высоты за очагами лесного пожара. Расспрашивать времени не было. Что-то происходило с человеческим телом по эту сторону пространства, что-то, начавшееся с покалывания кончиков пальцев - причём, покалывания не снаружи, как это обычно бывает, когда отлежишь руку, а изнутри. Будто множество крошечных человечков оказалось заперто за дверями-ногтями, и теперь все они колотят туда крошечными кулачками. Возможно, если Денис задержится здесь чуть дольше, он сам станет лоскутом дыма.

Денис заработал руками вдвое быстрее, карандашный грифель скрипел, как бывает, когда пытаешься рисовать по стеклу. Вот и вторая фигура готова: она получилась угловатой, с плечами, похожими на капот старой папиной "четвёрки".

И снова промахнулся.

Не впасть в отчаяние Денису помог, как ни странно, один пугающий факт: он начал видеть лица приведений. Горбатые носы на перевёрнутых лицах, торчащие из ушей волосы, тонкие губы... Вот

знакомое лицо, похожее на хитрое произведение искусства из обыкновенной салфетки; им-то Денис и занялся, чуть не роняя из рук свой инструмент.

- Кажется, тебе пора зарыться в ил, - подсказал Доминико, когда рисунок был почти готов. Чтобы сэкономить время, Денис нарисовал его в виде кота: конечно, он получился далеко не таким изящным, как у Максима (откровенно говоря, это существо больше походило формой на распухшую от дождя тучку, чем на животное), зато рисовался в одно движение.

Денис оглянулся и ойкнул: округлый, первый нарисованный им призрак, тянул свои пальцы-сосиски к мальчику. Движения его были медлительны, как под водой. Денис увернулся и чудом не попал в объятия к угловатому. Голова его болталась на плечах как коробка с заводной игрушкой, а руки тянулись прямо к горлу: двойного толкования быть не может, вряд ли они хотели заключить в объятия своего освободителя.

Доминико-кот вспрыгнул ему на плечи и зашипел:

- Бежим отсюда, малыш, бежим со всех ног!

Если бы у него были усы, они бы сейчас щекотали Денису ухо, но усов он не нарисовал. Мальчик побежал. Нарисованные им существа быстро осваивались с телами. У угловатого ноги получились преступно коротки, но он перебирал ими на удивление проворно, округлый же шагал с грациозной неспешностью человека на ходулях; и оба они хотели заполучить себе маленького художника. Должно быть, чтобы заставить нарисовать всех-всех-всех своих братьев. Ещё бы - они-то знают, что это за мука, находиться на одном месте, и не деревом находиться (оно хоть может махать ветвями и создавать ветер, может заниматься увлекательным подсчётом своих листьев и в предвкушении накачивать соком почки), а натурально быть клочком воздуха.

Денис с ужасом понял, что не помнит, где дверь, но Доминико, прижавшись к шее мальчика, подсказал в какой стороне её искать.

Всё вокруг окончательно померкло, как перед грозой, грохотала в венах кровь. Денис старался держать руки сложенными на животе, боясь изрезать их о проступающие в темноте острые формы, и в любой момент ожидал вспышки боли в ступнях. Трава выросла, незаметно поглотив и мальчика и его преследователей, хрустальные её кинжалы тихо звенели, касаясь друг друга.

Округлый и угловатый нагоняли. Шаги их были абсолютно бесшумны. Почти плача, Денис обернулся, сжимая в руке карандаш, словно кинжал. Не может быть, чтобы истории о Фродо, о Питере Пэвэнси и Геде из "Волшебника Земноморья" были просто выдумкой. Не может быть, чтобы случайность, в последний момент вытаскивающая их из беды, не пришла и ему, Денису, на помощь!

И вдруг его захлестнуло сильнейшее чувство дежавю. Денис уже был в похожей ситуации несколько лет назад: тогда, как сейчас, с листа бумаги на него шагало собственноручно нарисованное чудовище, и не было рядом мамы, чтобы остановить его продвижение. Врывающийся в форточку ветерок шевелил краешки листа, и казалось, чудовище увеличивается в размерах, ещё мгновение, и ему станет тесно в рамках листа. Скрип карусели за окном казался потусторонним звуком, предвещающим огромную беду. Денис сидел как кролик, забравшись с ногами на стул, а потом вдруг, неожиданно для себя, взял в кулак карандаш и заштриховал рисунок. И всё пропало. Карусель стала снова каруселью. А солнечные зайчики на полу и стенах перестали казаться алчущими крови зрачками.

Денис воспрял духом. Раз он сумел выкарабкаться тогда, будучи сопливым малышом, росточком, может, даже ниже Макса, значит, сумеет и сейчас! Тем более что сделать нужно абсолютно то же самое.

Волшебный карандаш сработал как нужно. Продвижение округлого приостановилось. Он почти полностью скрылся за клубком беспорядочной вязи, напоминающей узоры какой-то чокнутой пропавшей цивилизации, которая даже пирамиды свои строила кверху ногами и на дне океана. Угловатый зацепился за неё своими углами и неуклюже рухнул на землю.

- Давай, глупый карась, быстрее работай своими плавниками! – вопил над ухом Доминико. Кажется, он бесновался больше из-за того, что Денис не нарисовал ему когтей, которые можно было бы втыкать в спину.

Словно кипятком ошпаренный, Денис вывалился в арку. Следом попытался протиснуться округлый (он напоминал ходячий улей, распухший от пчёл), но нынешняя комплекция ему это не позволила. Провисев ещё несколько секунд, дверной проём исчез.

Мальчик сидел на земле, среди нехитрой деревянной утвари, принадлежащей прежде сию, и тяжело дышал. Тяжести на плечах больше не было. Избавившись от кошачьего обличия, Доминико снова обрёл печальную статью шедевра оригами, настолько искусно изготовленного, что поражённые боги наделили его собственной душой и самостоятельной жизнью (несмотря на то, что сам Доминико жизнью это не считал).

- Так-так, - сказал призрак, глядя в сторону. – Стоило мне ненадолго исчезнуть, как наше маленькое паломничество превращается в натуральный балаган.

Только теперь мальчик понял, что звуки борьбы отнюдь не звучат в его возбуждённой голове, а раздаются на самом деле. Варра, схватив за волосы Максима, таскала его вокруг одного из шатров, который хлопал пологом, придавая нехитрое музыкальное сопровождение этому дикому танцу.

Он бросился на помощь брату. Выхватил его из рук девочки: та превратилась в натуральную фурию. Вместо того чтобы отстать от Максима, она зачем-то попыталась стянуть с него обувь. В случае с левым ботинком ей это удалось.

- Успокойся, - сказал Денис, с ужасом созерцая глубокую царапину на щеке брата, прямо под левым глазом, и одновременно пытаюсь отпихнуть коленом Варру. Объясни, что случилось!

- Он хотел уйти без вас, - она ткнула пальцем туда, где, казалось, совсем рядом сверкал, словно крупный изумруд в лучах солнечного света, маяк. – Один! Бросить всё и уйти. Это же предательство!

Денис смотрел на Варру с изумлением и нарастающим страхом. Просто невозможно представить, что эта чуткая девочка, готовая увидеть среди мелочей шёпот о чём-то великом и глядящая на прошлое так, будто это блеклая чёрно-белая фотография, готова была выдрать из макушки Максима все волосы.

Он вдруг вспомнил начало их совместного путешествия (казалось, будто прошла не пара дней, а целая вечность), когда Максим умер у него на руках, и как он потом говорил: "Не знаю, что такое Мариинская впадина, да и не хочу знать. То место, куда я падал, ещё глубже". И лицо у него в тот момент было такое, будто в этой пропасти он, как в детской поликлинике на уколах, частый гость, и никуда от неё не деться.

Денис усадил малыша на землю, а потом тихо и твёрдо сказал, заглядывая в лицо Варре снизу вверх:

- Никогда! Никогда-никогда не смей причинять моему брату вред!

- Но он...

- Неважно.

Лицо Варры будто покрылось инеем.

- Даже если он снова попытается бросить тебя на произвол судьбы, как сейчас? Мне не нужно его останавливать?

Убедившись, что с братом всё в порядке, Денис выпрямился. И даже привстал на носки, чтобы быть одного роста с Варрой.

- Это я его защищаю, а не он меня. Я - тот, кто должен помочь ему добраться до маяка. С самого первого момента, когда я понял, что у меня есть брат, я знал, что буду драться за него как лев!

- А ты? – Варра, словно пойманный в клетку дикий зверь, набросилась на Доминико. – Испанский призрак, а что скажешь ты? Разве дело это, бросать друзей в беде?

- Просто удивительно, что я хоть кому-то нужен, - покачал головой старик. - Знаешь, девочка, я ведь труслив. Да и польза от меня не сказать, чтобы великая. Иногда я мечтаю о тех временах, когда я, ничего не зная об этом мире, сидел себе на маяке и знал, что моя работа кому-то нужна. Ведь если я просплю час, когда нужно будет зажигать огонь, кто-то может налететь на скалы и погибнуть.

Только теперь Варра поняла, что пытаться настроить этих двоих против Максима бесполезно, как бесполезно и пытаться понять мотивы, которые здесь намешаны. Созерцая её крепко сжатые губы и биение жилки не виске, Денис в порыве откровенности сказал:

- А знаешь, на самом деле мы с Максимом пришли из другого мира.

И тут же подумал: ещё бы, с такими-то именами им быть местными!

Но Варра не стала смеяться или тем более ругаться. Вдруг успокоившись, она сказала:

- А я догадалась. Всё, что со мной произошло, с того момента как вы появились - как дремучий сон. Хорошо, я не буду его останавливать, что бы не пришло в эту дурную голову. Просто подумала, что это не правильно и так не должно быть. Ты же его брат, а он, кажется, согласен только на одно - идти вперёд. Он одержим... а может, и нет. Может, его нужно просто хорошенько выпороть.

Она показала Максиму язык и отвернулась к призраку, сложив на груди руки.

Денис не нашёлся что ответить. Не раскрывать же ей ещё одну тайну, тайну бессмертия и множества жизней, через которые Максиму пришлось пройти, прежде чем он потерял страх перед всеми опасностями? (ТЕНЬ не в счёт, она, конечно, пугает, но никто не знает, насколько она опасна).

- Я рад тебя видеть, - смущённо и вместе с тем сердито сказал Макс Денису. Он нарочно игнорировал Варру; сидел, разбросав ноги и скрестив на груди руки. - Прости меня. Теперь мы можем идти? Если не будем терять время, завтра к утру будем там. На маяке.

Девочка тем временем обратила своё внимание на Доминико. Глядя на неё, у Дениса сложилось впечатление, что она с удовольствием бы запихнула призрака в какой-нибудь кувшин и унесла с собой, в прежние деньки, чтобы показывать самым верным товарищам по играм и делиться с ними секретами. Старый смотритель, впрочем, ни о чём не подозревал.

- Я просто хотел поздороваться, - отвечал он на её вопросы. - Эти привидения должны были быть похожи на меня. Ведь не может быть, чтобы создание как я было единственным на земле. Даже киты, мокрую спину которых иногда можно увидеть с моего маяка, встречают себе подобных. Я всегда смотрел по сторонам, и когда мы путешествовали с Максом, и когда я отделялся от него и исследовал секретные места сию или углублялся под землю, где между красивейших сталактитов намерзает прозрачный как хрусталь лёд... но так до сих пор никого не нашёл.

- Ты пробовал смотреть на старых фермах? - осторожно спросила Варра. - Там водится всякая жуть.

Доминико провёл пальцем там, где у обычного человека должна находиться бровь.

- Там я тоже бывал. Если бы на заброшенных фермах обитал кто-нибудь похожий, меня бы устроил даже один из этих вечно брюзжащих прощелыг, приплывших когда-то с островов Британской короны. Или всегда пьяных ирландцев. Уверен, мы нашли бы общий язык.

Он помолчал и вдруг признался:

- Я хотел дотронуться до чьей-нибудь руки.

Денис подумал, как же это странно, что человек, который всю жизнь провёл в одиночестве, каждый вечер греясь возле лампы, ищет прикосновения.

- Эти призраки не похожи на брюзжащих прощелыг или пьяниц, - заметил он. - Они даже на сию не похожи.

- Это порождения ТЕНИ, - объяснил призрак. - Тени ТЕНИ, если мне позволено будет так выразиться. Когда-то они были краснокожими, но не сейчас. Я знаю это так же точно, как и то, что в какой-то мере остался верноподданным короля Филиппа четвёртого, католиком и смотрителем маяка. В них не осталось ничего от прошлой жизни. Это не приведения в полной мере. Это лишь тени. Каждый из них занят тем, что вновь и вновь выполняет одни и те же действия, которые совершал здесь, на месте этой стоянки при жизни. Все их дни на этом месте слились в один, который можно наблюдать снова и снова.

- А что ты видел? - не отставала девочка. - Как они готовятся к войне со зверушками?

- Если бы я увидел что-то интересное, было бы просто замечательно, - проворчал дух. - Но всё, что я видел - один бесконечно затянувшийся, бесконечно скучный человеческий день.

Денис подумал про день своих родителей, один из тех, когда не происходит ровно НИЧЕГО, но решил, что вряд ли эти вещи можно сравнивать.

- Мы когда-нибудь ещё увидим клан Грязного Когтя? - спросил Максим.

Призрак покачал головой.

- Я сомневаюсь. Все они были здесь. Теперь их здесь нет.

Максим снял через голову верёвочку с обломком стрелы со своей шеи и бросил под ноги.

- Нам пора идти, - сказал он.

22.

Измученные, вздрагивающие от тёплых ещё воспоминаний о случившихся только что событиях, дети двинулись в путь. Максим нёс свои очки в руках: они больше всего пострадали в драке с Варрой. Отчего-то он не хотел их выпрямлять, а просто нёс в руках, бережно, как живую лягушку. Варра шагала насупленная и задумчивая. Лес шумел и махал ветвями. Денис хотел увидеть хоть какую-нибудь зверушку, но так никого не увидел. Зачем бы сиу Грязного Когтя истреблять всё живое?

Варра будто угадала мысли Дениса. Она оглянулась на скопление шатров и сказала:

- Этого просто не может быть. Ты знаешь, что такое дикая природа для сиу? Это их жизнь. Сиу - не просто люди. Сиу - перевернутые люди. Если человек, допустим, пытается подчинить себе природу и её материалы: он плавит сталь, он добывает каменный уголь, теслом и молотом делает камень пригодным для строительства. Сиу же целиком предают себя всему окружающему. Они для природы, а не природа для них. Они считают, что в каждом живом существе живёт дух, у которого ты можешь попросить то, что тебе нужно. Не обязательно брать силой. Перед большой охотой шаман говорит с духами - и дикий зверь застывает на месте, давая охотнику себя подстрелить. Придёт время, когда они встретятся в следующий раз при других обстоятельствах. Олень станет мышонком, а охотник - вишнёвой косточкой, которая этому мышонку по зубам. Так и живут.

- Ты много о них знаешь, - заметил Денис.

- Я много общалась с детьми из племени Падающих Вверх Дождевых Капель, что жили ниже по течению, за логом, - без запинки ответила Варра, и мальчик подумал: "Описывал ли папа эту девчонку в своей книжке? Она получилась на удивление... *живо*". - Мы учили друг друга, как произносятся те или иные слова на наших языках. "Охота" у них значит то же, что "обмен". Смешно, да?

Девочка вдруг стиснула кулачки.

- Я не верю, что сиу способны так просто отказаться от всего, за что когда-то радели. Убить всех этих зверюшек... У меня нет этому объяснения.

- Это какие-то неправильные сиу, - сказал Денис. - Они пришли из пустыни.

- Сиу - всегда сиу. Если так произошло, что-то, наверное, заставило их так сделать.

- Макс, а ты что думаешь? - спросил Денис, желая разговорить брата.

- ТЕНЬ, - сказал Максим и сунул в рот палец. - Вот что я думаю.

Девочка хотела захватить с собой зонт, но того и след простыл. Может, его унесло ветром, но скорее, он просто растаял, точно кусочек сахара в чашке с чаем. Этот факт слегка поднял братьям настроение - Денис вспомнил ощущение немоты в пальцах и почувствовал, как один из множества камней скатился с души. Впрочем, то, что зонт-тросточка одумался и стёр себя из этого мира, не отметало главного - что-то где-то сломалось. Как пол на втором этаже ветхого дома, который душераздирающе скрипит под ногами и вот-вот обратит опору в настоящую воронку.

Доминико подтвердил, что идти им оставалось не так уж и долго.

- Всего одну ночь, - распинался призрак. - Там, слева, поле травы обрывается и начинается поле воды. Нет, настоящие луга воды! До них сейчас почти сутки пути вашими короткими ногами. Но море стоит того, чтобы на него взглянуть. Почти шестьдесят лет я всматривался в него с высоты своего наблюдательного поста, но даже я не видел всей воды, которая там есть. Тюлени и дельфины, и морские котики гнали её ко мне своими лапами и приносили во рту. Прибои швырялись целыми галлонами воды, каждый раз разной. И всё равно, чтобы увидеть её всю, счесть, замерить, не хватит и сотни моих жизней. Не хватит миллионов закатов. Не верите?! А, я заметил этот скепсис, эту насмешку во взгляде!

Он ткнул пальцем в Дениса, хотя тот ни о чём подобном и не помышлял. Он просто улыбался, слушая рассказы призрака.

- Но ничего. Когда мы придём, вы всё увидите своими глазами.

Ночь схлопнулась как капкан. Оставался только шелест травы, которая кое-где доходила мальчикам до подбородка. Денис слышал, как разбегаются из-под ног хомяки, и радовался, что сиу Грязного Когтя не истребили всё живое в округе. Поначалу идти было легко, но чем дальше они уходили в поля, тем сильнее путались ноги. В низинах чавкала вода. Денис промочил ноги и предложил нарисовать новую обувь (вообразив в голове замечательные отцовские рыбацкие сапоги), но брат потянул его за рукав.

- Не надо, - шёпотом сказал он. - Может, ОНА сейчас пытается нас высмотреть. Сделать так - всё равно, что помахать перед ЕЁ носом флагом.

Денис почувствовал неловкость: он не видел в темноте лица Макса. Между пальцами отчаянно зудело, хотелось выудить карандаш, который лежал у него сейчас в кармане, и нарисовать на месте тёмного овала улыбку, и красивые, волевые морщины на детском лбу, как у супергероя. Он не посмел этого сделать. Братик больше не супергерой, он больной человек, жаждущий скорее добраться до маяка, олицетворяющего полный спасительной инъекции шприц. Пришлось до самого привала слушать хлюпающие звуки в собственных ботинках. Впрочем, Денис быстро про них забыл. Чтобы успокоиться и прогнать дурные мысли, он разговорился с Варрой. Она живописала жизнь в форте, рассказывая о кровавых схватках и путешествиях в таинственные глубины материка, словно о походах за хлебом в магазин во дворе. Это была её жизнь, страхи, пустившие корни настолько глубоко, что невозможно было уже различить, где заканчивается плоть человеческая и начинается совершенно иная субстанция. И, глядя на Варру, сложно сказать, что она чужда человеческой плоти.

- Я родилась уже тут, - словно извиняясь, что Денису приходится слышать историю не из первых уст, сказала Варра. - Мои родители прибыли с четвёртой английской экспедицией, той самой, которую возглавлял суровый адмирал Франковец. Вокруг шныряли испанцы, но наши корабли потеснили их и дали высадиться поселенцам. Сразу же за этим пришёл большой отряд испанских кораблей и потопил наши. Потом, гораздо позже, их разобрали на строительный материал, так что первые дома и первые стены того форта пахли водорослями. А мои старшие братья рассказывали, как отдирали с них приставшие морские звёзды. Люди ушли вглубь континента, где сумели окопаться на холме возле реки – ей тогда ещё никто не дал названия. Встретить этих зверей-испанцев нужно было во всеоружии... прости, Доминико, ты мне очень нравишься таким, какой есть, но я почти уверена, будь у тебя обычное человеческое тело, тебе непременно захотелось бы кого-нибудь зарезать.

- Я не обижаюсь, - неожиданно покладисто заметил призрак. – Скажу лишь, что всё, что я резал при жизни, были хлебца. Такие маленькие, аккуратные хлебца, и я резал их, чтобы намазать яблочным джемом.

Варра кивнула и продолжила:

- Там были и мой отец, и моя мама. Форт, который воздвигли из останков мёртвых кораблей, в ожидании подкрепления, назвали "Надежда". И позже это название подтвердилось - когда мы подружились с кланом сиу, с теми, что жили неподалёку. Это была слабая дружба, очень робкая, но всё-таки это была дружба.

Денис в свою очередь рассказал ей про жизнь в Выборге. Точнее, он-то считал, что жизнь его (в сравнении с жизнью Варры) скучна и неинтересна, поэтому начал сразу с конца, с того дня, как обнаружил себя в другом мире. Однако Вара, перебираясь по малозначительным, на взгляд Дениса, деталям, вроде настенных часов и смешной жестяной банки с кофе, словно ловкий орангутанг по лианам, заставила его вернуться назад. ...И ещё, и ещё, к самому раннему детству, когда Денис колесил на первом своём трёхколёсном велосипеде по газону и переглядывался сквозь щели в заборе с соседскими детьми. Рассказал всё, от дремучего начала, к стремительному финалу (который оказался только началом зубодробительного приключения), и снова к началу, к САМОМУ НАЧАЛУ в виде несчастного случая с Максом, которого Денис не мог даже помнить по той причине, что его самого на свете тогда не было.

- Так мы и оказались здесь, - подвёл он итог. - Наверное, все дети, когда с ними что-то случается, попадают в место вроде этого... Постой-ка! Макс, получается, мама с папой потеряли и меня тоже? Так же, как потеряли когда-то тебя.

- Если когда-нибудь найдёшь ответ на этот вопрос, дай знать, - сказал Максим.

С наступлением ночи его взгляд не отрывался от маяка. Трудно было сказать, как долго ещё идти и на какой высоте яркая точка парит над горизонтом - если даже горизонта не видать. Но свет теперь был ровным, приятным глазу, это был настоящий царь над звёздами, и они, собираясь вместе, лепили для горизонта поистине шикарную корону.

Что-то было родное в этом белом пятне. Будто приоткрытая дверь в комнату родителей, которую видишь перед сном. Из-под неё тебе так же ласково светит твой собственный ЗОВУЩИЙ СВЕТ, и этот свет - лучше любого ночника.

23.

Вскоре настала такая темень, что дети не видели друг друга. Только шорохи, да движение звёзд везде вокруг. Казалось, яркие белые точки выныривают из травы и, совершая круг над головами людей, ныряют обратно. Непонятно, по-прежнему ли три пары ног создают весь этот шум, или за ними, насмешливо переглядываясь, крадёт целая стая гиен? Денис отставил левую руку и, зажмурившись, попробовал прочувствовать, как щекочут ладонь колосья трав, как вдруг она стукнулась о руку Варры. Девочка схватила её своей влажной ладонью и сжала. Денис был ей за это благодарен. По крайней мере, он не чувствовал себя теперь таким одиноким.

Максим шёл чуть поодаль, справа. Долго Денис вслушивался в окружающий фон, прежде чем понял, что невнятный и смутно знакомый напев, разлитый в воздухе, исходит из уст малыша. Только слов он не узнавал. Наверное, Максим услышал его в каком-нибудь из бесчисленных человеческих поселений... или, вероятнее, принёс прямым из детства, настоящего детства на перекрёстке Тенистой и Московской улиц. Ведь Денис тоже помнил эту мелодию! Но откуда тогда слова?

- Доминико, - шёпотом позвал Денис.

Голос призрака зазвучал прямо над головой.

- Чего тебе, малыш?

В нём трепетали совершенно человеческие эмоции - как будто прозрачными руками ему удалось поймать настоящую живую бабочку. Денис догадывался, что это за эмоции, и какова им причина. Он спросил так, чтобы не слышал Максим:

- Как ты думаешь, что нас там ждёт?

- Я всего лишь слуга, а не предсказатель. Предсказателя ты держишь за руку. Вот и спрашивай у неё.

- Ну, а что же ты думаешь?

- Я не могу думать. У меня, как видишь, голова пустая - пустее тыквы в канун Дня всех святых. Ты можешь сунуть туда руку и проверить.

Денису больше всего на свете хотелось узнать, что в голове у Макса. Ясно было, что братик не настроен на разговоры. Он всё больше напоминал сказочного персонажа из дерева или сшитых между собой тряпок, глупого болванчика, который идёт за тридевять земель, чтобы стать человеком. Поэтому всё, что оставалось Денису, дальше доставать Доминико, в надежде, что из него, как муравьи из трухлявого пня, посыпятся ответы.

- Ты самый умный призрак из всех, что мне встречался, - неуклюже попробовал подлизаться Денис.

Доминико был похож на грозовую тучу, закрывающую небо. Или на пришельцев, которые, чтобы не будить спящих людишек и не распугивать зверьё, прилетели на космическом корабле с выключенным светом.

- Ничего и никогда не менялось здесь без нашей с твоим братом воли, - после некоторой заминки сказал он. - Я говорю "нашей", но подразумеваю, конечно же, только его. Я всего лишь безмолвный свидетель. Хронограф, летописец, путешественник, прошедший последние шестьдесят лет в добровольном затворничестве, и только теперь, когда смерть не оставила выбора, отправившийся

смотреть мир. И радующийся ему, как дитя. Менять - не моя работа. Менять - работа Максима. Я лишь наблюдаю. Но то, что я сейчас наблюдаю, удивительно. Будто сам Яков первый соскочил со своего британского трона и прискакал к нам верхом на летающем козле - напрямик по морю. Всё, что сейчас происходит, никогда раньше не происходило. Не знаю, кто занял мой маяк, кто стал новым его хранителем, но одно могу сказать со всей уверенностью - этот свет горит не для английских или испанских кораблей, не для пиратов, которые, быть может, нашли где-то неподалёку бухту и ночью перевозят туда свою добычу... Он горит для нас, и только для нас. Кто-то хочет нас там видеть. Кто-то знает, что мы непременно придём.

Денис ничего не сказал, только сильнее сжал руку девочки... и вдруг заметил, что явно проигрывает ей в силе. В ответ она стиснула его ладонь как будто тисками. Горячие пальцы непременно должны оставить на коже дымящиеся ожоги.

- Всю мою жизнь вокруг ничего не происходило, - слышался голос Варры. - Иногда мы играли с детьми в сиу: они казались нам чужими, немножко страшными и такими необычными, что просто дух захватывало. Эти их лица... их язык... всё нам было в новинку. Но мы никогда с ними не дрались. Мы уважали друг друга, как и наши отцы. А теперь вдруг получается что мы, оказывается, просто как написанная маслом картина, которую любой может взять и искромсать на куски... или нарисовать чего-нибудь поверх. Нет уж, я не дам этому случиться. Я люблю свой дом, своих родителей, подруг и соседей. Я хочу здесь вырасти.

Девочка вдруг затихла, сообразив, что если принять как должное всё, что говорили Максим и Доминико, получается, она никогда не станет взрослой. Если, конечно, не случится что-то там, на маяке, это хрупкое равновесие будет существовать вечно. Люди из-за моря, из Лондона и Мадрида, с горящей в глазах жадной новых земель, приключений, богатств, и люди с перевёрнутыми лицами, которые дают имя каждому зайчишке и умеют разговаривать с солнцем и луной - они всегда будут порознь, будут обмениваться осторожными посланиями и завуалированными угрозами. Не будет большого мира, о котором втайне мечтает каждый ребёнок, но не будет и большой войны. Стоило Варре так подумать, как некие узлы внутри начали ослабевать, оставив её в полном замешательстве. Как можно жить, зная такую тайну? Может, кто-то и смог бы, но Варра нет. Варра не сможет. А если случится так, что она забудет всё, что видела и слышала? Найдёт себе дом (может даже это будет пещера рядом с каким-нибудь поселением сиу), заведёт новых друзей, и будет жить, не подозревая, что время валяется в придорожной канаве, как бедняк с перебитыми ногами.

"Тогда я не желаю быть его частью!" - сказала себе девочка. - Вот так. Пусть только мне позволят ещё раз увидеть маму и папу, сказать им последнее "прости", и я готова идти. Куда угодно, лишь бы не сидеть на месте, чтобы не пустить корни. Вести дневники, накапливать воспоминания, рассказывать встречным истории, весёлые и грустные до слёз".

- Максиму тоже здесь нравится, - неловко попытавшись выдернуть руку, сказал Денис. Сказал нарочито громко. - Он даже не хочет возвращаться домой.

- Не говори того, чего не знаешь, мальчик, - строго сказал Доминико. - Больше всего на свете он хотел бы вернуться обратно. Проклятье на весь этот свет! Я тоже хотел бы на него посмотреть хотя бы одним глазком. На мир, где Максим жил до ДРУГОЙ СТОРОНЫ. Когда я увидел твоего брата в первый раз, а я, напомню, был при смерти, я понял, что этот мальчишка просто не мог родиться в обычном месте.

ЗОВУЩИЙ СВЕТ скрылся за каким-то пригорком, повеяло холодком. Денис, наконец-то вернувший себе власть над правой рукой, обхватил себя за плечи. В попытках согреться он принялся вслух вспоминать солнечный день в Выборге: такой, когда клубится от проезжающих машин пыль и в окнах сияют утренние лица жителей, которые не успели ещё надеть свои каждодневные маски и которые робко смотрят, какая там, снаружи, погода?

- Там очень хорошо. Там большие дома, можно кататься по улицам на велосипеде и звонить в звонок. Там... - Денис вдруг уловил краешком глаза открытый в изумлении рот Варры и вскинул руки: - Там по улицам ездят разные машины, по рекам и заливам ходят корабли, огромные, как слоны... или даже

больше. Да, гораздо больше! И в каждом доме есть телевизор. Это такое специальное окно, в котором показывают, что происходит в мире, а ещё фильмы и мультики.

Он так раскричался, что два мотылька прилетели и стали танцевать возле лица.

Призрак грубо ответил:

- Ты, зачарованный волшебными штуками, раб движущихся картинок! Не тебе мне рассказывать то, что ты видел только в своём волшебном ящике! А я - я бы хотел увидеть всё своими глазами, попробовать собственными ногами каждую кочку на каждой дороге. И знаешь, что мне теперь остаётся? Смотреть в это, как ты сказал, "волшебное окно". Вы, все вы - мои движущиеся картинки, и ничего больше я не могу с этим поделать.

- Вот я обязательно стану путешественником...

- Ха, смешно! - сказал Доминико. - У тебя самодовольства и бахвальства, как у морских гадин, которые только и знают, что лежать у дна и разевать рот в надежде, что туда заплывёт мелкая рыбёшка. Я вдоволь насмотрелся на людскую природу. Было время, когда, доживая последние свои годы в башне, словно какая девица из сказки, я горевал: всю жизнь прожил в одном месте - разве не стыдно? Чай, не безногий... ну или *почти* безногий. Но потом, полетав по свету, я понял - это не ДРУГАЯ СТОРОНА странная, как говорит Макс, это люди странные. Они сидят на том, что имеют, и нос боятся показать за ворота.

- Ах ты... - Денис вдруг почувствовал на призрака досаду. Но тот предусмотрительно отлетел подальше. Кончик его шляпы издевательски маячил впереди. - Я тебе покажу морских гадин!

Он прыгнул вперёд, махая руками и вопя что-то вроде: "Я! Буду! Путешественником!" Доминико вскрикнул от удивления и унёсся к небесам. Варра надула щёки, но не смогла сдержаться - захохотала с облегчением, искренне, звонко, как связка колокольчиков, а Денис, неловко взмахнув руками, рухнул в траву. Во все стороны прыснули кузнечики; один из них, то ли не совсем проснувшись, а то ли решив поиграть в храброго ковбоя, вспрыгнул мальчику на нос и уселся там, качая перед глазами усиками.

- Что случилось? - крикнул Максим. Он застыл, как перепуганный кролик.

- Твой брат чокнутый! - верещал откуда-то сверху Доминико, а Варра и Денис хохотали внизу и показывали пальцами. Лицо призрака маячило на фоне ночного неба, как смертельно оскорблённая луна, и Максим, посмотрев на него несколько мгновений, вдруг захлопал в ладоши.

- Ты смешной, Доминико! - закричал он. - Смешной старый испанец!

Денис почувствовал внутри тепло. Брату идёт улыбаться, и так... странно видеть это детское лицо серьёзным. Так горько. Он хотел взять Максима за руку, но тот был слишком далеко, не дотянуться, и тогда, чтобы не лопнуть от переполняющих его эмоций, Денис раскинул руки и побежал вверх, на холм. Варра бросилась за ним, Максим - следом, руша грудью стройную высокую траву, словно башни города. Какой же он жалкий, этот холм, наверняка в мыслях своих мнящий себя горой, против молодых и крепких детских ног!..

Денис первым забрался на вершину холма. Впереди сверкнул ЗОВУЩИЙ СВЕТ. Денис улыбнулся ему, потом перевёл взгляд ниже...

И обомлел.

Обмер.

Чуть сзади тяжело дышали брат и Варра. Нужно бы закрыть им рты, чтобы не выдали, но Денис не мог пошевелиться. Прямо от его ног и дальше, вперёд и вниз, расстилалось настоящее море светящегося тумана. Он сворачивался кольцами и пытался воспроизвести каких-то животных, но структура его была очень слабой и неспособной принимать даже самую простую форму.

Но не туман, точнее, не только туман испугал Дениса. Впереди была ОНА. ОНА, как ни в чём не бывало, толкала перед собой коляску и, кажется, собирала цветы. На ней было всё то же платье до щиколоток. Теперь, когда сна не было ни в одном глазу, Денис получил возможность хорошенько рассмотреть эту тень, понять, что она, похоже, чуть пониже мамы, единственной эталонной женщины, с которой каждый ребёнок сравнивает всех остальных, да и волосы укладывает по-другому...

Мальчик наконец нашёл в себе силы раскрыть рот и выдохнуть:

- Падай!

Должно быть, их очень хорошо видно на фоне звёздного неба. А эта фигура... куда она смотрит? Он медленно, стараясь не делать резких движений, опустился в траву. Следом упали Варра и Максим. Они тоже увидели ЕЁ. За Доминико, который только что плавал в воздухе, как яркий воздушный шарик, волноваться не приходилось: его след уже простыл.

Высокая трава укрыла их с головой, но Денис, уткнувшись носом в землю, думал, что они теперь слепые, как новорожденные котята. Куда ползти, чтобы не наткнуться в конце концов на её ноги? Только если назад, а потом - длинный кружной путь, возможно небезопасный. Может, они могли бы добраться до моря, а там попросить у каких-нибудь рыбаков или местных сиу (если, конечно, они там есть) лодку? Максим это сможет. Кажется, он знает по имени каждого жителя материка, даже если они не подозревают о его существовании.

- Что она от нас хочет? - зашептала Варра. - Кажется, я видела...

- Не знаю, - оборвал её Денис. - Где Макс?

- Он здесь. Держит меня за ногу.

- Брат! Далеко ли нам идти до моря? Пойдём в обход.

В траве зашевелились, и Максим, елозя локтями, подобрался ближе. Лицом он был бледен, будто туман вытягивал из него все краски.

Денис почувствовал на локте твёрдые пальцы.

- Нет! До маяка осталось совсем немного! Если пойдём в обход, может случиться всё что угодно. ОНА может зайти туда первой. Мы пройдем здесь. Мы справимся. Скажи, брат, что мы справимся!

- Шшш! Тише-тише, не кричи. А если ОНА нас заметит?

Глаза Максима заливали слёзы. Очки его съехали на бок, одна их лапка несуразно торчала из-за уха вверх.

- Братец, я хочу, чтобы ты сказал, что мы здесь пройдем. Смотри, маяк - вон же он! Я, кажется, его вижу даже сквозь эту муть. Мне нужна твоя уверенность. Твоя храбрость. Потому что... потому что своей у меня не хватит.

Денис глубоко вздохнул и решился:

- Мы пройдем. Цепляйся за ногу Варры, а она уцепится за меня. Так и поползём, чтобы не потеряться. А я буду вперёдсмотрящим, раз уж наш прозрачный вперёдсмотрящий опять потерялся.

Максим кивнул и исчез, только качнулся цветок ромашки. Денис заставил себя собраться.

Однажды они с Митяем забрались на территорию старого часового завода, что в пяти минутах ходьбы от Выборгской набережной. Это ветхое здание, с гордыми, седыми от минувших десятилетий, арками и высокими окнами. Он давно уже не работал, из персонала там оставался только лысый старичок-охранник, подходящий этому месту, как утки формой контурных перьев и расцветкой клюва подходят определённым пруду, и только ему. Он жил через два дома от Митяя, так что, поймав их на своей территории, мог взять обоих за уши и отвести напрямик к родителям. Обоим бы неслабо перепало. И оттого вдвойне, нет, втройне сладко было ползать в извёстке, дышать осторожно, чтобы не закашляться и не выдать себя, выглядывать из-за угла. Внутри не было ничего примечательного, только застывшие машины, да столы, на которых когда-то работали часовщики, собирая и подгоняя друг к другу тонкие механизмы. Были кое-какие инструменты - например, отвёртки, такие тонкие, что ими можно, как сказал Митяй, без проблем, словно отмычками, открывать любые замки. Были бутылки с разнообразной смазкой, пахнущие так, что в голове начинали путаться мысли.

Сейчас Дениса настигло похожее чувство. Он осторожно поднял голову и увидел, что ТЕНЬ повернула громоздкую свою коляску в их сторону, хотя та катилась по-прежнему угрожающе медленно. Что же это? Она видела их? Может, почуяла, как собака?

Он оглянулся и увидел две пары глаз, в которых затаился один и тот же вопрос. Сглотнул и махнул рукой. Мол, двинули. Вон туда. Там, кажется, растительность погуще.

Дети окунулись в туманное море. Варра, вдыхая, кашляла и отплёвывалась, делая это на удивление беззвучно. Макс - так и вообще прекратил дышать. Сначала растворённая в воздухе манка была на уровне подбородка, потом запустила длинные пальцы в рот, и, наконец, укрыла с головой. Запах стоял как от мокрой тряпки, которой только что помыли полы. Казалось, один только стук сердца способен разбудить горы.

В какой-то момент Денис понял, что за ногу его никто не держит. Он прополз чуть назад, но никого не нашёл. Туман вился вокруг, точно пытался затянуть мальчика в гигантскую воронку. Судя по всему, его с остальными детьми пути разошлись уже достаточно давно. Денис подёргал себя за мочку уха. С минуту назад? Или он ползёт уже полчаса?

Мальчик сел и затряс головой. Задавайте этот вопрос кому-нибудь другому! Его дело - притворяться ящеркой, просто ползти вперёд, стараясь избегать встреч с чёрным, как ночь, сапогом. Заручившись этой мыслью, он прополз ещё немного вперёд, прежде чем понял, что совершенно не знает в какую сторону теперь двигаться. Всё вокруг такое, как если бы пейзажист опрокинул на свою картину стакан воды с растворённой в ней белой краской.

И вдруг рука его куда-то провалилась. Сначала Денис решил, что это нора кролика или, к примеру, сурка, но, вытащив конечность (суставы заломило от холода), понял, что зверя, который прорыл бы эту нору, никогда не существовало.

Это след, и его, несомненно, оставила дама в чёрном. По размеру след вполне соответствовал ноге взрослой женщины, он буквально источал тьму. Не сказать, чтобы он был глубоким или неглубоким - это было, как дыра на бумажном листе. Он не принадлежал этому миру, как и то, что под ним находилось. Рядом ещё следы, и справа и слева, и колосья пустоцвета клонились к ним, как будто тщились разглядеть в глубине нечто очень важное.

- Что же это... - пробормотал Денис. - Ребята, вы где? Доминико?

Никто не ответил. Тогда мальчик вскочил, распрямился, как лук, который кто-то натянул до скрипа. Макушкой выстрелил в небо, и... оказался почти лицом к лицу с женщиной в чёрном. До неё было всего несколько шагов.

- Вы... не заблудились, случайно? - обратился он к чёрному овалу - там должно было быть лицо, но не было ничего. - Если вы вдруг ищите мальчика, которого зовут Максимом, примерно семи лет от роду, то его здесь нет! Попробуйте поискать в другом месте...

- Дени-и-ис! - вдруг закричал кто-то за спиной.

Денис повернул голову и увидел Варру. Возможно, она тоже наткнулась на след, а может, услышала, как он заговорил с ТЕНЬЮ. Она стояла в полный рост, сложив руки на животе, и напоминала суслика, вынырнувшего из норы, чтобы увидеть гусеницы приближающегося трактора. Суслика, не слишком понимающего, что его ждёт.

- Варра! - крикнул Денис. - Где Максим?

- Не знаю, я потеряла его в траве!

- Так найди его! Вам нужно бежать!

Он хотел рассказать ей о своих планах погибнуть как герой, "завернувшись в свой красный плащ", как говорил Митяй, но горло скрипело, как будто туда насыпали песка. Женщина в чёрном была выше, чем казалось издали, и она неумолимо надвигалась. А коляска - коляска размером с небольшой автомобиль. Денис старался уверить себя, что здесь, на ДРУГОЙ СТОРОНЕ, ничего не может закончиться так быстро. Может, он, как братик, очнётся у костра какого-нибудь племени добрых сиу... правда перед этим его ждёт полёт сквозь землю. Головокружительный - лучше любых американских горок (мама с огромным скрипом поддавалась его уговорам в парке аттракционов, считая исполинские металлические конструкции, гудящие, когда по ним проносилась вагонетка, очень хрупкими). На этот раз мамы рядом не было, и никто не посмел бы оспорить его право прокатиться на этой карусели.

На самом деле Денис трясся в ужасе. Нет, ТЕНЬ не выглядела опасной, смешной, несуразной... если бы её показывали в кино, Денис смотрел бы с пренебрежением, да одним глазом: видел он и пострашнее. Когда папа садится смотреть "Чужих" и отсылает его прочь из комнаты - вот это да! Однако, женская фигура, вразрез всем правилам, которым должны подчиняться её сестрёнки (которых можно разогнать по углам одним лишь фонариком), казалась до ужаса настоящей. Она - словно пламя свечи, от которого рушатся целые восковые замки. Наблюдая её, Денис схватил себя за запястье: всё тело его сотрясала крупная дрожь.

- Я тебя не боюсь! - закричал он. - Я, вообще-то, совсем из другого мира!

Не помогало. Денис до того обезумел в своей неспособности что-то предпринять, врос ногами в землю, что не сразу расслышал, что кричит ему Варра.

- Но Денис, это же моя мама! - вот что было у неё на устах. - Она не сделает тебе ничего плохого. Она очень добрая.

- Что ты такое говоришь? - Денис воззрился на девочку с таким выражением на лице, как будто первый раз её увидел. Она была уже гораздо ближе: шла к ТЕНИ, словно к лотку с мороженым в парке. - Тебя вообще здесь уже не должно быть! И тебя, и Макса!

- Думаешь, я не узнаю свою маму? Тут не надо даже раскладывать карты. Посмотри, у меня такой же подбородок! Но это не главное. Я чувствую, как она зовёт меня.

- Стой на месте! - закричал Денис. - Это обман!

Варра в сердцах всплеснула руками.

- Если бы у меня был лягушонок и травяной круг, я бы могла тебе доказать. Я прекрасно гадаю по травяному кругу, а лягушонок помогает указать на прячущегося человека. Ты бы тоже её узнал, хоть ни разу её не видел.

Денис хотел сказать, что он-то как раз видел ТЕНЬ - по крайней мере, однажды, за день до того, как с фортом Надежда произошло несчастье. Тогда она, правда, казалась меньше, но черты лица и эта коляска - перепутать невозможно.

- Но Варра... - вот всё, что мальчик смог прошептать.

Девочка была уже совсем близко, так, что могла заглянуть ему в лицо. Наверное, она смогла там что-то прочитать (ВО-ОТ ТАКУЩИМИ БУКВАМИ, Денис старался сделать свой безмолвный крик как можно более выразительным), потому как взяла его за запястье и сказала:

- Я пойду и поговорю с мамой. А вы с Максимом пока постоит в стороне. Вон там твой братик, видишь?

Варра легонько толкнула Дениса, и он, как выскользнувший из рук кусок мыла, вдруг обрёл волю к движению. Сделав первый шаг, запутался в туманных лозах и едва снова не очутился на земле, а потом, размахивая руками, чтобы предать деревянному своему телу ускорения, побежал. Он видел Макса и высокую фигуру Доминико рядом с ним. Призрак был жалок, будто клочок размокшей бумаги; он вновь и вновь пытался взять в охапку малыша и каждый раз терпел неудачу.

Руки мальчиков слились воедино; Денис обхватил брата по-медвежьи, каким-то образом сумел забросить его на плечо (хотя никогда не отличался особенной силой) и побрёл прочь, кряхтя и чуть не падая. Не было времени любезничать и обходить Доминико, поэтому он прошёл прямо насквозь, словно человек, который минует стену дождя, выныривая из-под зонта и запрыгивая в подъехавший к остановке троллейбус... Тело Макса под одеждой было твёрдое и тяжёлое, как будто несёшь завёрнутый в тряпку камень.

Удалившись на небольшое расстояние, Денис остановился и поставил брата на ноги, чтобы взглянуть на Варру.

Позже Денис задумывался, какой бес дёрнул его обернуться именно в этот момент. Секундой позже девочки бы уже не было. Он увидел, как женщина бросила коляску, чтобы склониться над малышкой и будто бы спрашивала: "Где ты так долго пропадала?" Их профили и в самом деле похожи. ТЕНЬ стала огромной; казалось, на любом из паромов, курсирующих в Выборгском заливе, она могла кататься как на лодочке. Если бы рядом были деревья, тополя, полные статного благородства, могучие дубы, они показались бы безродными лопухами. Казалось, мальчики смотрят в выжженную

прямо в небе дыру. Может, если они и вправду в книге, путешествуют от строчки к строчке, как осторожно предполагал Денис, эта тень - не более чем чернильное пятно, но сейчас она выглядит поистине ужасающей. Он затаил дыхание, сообразив вдруг, что расстояние, которое их разделяло, ТЕНЬ могла преодолеть одним шагом. Всё бесполезно! Всё! Ему хотелось заплакать. Если малыш Макс действительно ей нужен, у них нет шансов.

Пока его паника наполнялась воздухом, как мыльный пузырь, Варры не стало. То ли она, словно поддавшаяся настойчивым порывам ветра женская причёска, рассыпалась туманными прядями, то ли сама стала тенью, вкрадчивой, робко лежащей на траве: почти такой, какой была в самом начале их знакомства. Её не стало, и Денис вдруг не на шутку испугался: был ли он вообще знаком с этой девочкой? Помнит ли он ещё хоть что-нибудь о ней? Смешные рассказы, жадность, с которой она слушала истории о духах и ритуалах... скупые факты о семье – да, да, да... Всё было! Воскресив это на один миг в голове, Денис немного успокоился.

Значит, и она - была.

Значит, нужно сохранить... но прежде – оказаться как можно дальше отсюда.

Обливаясь слезами, Денис взял под мышку руку Максима и потащил его за собой.

Они бежали так долго, что дыхание превратилось во что-то колючее, в комок иголок, что катается по горлу вверх и вниз, а потом шли, бездумно, механически переставляя ноги. Голени ныли, и, казалось, вот-вот треснут, как поленья от удара топора.

Есть не хотелось. Тела молили об отдыхе, но, оборачиваясь, дети видели раскачивающуюся у горизонта фигуру, и сразу появлялись силы двигаться дальше. Если бы ОНА вздумала их нагнать, то сделала бы это в несколько шагов, переехав своей исполинской коляской, каждое колесо которой размером с колесо обозрения. Но ОНА только увеличивалась в размерах, будто воздушный шар великого путешественника на луну, который наполняют и наполняют газом.

Где-то далеко всходило солнце; пейзаж расцвёл жуками, да мошками, стрекозами и бабочками. Васильки жизнерадостными пятнами качались на ветру, словно пронумерованные точки из детской книжки, так и просящие соединить их в картинку. Всё было так, будто кто-то разбил банку с надписью "утро обыкновенное". Денис был рад даже этому; он косился на брата, гадая, как бы открутить у него колпачок, чтобы впустить немного этой живительной микстуры.

Макс был бледен, но двигался бойко, как кукла, которой разрешили один день побыть человеком. Ноздри жадно раздувались: пахло морем. Справа маячил небольшой отрог, где растительность приобретала жутко-коричневый оттенок, а всюду рядом были валуны, похожие на куски подтаявшего льда. Денис всматривался до рези в глазах: не получится ли проглядеть их насквозь и увидеть *море*? Но всё тщетно.

- Ты ещё увидишь, - пообещал Доминико, который был очень молчаливым с момента их встречи с Тенью.

Он показал вперёд, где небу грозило нечто уродливое, сложенное будто из кирпичей каменной соли и поросшее книзу мхом. Дениса захватило это зрелище: какой-то великан, наверное, обронил здесь этот маяк, как недокуренную папиросу, и ушёл прочь, ни о чём не жалея. Казалось, солнце начинается прямо оттуда, с вершины сооружения, оно прыгает в бурлящее море и, распахнув крылья, взмывает в небеса. Денис не видел солнца, но видел там, наверху, пульсирующий свет. Подобно огромным мотылькам, вокруг кружили вороны и чайки.

Мальчик взглянул на брата. О чём он думает? Рад ли окончанию пути, завершению самого бесполезного путешествия на свете? ТЕНЬ-то, вон, вовсе им не интересуется, иначе уже давно была бы здесь. Ей по вкусу сочный, разнообразный пирог этого мира, который - так подозревал Денис - скоро станет на один укус.

Однако ТЕНЬ была там, где Макс ожидал её увидеть. Значит, всё не так просто. Что-то привлекло её сюда – пусть и не его персона.

Они передвигались медленнее букашек. Мимо ветер нёс какой-то травяной мусор, семена и кузнечиков, которые, распахнув нелепые крылья, радовались новому дню.

Там, на западной стороне, по словам Доминико когда-то была деревушка, из которой раз в месяц к маяку доставляли мясо и кое-какую снедь. Там жили рыбаки и всякие страдальцы, те, кто приплыв на новую землю поняли, что она не для них. Эти бесконечные просторы, воюющие по ночам волками, а к утру молчащие кое-чем похуже, жаждущие храбрых сердец. Им бы обратно, на большую землю, подальше от этих аборигенов, смотрящих на мир кверху ногами, поближе к родным, дивным распрям, к грязи городов, к воронам, смотрящим на мир человеческими глазами, к пересудам и перетолкам... Но эти бедняги бандиты, отверженные, ссыльные бродяги, без пяти минут рабы - на что они могут рассчитывать? На место на каком корабле они смеют надеяться? Только сидеть на краю дивного нового мира и греть свою трусливую душонку в ладонях.

- А что с ними стало потом? – Спросил Денис у Доминико.

- Потом - не знаю. Знаю что теперь: если они видели *ЭТО*, путь для этих бедолаг один - заползти в воду и отрастить жабры с плавниками. Там теперь пусто, и хибары эти стоят покинутые.

Полдень. Денис срывал и жевал травинки, колоски, горькие листья с белым соком. Иногда попадались ягоды дикого крыжовника, мелкие и настолько кислые, что мгновенно просыпаешься. Громадина маяка нависает над ними, и с ним спорить может только та громада, что позади. От неё не отражается свет. Денис слышал от отца, что свет - это частицы, которые, как множество маленьких мячиков, отскакивают от всего подряд. А то, сквозь чего они пролетают насквозь как пуля - невидимо. А то, что пожирает их, как пожирает всё к чему прикоснётся – есть ЧЁРНАЯ ДЫРА. Или ТЕНЬ, ПОРЧА, КОРЬ, как называют её сиу. Чёрная, как сама чернота. Она и есть сама чернота. Противостояние болезненной белизны маяка и громады ТЕНИ казалось Денису чем-то пугающим.

- У меня здесь был огород, - обронил Доминико. Они шли между двух расчищенных, относительно ровных площадок, огороженных наполовину врытыми в землю камнями. - Когда-то здесь росли томаты, кукуруза, ярко-оранжевые тыквы, похожие на головы младенцев.

Теперь же не осталось ничего. Жухлая земля, на которой не росло даже сорняков, напоминала чью-то содранную шкуру. Пугало ещё стояло, однако головы у него не было. Под дырявыми лохмотьями виднелось заброшенное осиное гнездо. Неглубокий каменный колодец, использовавшийся когда-то для сбора дождевой воды, наискось пересекала трещина. По краям, будто насмешка могучей солёной воды над маленькой пресной водицей, блестела корочка соли.

Дети и Доминико пробирались теперь вдоль стены маяка. Окон не было. Дорожка буйно поросла крапивой. Непохоже, чтобы здесь кто-нибудь жил.

Слегка пришедший в себя Максим и Доминико углубились в воспоминания. Они спрашивали друг друга: а помнишь... а помнишь... как ты на меня первый раз вытаращился? Ты знать не знал, откуда в твоей башне мог взяться мокрый мальчишка в насквозь просаленных обносках. Ты меня ещё Христом назвал. Ну разве не смешно?

- А помнишь, как ты таскал мне воду?

- А помнишь, как я настолько оголодал, что съел все семечки от тыквы, что сушились у тебя на окне, хотя кладовые были до отказа забиты едой?

- Я этого не видел. Как раз отходил к Господу... может, я потому и остался на земле, что ты набивал себе брюхо, пока я умирал? Не мог подержать старика за руку...

Оба они были рады оказаться в знакомых местах - родных для одного и полных воспоминаний для другого. Денис помалкивал, глаза по сторонам: всё, что заставляло его забыть о чёрной громадине за спиной, достаивалось самого пристального взгляда. Вот блестит на камнях, составляющих маяк, влага. Вот паук сосредоточенно плетёт свою паутину. Вот... о боже, что это?

Море. Огромные, необъятные пространства уплывали к горизонту, где становились невесомой дымкой. Денис достаточно посмотрелся на Выборгский залив, но с первого взгляда было ясно, что это совсем не одно и то же. Вся вода залива была бы в этих водных массивах лишь каплей.

- Круто, - прошептал он. Впрочем, никто не слушал. В этом, наверное, весь смысл бесконечной воды: ты говоришь, а ей всё равно. Ты думаешь, а твои мысли опускаются на дно, не оставив даже пузырьков. Ты лежишь, на песке ли, на земле, на мелкой ли гальке, и улыбаешься во весь рот. И в этот момент понимаешь, что только так и нужно с морем общаться.

Каким-то парадоксальным образом Денис вдруг уверился, что уже видел море раньше, много-много раз. Просто не знал, что оно - это оно. Он смотрел вверх, видел барашки волн, набегающие на горизонт или на пурпурные крыши домиков родного города, и легкомысленно бежал дальше играть с Митяем или с кем-то ещё из приятелей.

Это открытие настолько выбило его из колеи, что мальчик остановился и хлопал глазами, пока брат и призрак удалялись, обсуждая между собой минувшее. А помнишь... Помнишь... вон там напоролся на рифы мой корабль. А вон, кстати, ещё видна его корма! Наверняка там сейчас полно чаек. Чайки умеют ждать, они парят над тобой, когда ты думаешь, что ты король морей, и спокойно подбирают чёрствый хлеб, который ты им бросаешь. Они знают, что рано или поздно возьмут своё. Совьют гнёзда даже на самом великом творении человеческих рук.

А там - небольшой курган с покосившимся крестом, под которым дотлевают кости старого зрителя. Несмотря на то, что в маяке была хорошая лопата, у мальчонки едва хватило бы сил вырыть могилу. Не говоря уж о том, чтобы поднять тело и вынести его наружу... должно быть, позже здесь побывали селяне, похоронив старика и установив нехитрое надгробие.

Похоже, Доминико и этому был рад.

Они добрались до крыльца - холодных каменных ступеней, глотки в тёмную прохладную глубину. Зубов не было. Небольшая пристань, вокруг которой лежало на боку несколько затопленных лодок, напоминала коричневые стариковские дёсны. Доминико парил над ней, словно серая славка над своим разорённым гнездом. Здесь была тесная бухта со спокойной, мертвенно-синей водой; если бы пристань находилась в открытом море, и лодки, и её саму давно бы разбили прибой.

Братья медленно стали подниматься по шербатым ступеням крыльца.

- Ты не боишься? - спросил Денис.

- Я боюсь только одного, - признался Макс. - Боюсь найти какую-нибудь малость, вроде чокнувшегося рыбака, который, подняв глаза и увидев над собой неработающий маяк, решил, что он будет неплохой заменой Доминико. ДРУГАЯ СТОРОНА способна меняться - я уже понял это из череды странных событий, которые сопровождали нас в путешествии.

- Не думай об этом, - сказал Денис, схватив брата за рукав. - Может, мы найдём там дверь, которая вернёт нас домой. Всякое же может случиться! Думай об этом, Макс.

- Не могу, - Максим замотал головой, лицо его покрылось частой штриховкой. - Потому что... ай, отстань. Что ты вообще ко мне привязался с этой дверью?

- Ты не хочешь возвращаться, - с горечью сказал Денис. - Тебе плевать на папу с мамой.

- Замолчи, - зашипел Максим. Зрачки исчезли из глаз, будто их пожрал невидимый огонь. - Ты мне уже надоел со своими разговорами. "Дом, дом, дом, дом, дом" - одно и то же! Я думаю, знаешь что? Я думаю, что для меня туда дорога навсегда закрыта. Меня ведь задавили. А потом, наверное, как и полагается поступать с маленькими мёртвыми мальчиками, похоронили и поставили сверху надгробный камень. Кем я буду, если вернусь обратно? Для кого я буду? Родители... да кто же знает, что они теперь делают? Может, они не вместе давно уже. Может, давно уже меня забыли.

- Я знаю, - лицо Дениса сияло улыбкой. - Они помнят тебя, Макс...

Не слушая, Максим ринулся вперёд, внутрь маяка. Ботинки его глухо застучали по лестнице. Маяк, будто огромный духовой музыкальный инструмент, извлечённый из пыльного мешка и приложенный к губам, глухо заворчал, готовясь выплюнуть торжественную, хриплую ноту. Денис посмотрел на Доминико - глаза его зияли провалами, лицо ничего не выражало - и бросился вслед за братом.

Рассохшееся ведро, плетёные корзины (уйма плетёных корзин: не то Доминико сам их плёл на досуге, не то селяне каждый раз приносили еду в новых корзинах, забывая забрать старые). Что-то глиняное, что-то каменное, что-то из дерева, лампа на крюке, колокольчик без языка, уключина лодочная, какой-то хлам, всё мешает под ногами, мельтешит перед глазами. Максим где-то наверху, и Денис стремится за ним, но никак не может догнать.

Когда Денис добрался до конца лестницы, силы почти оставили его. Здесь крошечная полукруглая комнатка, где, видно, жил смотритель. Дверь распахнута настежь, в сгнившем тюфяке мыши устроили себе жилище, а половину попросту съели. Наверное, здесь он и умер. Вот и чашка, из которой Доминико сделал, должно быть, последние в своей жизни глотки воды. Денис, не останавливаясь, перешагнул через неё. Брат прошёл на площадку, туда, где по ночам горел заключённый в исполинскую клеть огонь. Снедаемый тревожным чувством, мальчик устремился за ним.

О боже, что за место!

Сейчас, конечно, огонь не горел. Не потому, что на улице светило солнце, точнее, не только поэтому. А потому, что не мог гореть физически. Чаша была сворочена набок и, кажется, расколота. Наверное, в какую-нибудь из дождливых ночей в неё ударила молния. Любой горючий материал вытек бы оттуда в считанные минуты. Пахло чем-то застарелым. В щели в потолке птицы натаскали всякого сору и устроили гнёзда. Факела, от которых поджигалась чаша, валялись по всей территории.

Открытая площадка должна была продуваться всеми ветрами с севера на юг и с запада на восток. Казалось, море раскачивается и вот-вот грозит укрыть маяк своим покрывалом. На лице мгновенно осела солёная влага. Было решительно непонятно, как хоть что-то здесь могло гореть.

- Никогошеньки тут нет, - заключил Денис, отыскав глазами брата. - Что же мы с тобой тогда видели за свет?

Про себя он выдвигал десятки самых невероятных версий. Может, это призраки, вроде Доминико, собирались тут и танцевали свои призрачные танцы? Или, может, здесь решила поселиться шаровая молния: днём она на другой стороне земли, там, где дождь и гром, а потом прилетает ночевать сюда, отдохнуть от дневных побед.

Максим молчал. Он даже не оглянулся на Дениса, когда тот вошёл.

Отсюда мог бы открываться захватывающий вид на огромное поле, которое они прошли, на кромку леса, полного кукушек, на крошечные, как шляпки опят, шатры сиу Грязного Когтя, но ничего этого не было. Были лишь лоскуты: полоска жухлой травы здесь, полоска там, тяжёлый, стоячий воздух, как будто напрягшийся в ожидании чего-то ужасного. Всё остальное заполняла гипнотическая чернота. Она ещё сохраняла форму женщины с коляской, но было уже понятно, что это никакая не женщина, это просто *ничто*, рваная рана, которую не заклеить никаким пластырем, и которая, повинувшись каким-то своим законам, быстро разрастается. Как будто детство закончилось, и, словно ставя в нём точку, ты берёшь любимую пластиковую игрушку и идёшь с ней в лес, чтобы подносить пламя зажигалки и смотреть, как злой огонёк проедает дыру за дырой.

- Как же нам теперь попасть домой? - не в силах остановиться, проговорил Денис. Он старался, чтобы голос звучал непринужденно, но была струна, которая звучала не в унисон. Она плакала, вопила, выдавала всё отчаяние, о глубине которого мальчик сам не подозревал. И эта струна быстро взяла солирующую роль. Денис больше ничего не мог с собой поделаться. - Как же... мы будем искать, да? Мы обойдём весь этот глупый свет, спросим у каждого человека, построим лестницу в небо и посмотрим, что там, за облаками? Может, папа ничего не писал про космос, и мы поднимемся над краем страницы и сумеем подать ему знак... и тогда он перепишет всю историю, так, чтобы мы с тобой оказались дома. Или нет, мы разговорим ТЕНЬ! Ты же не знаешь что она такое, правильно? Значит, наверное, она знает, как отсюда выбраться. Как я скучаю по всему, что там осталось. По Митяю, по нашему дому... даже по школе - по ней тоже скучаю, хотя там заставляют учить уроки и не разрешают сидеть на партах. Но больше всего скучаю по маме с папой. По яичнице-глазунье на завтрак. Мама всегда делала на ней разные смешные рожицы, и ни разу, ни разу не повторилась.

- Мне тоже делала, - сказал Максим. Лицо его как будто кто-то быстро-быстро заштриховывал исчезающими чернилами. - Я тоже её любил.

На глазах у него блеснули слёзы-алмазы. Шум моря заглушал хрустальный звон, с которым касались они каменного пола.

Тут впервые за то время, которое они здесь находились, Максим взглянул на брата. Но взглянул не как обычно – он как будто смотрел насквозь.

- Если ты так скучаешь по дому, можешь вернуться хоть прямо сейчас. Обернись.

Денис послушался. Рядом с дверью, в которую он вошёл, появилась вторая. Просто дверной проём без створки, а за ним - родная комната, и томное раннее утро за окном, и мягко гладят стекло листья тополя. Не нарисованное, нет: мальчик успел забыть, насколько красочным может быть его родной мир. Если поставить ДРУГУЮ СТОРОНУ и реальность рядом, первая покажется просто неудачной пародией на вторую - чем, по сути, и являются комиксы. Гора одеял на постели, шкаф с игрушками, к которым Дениса всё ещё временами тянуло, но он стойко сопротивлялся этому зову, как и подобает мужчине. "Я уже вырос, - говорил он себе. - Уже почти взрослый... так не лучше ли будет пойти на улицу, побросать мяч и подёргать за косички девчонок?"

- Это он! Наш дом, - Денис посмотрел на брата. Он уже что-то подозревал, но восторг, как взрыв большой петарды, заглушил все прочие мысли. - Идём скорее, пока родители не проснулись! Устроим им сюрприз!

Максим помахал перед лицом рукой, как будто пытался протереть запотевшее автомобильное стекло. Он был мрачен.

- Я останусь здесь. Буду думать, как всё так получилось и что всё это может значить. А ты иди.

Денис в отчаянии всплеснул руками.

- Что с тобой, братец? Послушай, это сейчас моя комната, но ты тоже сможешь там жить! Родители просто поставят двухъярусную кровать, и...

- То не мой дом.

- Но мы же с тобой братья! Как такое может быть? Уж не сошёл ли ты с ума?

Денис потянулся к Максиму, чтобы потрогать его лоб, но тот увернулся. На этот раз он смотрел прямо на Дениса, и зрачки его приобрели форму полумесяца с острыми краями. Рот стал похож на змеиную голову, зубов там не было, был только угрожающе-влажный красный язык. Денис отшатнулся. Казалось, Макс сейчас может скатать в рулон даже ТЕНЬ, там, снаружи, скатать, словно грязный коврик у порога перед приходом гостей, чтобы убрать с глаз долой.

- Ты мой *вероятный* брат. Тебя никогда не существовало, но я решил, что ты непременно должен существовать. Чтобы родители не так расстраивались. Долгие вечера я провёл, вспоминая их и думая, что с ними теперь происходит. Мама, папа, как же я по ним скучал! Какими только способами я ни пытался подать им весточку, что я - вот он, живой, что не нужно меня оплакивать. Я бы отдал весь этот мир, только чтобы посмотреть, что они делают теперь. Поэтому рано ли, поздно, в моих мыслях появился ещё один человек. Ребёнок. Это ты. Если бы ты у них родился, они постарались бы меня забыть, вкладывая в тебя всю свою любовь. Внутри моей головы ты рос, учился ходить, дёргал отца за бороду, удивлялся капризам мамы, любил те же вещи, что и я, а некоторые, что удивительно, ненавидел. Например, гороховый суп. Если хочешь знать, я всегда уплетал его за обе щеки.

- Гороховый суп, - только и смог выдавить Денис. - Фу...

- Вот видишь. Ты перерос меня и стал делать вещи, о которых я мог только мечтать. Ты пошёл в школу. Ты стал бегать по двору со старшими мальчишками, которыми я всегда восхищался, ты стал тем отчаянным героем, который не побоялся забраться на часовой завод и на башню с часами. Который исколесил на велике весь город и даже тайком от родителей ездил однажды в парк Монрепо, и дальше, ожидая от каждого встречного услышать незнакомую речь.

- Откуда ты всё это узнал? - спросил Денис. - Я тебе не рассказывал! Так и знал - ты наблюдал за мной сверху, с облаков. Или... не знаю откуда, но ты за мной следил. Братец, если ты меня видел, разве ты не мог подать мне знак раньше? Сказать, что существуешь.

- Потому что ты был в моей голове, - сказал Максим, потирая виски. Кажется, он чувствовал неловкость за этот всплеск эмоций. - Ну, изначально. Город, в котором ты жил, я выстроил сам, из своих воспоминаний. Я им гордился. Это была моя скорлупа. Каждый камешек на подъездной дорожке, которого касались мои босые ноги, я описал так точно, что осталось только заключить эти

описания в обложку и выпустить как книгу. Сколько слов было потрачено на этот город! Но, как любой птенец, я вырос из своей скорлупы и перестал там появляться. Только иногда бродил по улицам и заглядывал в окна. Грыз яблоки и качался на качелях возле детского сада. Примерно тогда же и появился ты. А призвал я тебя, когда понял, что до маяка в одиночку мне не добраться - что-то всегда отбрасывало меня назад... И ещё потому, что ПОРЧА затронула даже это сокровенное место - думаю так или иначе ты её заметил. Если не встретился с ней лицом к лицу, то обязательно заметил краешком глаза что-то пронзительно-чёрное. Как клякса. Как разлитая кола, только живая. Может, ты заметил что-то более страшное. Скоро она разьест там всё. Но, конечно, ты ещё можешь успеть провести некоторое время со своими ненастоящими родителями. Дни, месяцы. А может, годы. Кто знает?

- У тебя жар, - озабоченно сказал Денис, так, как это говорила мама. Он побледнел, но старался не падать духом. - Пойдём, мы с мамой поставим градусник и вызовем врача. Педиатра. Я, конечно, сам не больно люблю эту толстую женщину. Мы с Митяем называем её усатой выдрой, потому что у неё и в самом деле есть усы. Хочешь посмотреть? Это весело. Так пойдём...

Он сделал движение, чтобы схватить брата, но тот выскользнул из рук, как тёплый кусок масла. Вот он совсем рядом, а вот уже далеко, за расколотой каменной чашей. Губы двигаются, и Денис вдруг чувствует, как дверной проём распахивается всё шире, словно пасть кита, который вздумал проглотить маленькую рыбёшку, а с ней и несколько галлонов воды.

- Отправляйся домой, - сказал Максим горько. - Поживи, сколько успеешь. Там время течёт не так, как здесь, так что сколько-то успеешь. А я... я попытаюсь узнать у НЕЁ, кто и зачем подавал мне сигналы.

Он повернулся к ТЕНИ и больше ничего не сказал. Крошечная его фигурка на фоне вселенской черноты казалась одинокой кометой в беззвёздном небе.

- Доминико, прошу! - плача завопил Денис, увидев перед собой смешную шапку призрака. - Скажи, что всё это неправда!

- Увы, пацан, - сказал дух. - Но ты и в самом деле фальшивка. Глупо. Я говорил Максиму, что из этого ничего не выйдет. Но, признаться, был удивлён, когда ты начал разговаривать вполне разумно. А теперь прощай. Возможно, мы больше не увидимся. Господи, смотри, какая она страшная, эта машина!

И Денис, споткнувшись о порог, спиной вперёд влетел в собственную комнату, перевернув по пути табурет. Дверной проём захлопнулся перед носом стеной с фотообоями с джунглями, слоном и тигром. Старыми фотообоями, пахнущими пролитым на них соком, такими знакомыми... Сейчас Денис готов был броситься на стену, молотить кулаками и орать: "Я настоящий! Я вам докажу, что я настоящий!"

Дверь распахнулась. Мама заглянула в комнату так, будто ожидала увидеть здесь как минимум последствия локального землетрясения. Как максимум, должно быть, нашествие Годзиллы.

- Что здесь происходит? - спросила она. - Ты ничего не сломал?

Денис готов был броситься ей на шею. Такая свежая, такая родная. Сейчас, наверное, утро, судя по тому, что на её майке чернеют свежие пятна от кофе. С забранными в толстую косу волосами как всегда непорядок, но перед выходом на работу мама, конечно, их приберёт.

- Что это с тобой? Ты что, опять влез в окно по дереву? Я же тебя просила так не делать! О боже, у тебя листья в волосах... что ты, позволь спросить, делал на улице в такую рань?

- Я... мы... - начал он, лихорадочно придумывая, какую бы историю рассказать. Но если бы даже в голове появилось что-то внятное и логичное, что-то вроде поездки вместе с Митяем в доки, чтобы посмотреть на прибывший от каких-нибудь дальних туманных берегов исполин-паром, трясущийся рот не позволил бы её рассказать.

Денис бросился на шею матери, едва не сбив её с ног. Из глаз текли слёзы. Он пытался сказать, что скучал, что видел Максима, но так и не смог привести его домой. Пытался уложить все перипетии их самого *ненужного на свете* путешествия в двух-трёх сдавленных звуках.

- Что ты там бормочешь, я не слышу, - сказала мама. Она отодвинула Дениса от себя, специальным, опытным взглядом, который для своих чад есть у каждой мамы, оглядела с ног до головы. С лаем прибежал Рупор, принялся лизать голые ноги мальчика. Только теперь Денис сподобился себя оглядеть и обнаружил, что на нём обыкновенная одежда для сна - майка и трусы. Брат позаботился, чтобы его возвращение прошло как можно более безболезненно. Кровать разворочена, будто среди приливов и отливов одеял и простыней вдруг зародилось настоящее торнадо.

- Послушай, мне нужно собираться на работу, - сказала тем временем мама. - Иди в ванную, умойся. Завтрак на столе, за ним и расскажешь, что тебя так расстроило.

Денис повиновался. Он тщательно вымылся, наслаждаясь каждой каплей тёплой воды, фыркая и не замечая, как по плитке на стенах струятся настоящие водопады, он полоскал руки до локтей и вновь и вновь старался смыть с них невидимую грязь. Промыл между пальцами и даже под ногтями, чего никогда раньше не было. Вода, утекающая в сливное отверстие, впрочем, не стала сильно грязной. Всё было... как-то не так. Денис уставился на себя в зеркале, пытаясь найти хоть малюсенькое упоминание о прошедшем путешествии, и нашёл: лёгкую черноту под глазами, как будто тень пережитых событий. ТЕНЬ... это слово звучит теперь двояко в любом контексте. Не про эту ли тень говорил Макс? Она, говорит, начинает разъедать его родной мир - он ведь не настоящий, не то, что эта ДРУГАЯ СТОРОНА. Мама говорила: "Листья в волосах", но там Денис обнаружил только обрзок от зелёной цветной бумаги, и больше ничего.

"А она ведь тоже не настоящая, - вдруг подумал Денис, тщательно смывая с переносицы мыло. Руки его на миг замерли, а после продолжили движения. - Максим говорил, что меня он придумал, чтобы маме и папе было не так одиноко... но сначала, должно быть, были придуманы они".

Странная мысль. Если бы маму или папу подменили, Денис почувствовал бы подмену за три версты. Но как раскрыть эту тайну, если ты, сам будучи подменой, родился у фальшивки и прожил рядом с ней всю сознательную жизнь? Это напоминает зеркальный лабиринт, где, как Денис вычитал в какой-то книжке, можно потерять не только ведущую к выходу дорожку, но и самого себя.

Денис нещадно мял руки, заламывал пальцы и, закусив губу, пробовал прочувствовать боль. Он-то знал, что это никакой не сон. И брат, и Доминико, и эта жуткая ПОРЧА, и все-все, начиная от сиу и кончая искрящимся морем, были настоящие... оттого ещё жутче, потому что последние слова его, как от них не отгораживайся, тоже могли быть правдой. И мама, и папа... конечно же, они всамделишные. Денис столько с ними прожил. Они не могли оказаться фантазий в чьей-то голове.

Когда он вымылся, оделся и вышел в зал, сияя как отполированный до блеска бриллиант под лупой коллекционера, там уже сидел папа. На нём - просторная белая рубашка, специально для летних посиделок на крыльце, шорты и тапочки. Волосы, как обычно бывало после утренней ванны, залачены на манер старых фильмов об Америке двадцатых годов и зачёсаны назад. И выражение на лице, как у кота, который поймал рыбку, и рыбка эта - отличный день. Денис готов был броситься на шею и ему, и только то, что отец не признаёт подобных лобызаний, предпочитая держать дистанцию в отношениях отца и сына (не слишком большую, но дистанцию), его удержало.

- Что, малыш, - сказал он, отправляя в рот вилку с куском яичницы. - Плохой сон?

Денис готов был сделать из слова "малыш" медаль и носить её на груди с гордостью, не снимая до самой старости.

Сон? На минуту Денису и в самом деле так показалось. Разве он не свалился с кровати десять минут назад, разве не в короткий миг падения уложился стремительный полёт вверх по ступеням маяка и последний разговор с братом? Все эти истины, которые были на него излиты...

Денисова робкая надежда, чтобы это всё и в самом деле оказалось сном, вдребезги разлеталась в момент столкновения с образом. Этот Максим: робкий, чужой, умный и забавный в редкие, но яркие моменты. Как одичалый учёный, вечно ищущий и любопытный. За время их самого ненужного на свете путешествия Денис, кажется, узнал его, как никого. Он и в самом деле полюбил братика. Как может оказаться так, что он растворится без следа, исчезнет? Как может оказаться, что его братец никогда на самом деле не существовал? И всё же сейчас, сидя за столом и заново привыкая к мягкой обивке стула, ножки которого точно по ногам мальчишки (замечательное изобретение человечества,

эти стулья; всяко лучше камней или травы, на которых приходилось сидеть во время путешествия), готовясь точно направить вилку в разложенную на тарелке еду, Денис не мог поверить последним словам Максима. Может так быть, что только эта, последняя часть их путешествия была сном? Наверное, он, Денис, утомившись, вконец сбив ноги, устроился на бывшем огороде Доминико под самым большим лопухом, и спит, в то время как братик и дух, не замечая потерь в своих рядах, пробуют на прочность ступеньки крыльца и придаются воспоминаниям.

Под столом, незаметно от мамы и папы, Денис ещё раз ущипнул себя за руку. Ничего. Нет, лучше будет думать, что под этим кустом он и нашёл волшебную дверь, провалился в кроличью нору, как Алиса из книжки, только эта нора вела в обыкновенный мир. И проснулся, упав с собственной постели.

Вздохнув, Денис решил, что пока будет держаться этой теории.

- Всё хорошо, папа, - сказал он, отправляя в рот первый караван с едой.

Отец нахмурился.

- Ты потише ешь, господин юный людоед, не проглоти вместе с содержимым тарелки нас всех.

Он был сегодня в прекрасном настроении. Может, даже улыбался, но за бородой это было трудно понять. Отец обладал редким даром хмуриться и улыбаться одновременно.

- Вы невкусные. Я просто, наверное, жевал во сне одеяло и соскучился по нормальной пище.

- Даже по манной каше с комочками? - спросила с кухни мама.

Денис заёрзал на стуле.

- А что, она будет?

- Да, сейчас вплывёт. На огромном блюде, как ты любишь. Комочек на комочке, всё на листьях шавеля. Ты же любишь его так же, как и манную кашу, я ничего не путаю?

На мгновение Денису показалось, что в руках у мамы, на тарелке будет комковатая тьма, которая, как чёрная дыра, немедленно затянет в себя всё вокруг. Чтобы избавиться от этого видения, Денис зажмурился и больно надавил на большой палец ноги ножкой стула. Он слышал вкрадчивые мамини шаги, шуршание её юбки, чувствовал, как на шее выступает холодный пот. Но это всего лишь поднос с яблоками, румяными и кое-где уже переспелыми. Ставя поднос на стол, мама подмигнула. Переспелые, "сахарные" яблоки всегда были страстью Дениса. Но сейчас он не испытывал к ним влечения.

- Спасибо, - сказал он, беря один плод и чувствуя, как голова идёт кругом. - Я, пожалуй, пойду к себе. Почитаю что-нибудь.

- На улице прекрасная погода, - сказал папа. - Открой хотя бы окно.

- Так и сделаю - пообещал Денис.

В распахнутое окно, словно джип, немедленно влетел Митяй. Когда Денис увидел уцепившиеся за карниз пальцы, он снова подумал о ТЕНИ. Но образ её как будто уменьшался в размерах, уходил прочь. Он больше не был таким пронзительным, не казался глубже самого глубокого колодца. Возможно, пройдёт время, и Денис будет видеть её признаки лишь в колючих силуэтах, которые росистым утром отбрасывают на землю кленовые деревья.

Румяное лицо Митяя светилось, как у бурундука, который видел, как в кладовую пронесли мешок семечек.

- Ну, что?

- Что что?

- Насчёт чердака? Ты был там? Ну же, скажи, герой, что ты обдурил предков и стал Джеймсом Бондом года в этом доме? Конечно, только в то время, когда я у тебя не гощу.

- Не был.

- Но я видел, как зажглась лампа!

- Ах, да. Лампа, - Денис досадливо потёр бровь. - Я про неё забыл.

- Ага! - палец Митяя обвинительно ткнул Дениса прямо в нос. - Теперь говори! Нашёл ты своего брата? Он, наверное, умственно отсталый, и его держат на чердаке, чтобы тебе не пришлось выводить его на поводке, как собаку.

- Сам ты умственно отсталый, - сказал Денис. Он ни капельки не обиделся. Митяй же... ничегошеньки не знает. Если раньше он восторгался этим мальчишкой, то теперь чувствовал, что готов отмахнуться от него, как от назойливой мухи.

Митяй видно что-то почувствовал, потому как посерьёзnel.

- Так что ты там нашёл?

Денис рассказал о ненаписанной книге в "писательском" столе у отца, умолчав, конечно, обо всём, что случилось в последующие дни. Тем более что для мамы, и папы, и Митяя этих дней не было.

- А как же твой брат?

- Он был, но сейчас его нет, - сказал Денис, стараясь, чтобы голос звучал как можно более бесстрастно. - Его сбила машина... моя мама, когда выривала из гаража. Он теперь живёт там, в этой книге. Отец начал её писать, да почему-то не закончил. Видно, понял, что писателя из него не получится. Братец там, словно малолетний морской капитан, корабль которого садится на рифы. Тогда он в одиночку добирался до маяка, где находит умирающего зрителя, призрак которого становится ему другом. Папка начал сочинять и записывать эту историю, когда Максим был ещё жив. Но когда случилось несчастье, он не смог больше писать.

Денис рассказывал всё это так, будто говорил не о собственной семье, а о чём-то услышанным краем уха в сериале по телевизору. Митяй смерил его внимательным взглядом.

- Твоя мама не водит машину.

- Теперь не водит.

- Ты что-то не договариваешь, - услышав, как родители ходят за дверь, убирая со стола, Митяй понизил голос. - Она ни за что не осталась бы такой приветливой, весёлой, если бы задавила собственного сына машиной.

- Наверное, она пила какие-нибудь таблетки, - сказал Денис, со спокойной отрешённостью понимая, что скоро Митяй, который разбирается во взрослых неизмеримо лучше чем он, загонит Дениса в угол. - Чтобы всё забыть.

- Ну а твой отец? Он тоже ничего не помнит? И вообще, кто тебе всё это рассказал?

Впервые в своей жизни Денис использовал приём, который будет применять в неудобных и просто бесполезных по его мнению разговорах в течение всей своей жизни - угрюмое молчание, похожее на звук, с которым камни стучат друг об дружку на холодном, просоленном берегу, когда на него накатывает волна.

Митяй не мог понять, что случилось с его лучшим другом. Он запустил в ладони волосы и смотрел на Дениса, словно ожидая, что ответ просыплется из него, как крупа из треснувшего сосуда. А потом, не говоря ни слова, вылез в окно и исчез. Слышно было, как мягко приняла его земля, как скрипнула ось велосипеда.

- Они мне ещё расскажут, - сказал Денис окну и развевающимся занавескам. - Клянусь, рано или поздно они расскажут.

26.

К вечеру Денис всё же вышел на улицу. Он сидел на ступеньке крыльца, ожидая пока солнце, словно кусочек сахара, растворится в окружающих постройках, когда его окрикнули:

- Эй! Привет!

В дверях соседнего дома стояла девочка. Недавно туда въехали новые жильцы, и Денис ещё не успел с ними познакомиться. Ничего не говоря, он помахал ей рукой. Девочка не была похожа на кого-то, кто первым заговаривает с незнакомцами. Однако Денис не был уверен, что они такие уж "незнакомцы". Что-то было в ней такое, из-за чего ржавые шестерёнки памяти глубоко в голове начинали скрипеть и с гудением в ушах проворачиваться. Денис поскрёб затылок: возможно, именно там эти шестерёнки и находились.

Девчонке на вид было не больше тринадцати. Она смущённо улыбалась. И всё же, какое у этой девчонки знакомое лицо!

- Как тебя зовут? - спросил Денис.

- Варвара. Все зовут меня просто Варей.

Денис сразу вспомнил свой сон (или не сон?!).

- Варра!

Девочка засмеялась.

- Нет. Одно "эр". Ты что, иностранец?

- Конечно, нет. Я живу в этом доме. Выходит мы соседи. А почему ты со мной заговорила?

- Ну как... - девочка растерялась. - Хотела познакомиться. Ну, я, пожалуй, уже пойду, мама волнуется.

К тому времени Денис уже был готов действовать. Подождал, пока за Варей закроется дверь, поднялся и углубился в полумрак между двумя домами. У соседского дома окна были распахнуты и деликатно, словно ресницами, шевелили шторами. На подоконниках много цветов, но выглядели они будто вырезанные из картона. Денис заглянул в одно из окон и разглядел в глубине комнаты большую детскую коляску. В углу, прислонённый к стене, стоял старомодный зонт-тросточка. По колено в зарослях крапивы он добрался до угла Вариного дома и обнаружил, что у того нет задней стены. И вот теперь Денис смотрел, как из большой брешы, словно из опрокинутого ведра, проливается нечто чёрное. Не отвратительно-чёрное и не завораживающе-чёрное... никакое. Пустое. Это как бездонный, разъявленный рот птенца. Птенец этот вырастет и проглотит весь мир, но пока это всего лишь птенец, он разевает клюв на огромный, пока ещё огромный, земной шар, и всё, что туда проваливается, исчезает без следа. Денис стоял опасно близко. Не критично, но всё же опасно. Он не испугался. Лишь почему-то почувствовал на себе вселенскую досаду.

- Ну что, ты всё ещё не веришь?

Денис запрокинул голову и увидел в окне своей комнаты Максима. Да, да, Максима! Видно, он стоял на стуле, иначе ни за что не достал бы до окна. Локтями он опирался о подоконник, подбородок устроил на руках и смотрел на Дениса сверху вниз, как человек, разглядывающий прилипшую к ноге пушинку. На носу малыша были очки, соломенные волосы торчали во все стороны из-под смешной пиратской треуголки. Мальчишка будто только что вернулся с утренника в детском саду, и всё бы ничего, только Денис вдруг подумал: из волшебного мира явился не малыш, а он сам. Явился из мира теленовостей с другого конца земли, бегущих по рельсам электрических машин и людей смешных нравов. Теперь его уведут за руку, и он, сопливый малец, ничего не в состоянии поделать, чтобы сохранить созданную для себя вселенную.

- Как я и говорил, - сказал маленький пират. - Нигде нет спасения. ТЕНЬ уже добралась до вашего мира. Выходит, он тоже часть ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Можно было бы подумать, что это продолжение сна, что Дениса разморило на родном крыльце, и он свернулся калачиком и уснул. Но реальность беспощадна. Она сразу даёт тебе понять, что бесполезно даже озираться в поисках укрытия. Ты с отчаянной ясностью понимаешь, что насланными Морфеем галлюцинациями здесь даже не пахнет. И тогда в тебе кто-то переворачивает песочные часы, и лёгкие сжимаются, трепещут от недостатка воздуха.

- У нас ТЕНЬ вымахала ещё на несколько дюймов в высоту, - продолжал Максим. - Доминико предложил оставить маяк и нарисовать корабль. Возможно, так мы могли бы выиграть ещё некоторое время. В конце концов, есть же другие земли. Множество других земель. Всё бы ничего, но мой карандаш остался у тебя.

Денис опустил руку в карман брюк и нащупал огрызок карандаша. Он понял, что малыш в отчаянии. Ноги его, наверное, дрожали, как у загнанного гиенами к обрыву оленёнка. Вдруг из окна соседнего дома появилась и тут же исчезла голова женщины в широкополой шляпе. Или Денису это показалось?

"Денис, это же моя мама! Она не сделает тебе ничего плохого", - вдруг вспомнились Денису слова Варры (Вари?!). Там, на ДРУГОЙ СТОРОНЕ. Он подумал, что Варра, возможно, могла бы рассказать им больше. Предполагается, что пустота не содержит ничего, но это означает - *совсем* ничего, но эти образы - женщина, коляска - они должны были откуда-то появиться?

- Доминико мой самый верный спутник, - малыш покивал головой, - да, да, и он верит в меня, но не он и не я на такое не способны. Создать целый корабль! У меня, может, и хватит знаний - я же, в конце концов, был капитаном, - но не фантазии или времени. Тем более, в такой момент. Просить тебя мне помогать было бы неправильно. Хотя у тебя бы отлично получилось, с такой великолепной фантазией. Но о чём это я: я тебя творцом не придумывал. Я придумал тебя для того, чтобы родители не сильно горевали.

Денис опустил на корточках, а потом, не обращая внимания на жжение в кистях, сел прямо в крапиву.

- Что ты такое говоришь! Я готов помочь прямо сейчас! Твой карандаш у меня в кармане. Мы нарисуем корабль и отправимся подальше от этих мест. Мы даже можем нарисовать космический корабль, на случай если ТЕНЬ завладеет землёй!

...Денис даже не заметил, как ноги принесли его на второй этаж, в собственную комнату. Призрак торчал посреди тёмного помещения, несуразный, словно оплавленная свеча. Сквозь стены, сквозь книжные полки, сквозь коробку с покрытыми пылью игрушками проступил аскетичный интерьер маяка. Пейзаж за окном тоже менялся - скворечник на рябине маячил на фоне бескрайних степных просторов; казалось теперь, будто это гнездо одинокого человека-кукушки.

Максим стоял на стуле возле окна. Он нервно запустил ладонь в волосы. Глаза его двигались в орбитах, ни на чём конкретно не фокусируясь, будто рассматривали что-то изнутри.

...На фотообоях с джунглями волшебным карандашом Денис нарисовал дверь и открыл её створку. Сразу повеяло морской сыростью. Он перешагнул через порог и очутился на площадке маяка, обдуваемой всеми ветрами.

На лице Доминико сложилось печальное выражение.

- Я с самого начала знал, что этот мальчишка плохо кончит. Слишком уж шустрый. Никакие правила ему не писаны. Подумать только, полез спасать меня в мир теней! Да кто он такой, во имя всех католических святых, чтобы быть настолько самоуверенным?

Максим пожал плечами.

- Человек. Маленький храбрый человек.

- Ты же не собираешься идти следом?

- Собираюсь... если мне хватит смелости...

Призрак адресовал долгий взгляд Максиму.

- У него и не было, быть может, никакой смелости. Он же придумка. Пустышка! Что стоит ему туда войти и просто исчезнуть?

В голосе малыша вдруг звякнуло железо.

- Он мой брат. Пусть и не настоящий... но кто, если подумать, на самом деле я? Меня давно уже не должно быть на свете. Он лучше меня, честнее меня, а значит, я должен за ним тянуться. Как будто за старшим братом. Путешествия, мой друг, нужны не для того, чтобы перенести свои тела в определённую точку мироздания. А для того, чтобы ты пришёл к какой-то цели, вот здесь, - Максим ткнул себе пальцем в лоб, - внутри своей головы. Кроме того, есть особый смысл в том, чтобы все путешествия заканчивались там, где они начинались.

- Значит, всё-таки пойдёшь, - сказал Доминико, жонглируя эмоциями на карикатурном лице. Он напоминал маленькую ручную обезьянку, которую старый хозяин решил выпустить на свободу. - Моя голова прозрачна и выглядит как жёваная бумага, но я поверю тебе на слово. В конце концов, я здесь не главный герой, и, кроме того, весьма труслив. Времена моей храбрости остались в прошлом, когда я поднимался на маяк и поддерживал огонь в самый жуткий шторм.

- Не грусти, друг, - лицо Максима осветилось улыбкой. - Встретимся в лучшем мире. Я лично собираюсь узнать, что такое эта ТЕНЬ, и прямо сейчас!

Чуть-чуть помедлив, Максим перешагнул через порог нарисованной двери.

- Всё же интересно, кому и зачем понадобилось выполнять мою работу? Как он разводил огонь в разбитой чаше? - Адресовал Доминико свои слова открытому portalу. - Считаю, меня волнует этот

вопрос, как бывшего хранителя маяка. Ну, вроде как из практических соображений... В конце концов, сложить оружие и сдаться этой большой кляксе мы могли с десяток раз. И призрачный "Санчо Панса" последовал за своим маленьким спутником.

Конец